

Коллекция рассказов

ФИЛИП К. ДИК

ЗОЛОТОЙ
ЧЕЛОВЕК

FANIZON

Fanzon. Филип К. Дик. Коллекция рассказов

Филип Киндред Дик

Золотой человек

«ЭКСМО»

1953-1959

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф.

Золотой человек / Ф. Дик — «Эксмо», 1953-1959 — (Fanzon. Филип К. Дик. Коллекция рассказов)

ISBN 978-5-04-199984-1

«...Выворачивать наизнанку базовые категории реальности наподобие пространства и времени мне нравится с давних пор. Наверное, из-за пристрастия к хаосу вообще». — Филип К. Дик Второй том полного собрания рассказов и повестей одного из самых выдающихся новаторов научной фантастики — Филипа К. Дика. Рассказы, которые увидели свет в 1953—1959 годах, раскрывают его еще больше как визионера, творца парадоксальных миров, мастера поднимать сложные философские и религиозные вопросы и превращать их в научную фантастику, полную паранойи, абсурда, черного юмора и отсылок к контркультуре. Часть произведений сопровождаются авторскими комментариями. Все переводы новые, сделанные специально для этого издания. «Загляните в разум гения... Этот сборник рассказов великолепен, заставляет думать, забавен и, если честно, даже немного пугает»... «Дик с легкостью и спокойствием написал серьезную фантастику в популярной форме и я не знаю, что может быть еще большей похвалой»... «Ни один другой писатель этого поколения не обладает такой мощной интеллектуальной силой. Она отпечатывается не только в ваших воспоминаниях, но и в вашем воображении»... «Прекрасная дань уважения великому писателю-философу, который считал научную фантастику идеальной формой выражения своих идей»... — Goodreads

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199984-1

© Дик Ф., 1953-1959

© Эксмо, 1953-1959

Содержание

Космические браконьеры	7
Потомство	16
Некоторые формы жизни	30
Марсиане, целыми тучами	39
Проездной	47
Мир на ее вкус	57
Вылазка на поверхность	70
Проект «Земля»	85
Пузыри преткновения	102
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Филип К. Дик

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК

Philip K. Dick
THE COMPLETE SHORT STORIES
VOLUME 2

Copyright © The Estate of Philip K. Dick 1987. Individual stories were copyrighted in their year of publication and copyrights have been renewed by Philip K. Dick and The Estate of Philip K. Dick as applicable. Previously unpublished stories are Copyright © 1987 by The Estate of Philip K. Dick. All rights reserved

The text of this edition follows that of the five-volume Collected Stories of Philip K. Dick published in the UK by Millennium, an imprint of Victor Gollancz, in 1999–2000, with minor emendations. Please refer to the Notes section of each volume for the publication dates of individual stories.

Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Космические браконьеры

– Что за корабль такой? Что за тип?

Не сводя немигающего взгляда с видеомонитора, капитан Шур крепко стиснул рычажки прецизионного управления.

Корабельный штурман, Нельсон, подошел ближе и тоже взглянул на экран через плечо капитана.

– Минутку...

Развернув контрольную фотокамеру, он нажал кнопку. Снимок экрана тут же исчез в жерле канала пневмопочты и отправился в штурманскую рубку.

– Спокойствие. Сейчас Барнс все точно определит.

– Но что они тут делают? Какой дьявол их сюда занес? Всем же должно быть известно: система Сириуса закрыта.

Нельсон коснулся экрана пальцем.

– Видите продолговатые баллоны вдоль бортов? И брюхо вон какое. Грузовик. Транспорт с грузом.

– Да? А вы, пока рядом, взгляните-ка вот на это!

Шур повернул колесико верньера, увеличивая изображение. Неизвестный корабль, словно приблизившись вплотную, разросся, заполнил собой весь экран.

– Видите вон тот ряд выступов?

– Вижу, и что?

– Тяжелая артиллерия, до поры скрытая под кожухами. Для стрельбы в космическом пространстве. Транспорт с грузом... однако вооруженный.

– Может, пираты?

– Может, и так, – пробормотал Шур, поигрывая микрофоном бортовой станции дальней связи. – Пожалуй, надо бы на Терру сообщить.

– Чего ради?

– Возможно, это передовой дозор.

Нельсон моргнул.

– Думаете, нас прощупывают? Но если за ним идут остальные, почему наши камеры их еще не засекли?

– Возможно, остальные за пределами видимости.

– То есть больше чем в двух световых годах? Камеры я настроил на максимум, а лучших для наблюдения еще не придумано.

Хлопок – и из трубы пневмопочты вылетела, заскакала по столу капсула с ответом из штурманской рубки. С треском разломив ее надвое, Шур быстро прочел сообщение и передал его Нельсону.

– Вот, смотрите.

Корабль оказался адхарским грузовым транспортом первого класса, одним из новейшей серии. Под распечатанными строками Барнс приписал от руки: «Вооружение стандартным проектом не предусмотрено. Должно быть, пушки добавлены индивидуально. Обычно адхарские грузовики артиллерии на борту не несут».

– Стало быть, не приманка, – пробормотал себе под нос Шур. – Этот вариант со счетов сбрасываем. Что нам вообще известно об Адхаре? Что их кораблю может быть нужно в системе Сириуса? Терра блокирует весь этот регион уже не первый год. Им следовало бы знать, что на торговлю здесь рассчитывать не приходится.

– Об адхаранах вообще мало что известно. В Общегалактической Торговой Конференции они участвовали... и это все.

– Что представляет собой их раса?

– Паукообразные. Самый распространенный в этой области тип, ответвление от исходного, великомурзимского. Держатся замкнуто, к общению не стремятся. Социальная структура крайне сложная и негибкая. По сути, их общество – совокупность взаимозависимых, жестко разграниченных сословных групп.

– То есть они – насекомые?

– Можно сказать, да. В той же степени, в какой мы – лемуры.

Шур вновь повернулся к экрану, уменьшил изображение и замер, не сводя глаз со странного корабля. Камера наблюдения вела грузовик адхаран автоматически, удерживая цель в центре экрана.

В сравнении с тонким, изящным терранским крейсером массивный, черный адхарский корабль выглядел неповоротливым, вздувшимся, будто объевшийся земляной червяк. Казалось, его округлые глухие борта вот-вот лопнут. Моргая огнями проблесковых маячков, грузовик двигался к внешней, десятой по счету, планете системы Сириуса. Неторопливо, точно с опаской, на ощупь, адхарский транспорт достиг ее орбиты и принялся маневрировать, готовясь к посадке. Спустя недолгое время сопла его тормозных двигателей полыхнули алым огнем, и разбухший земляной червяк устремился вниз – к поверхности планеты.

– Садятся, – негромко пробормотал Нельсон.

– Вот и прекрасно. Неподвижная цель – это нам только на руку.

Коснувшись поверхности десятой планеты в системе, адхарский транспорт остановился, замер, выключил двигатели и окутался тучей пыли, поднятой выхлопами. Сел грузовик между двух горных хребтов, посреди серой, бесплодной песчаной пустоши. Подобные пустоши и голые скалы сплошь покрывали поверхность десятой планеты системы Сириуса. Ни жизни, ни воды, ни атмосферы... Только песок, промерзший насквозь серый камень, громадные черные тени, бездонные темные пропасти – многие мили изъезженной стихиями, суровой, враждебной земли.

Но вот адхарский корабль ожил, распахнул крышки люков и выплеснул на серый песок множество черных точек. Стремительно увеличиваясь в числе, темные пятнышки хлынули наружу и двумя волнами устремились в стороны. Одни помчались к ближайшей горной гряде и тут же затерялись среди пиков и кратеров. Другие, направившиеся в сторону дальних гор, скрылись из виду в их длинных тенях.

– Будь я проклят, – в недоумении пробормотал Шур. – Ничего не пойму. Что им могло там понадобиться? Мы же прочесали все десять планет частым гребнем и ничего полезного, нужного внизу не нашли.

– Возможно, у них другие нужды. Или другие методы поиска.

Шур замер, не сводя глаз с экрана.

– Смотрите! Машины возвращаются к кораблю!

Действительно, черные точки, покинув тень горных вершин и россыпи кратеров, полным ходом неслись по песчаной пустоши назад, к червяку-матке. Люки грузовика вновь распахнулись, и машины одна за другой исчезли в недрах его трюмов. Стоило кораблю принять на борт последние, чуть запоздавшие, люки захлопнулись.

– Что они, дьявол их побери, могли там отыскать? – проворчал Шур.

В рубку управления, слегка пригнувшись, вошел Барнс, командир БЧ связи.

– Он еще там? Дайте взглянуть. Адхарских судов я еще не видел.

Адхарский транспорт внизу, на поверхности планеты, встрепенулся, затрясся, задрожал от носа до самой кормы, взмыл в небо и, стремительно набирая скорость, помчался к девятой планете системы. Некоторое время адхаране кружили по орбите, обозревая растрескавшуюся, испещренную воронками кратеров поверхность внизу. Опустевшие котловины высохших океанов тянулись вдаль, точно исполинские блинные сковороды.

Наконец, выбрав одну из котловин, адхарский транспорт пошел на посадку и приземлился, окутавшись тучами пыли пополам с выхлопными газами.

– Опять та же чертовщина, – пробормотал Шур.

Действительно, корабль адхаран снова распахнул люки и выпустил наружу множество черных точек, устремившихся во все стороны разом.

Шур, стиснув зубы, зло выпятил подбородок.

– Нужно выяснить, что у них на уме. Глядите, как уверенно катят! Стало быть, точно знают, зачем и куда, – сказал он и подхватил с пульта микрофон дальней связи, но тут же разжал пальцы. – Нет, сами справимся. Помощь с Терры ни к чему.

– Не забудьте, транспорт вооружен.

– Ничего, перехватим на приземлении. Видите, они останавливаются на каждой планете, по порядку, а мы отправимся прямо к четвертой, – пояснил Шур, быстрым движением вставив на место нужную навигационную карту. – И когда они сядут там, будем их поджидать.

– Они ведь могут без боя не сдаться.

– Могут, не спору. Однако мы должны установить, что они здесь собирают: что бы это ни было, принадлежит оно нам.

На четвертой планете системы Сириуса имелась и атмосфера, и даже вода. Шур посадил крейсер среди развалин древнего, давным-давно опустевшего города, однако адхарский транспорт все не появлялся. Оглядев небо, Шур отворил главный люк. Вооруженные сверхмощными автоматическими винтовками-лучеметами, «слемами», капитан, Барнс и Нельсон осторожно вышли наружу. Люк за их спинами с лязгом захлопнулся, и крейсер, оторвавшись от поверхности, взмыл в небеса.

Держась рядом, с винтовками наготове, все трое проводили его взглядами. Разреженный воздух четвертой планеты оказался весьма холодным, напор ветра чувствовался даже сквозь гермокастюмы.

– Холодно тут, однако ж, – проворчал Барнс, включив подогрев.

– Что делать, мы остаемся терранами даже во множестве световых лет от родины, – философски заметил Нельсон.

– План в общих чертах таков, – заговорил Шур. – Проще всего спалить транспорт на месте, но это исключено. Нам нужен их груз. Спалим грузовик, погибнет и все, что в трюмах.

– Тогда чем же воспользуемся?

– Накроем их паровым облаком.

– Паровым облаком? Но ведь...

– Капитан, – перебил Барнса Нельсон, – паровое облако тут не годится. Нам же не подойти к ним, пока пар не станет инертным.

– А ветер на что? Пар унесет быстро... да и других подходящих средств у нас все равно нет. Придется рискнуть. Как только адхаране покажутся, приготовьтесь открыть огонь.

– А если облако не накроет цели?

– Тогда нам предстоит бой, – ответил Шур, пристально вглядываясь в небо. – Так, кажется, грузовик на подходе. Идем!

Все трое поспешили подняться на огромную грудку камней – целый холм из обломков колонн и башен вперемешку с песком и щебнем.

– Годится. Здесь и укроемся, – подытожил Шур, присев на корточки и крепко стиснув в руках лучемер. – Вон они.

Адхарский корабль, возникший в вышине прямо над ними, готовился к приземлению. Взревев двигателями, грузовик пошел вниз, окутался тучей выхлопных газов, с грохотом опустился на землю, слегка подпрыгнул и замер.

Шур тут же схватился за микрофон.

– О'кей.

Появившийся в небе крейсер спикировал к кораблю адхаран. Миг – и к черной громаде устремились тугие струи иссиня-белого пара, хлынувшего из сопел высокого давления на носу. Ударивший в землю под кормой грузовика, пар за клубился вокруг, окутал корабль, вгрызся в металл обшивки.

Корпус адхарского транспорта неярко замерцал и начал разваливаться на куски, разъедаемый паром, точно ржавчиной. Терранский крейсер, завершая пики, пронесся над ним, устремился ввысь и скрылся в небе.

Из люков адхарского транспорта горохом посыпались невиданные создания. Оказавшись снаружи, длинноногие твари бешено заскакали, засуетились вокруг грузовика. Многие бросились к бортам корабля, полезли наверх, в клубы пара, волоча за собой шланги и прочее снаряжение, и лихорадочно принялись за работу.

– Новый слой напыляют. Латают бреши.

Адхаране валили из корабля толпами, кишели вокруг, скакали вверх-вниз, карабкались на борта грузовика, прыгали на землю – одни включались в работу, другие словно бы просто бежали куда глаза глядят.

– Будто на муравейник невзначай наступили, – пробормотал Барнс.

Сплошь облепившие транспорт адхаране отчаянно орудовали распылителями в попытках остановить реакцию, залатать проеденные паром дыры, но тут в небе снова показался терранский крейсер, начинающий второй заход. Стремительно приближаясь, он превратился из крохотной точки в продолговатую игольно-острую каплю, серебром засверкавшую в лучах Сириуса. Стволы батареи орудий вдоль борта грузовика дернулись вверх и вбок, наводясь на быстро движущуюся цель.

– Кладите бомбы с ним рядом, – распорядился Шур в микрофон. – Только без прямых попаданий. Груз нужно сберечь.

Подвески для бомб под брюхом крейсера разомкнулись. Две бомбы, описывая в воздухе крутую дугу, со свистом понеслись к земле и взяли неподвижный транспорт в «вилку», взорвавшись по обе стороны от него. К небу взвились громадные столбы дыма пополам с пылью, клубами окутавшей грузовик. Черная громадина дрогнула, покачнулась, стряхнув с бортов адхаран, батарея орудий выпустила два-три залпа, но все впустую: крейсер, промчавшись мимо, скрылся из виду.

– Все. У них ни шанса, – негромко прокомментировал Нельсон. – Пока не напылят новый слой, от земли им не оторваться.

Бо2льшая часть адхаран, отхлынув от грузовика, пустилась в бегство.

– Дело почти сделано, – сказал Шур, поднявшись на ноги и выступив из развалин. – Пошли!

Над толпой адхаран вспыхнул, ударил в небо фонтаном искр белый фальшфейер, общепринятый условный сигнал, означающий капитуляцию. Сбитые с толку внезапной атакой, адхаране сгрудились кучей. Облако пара рассеялось почти без остатка. Крейсер кружил над транспортом в ожидании новых распоряжений от Шура.

– Вы только гляньте на них, – выдохнул Барнс. – Насекомые ростом с человека!

– Идем, идем! – поторопил его Шур. – Скорее! Мне лично не терпится взглянуть, что там, в трюмах.

Командир адхаран, очевидно ошеломленный атакой, встретил их снаружи и двинулся им навстречу.

И Нельсона, и Шура с Барнсом едва не вывернуло наизнанку от отвращения.

– О господи, – пробормотал Барнс. – Вот они, значит, какие...

Адхаранин почти пяти футов ростом, заключенный в черный хитиновый панцирь, стоял на четырех тонких лапах, а еще двумя неуверенно покачивал где-то на уровне брюха. Его талию опоясывал свободный ремень с подвешенным к нему оружием и каким-то снаряжением неиз-

вестного назначения. Фасеточные глаза казались сложенными из множества крохотных линз, рот представлял собой узкую щель в нижней части продолговатого черепа, а ушей не было вовсе.

За спиной командира переминались с ноги на ногу несколько членов экипажа – некоторые с оружием, металлическими трубками в полуопущенных лапах. Командир шевельнул челюстью, разразился длинной трелью из частых, резких щелчков, взмахнул усиками-антеннами, и прочие адхаране опустили оружие.

– И как же с этой расой общаться? – спросил Барнс Нельсона.

– Неважно, – отрезал Шур, выступая вперед. – Разговаривать нам с ними не о чем. Они без нас знают, что находятся здесь незаконно, а нам интересен только их груз.

С этими словами он обогнул командира адхаран. Стоявшие за его спиной беспрекословно расступились, пропуская Шура на борт грузовика, а Нельсон с Барнсом последовали за капитаном.

Внутри царила жуткая вонь, с переборок сочилась слизь. Темные, узкие коридоры тянулись вдаль точно подземные ходы. Пол под ногами был очень скользким.

Командир адхаран, держась чуть позади, двинулся за ними следом, но Шур, словно не замечая его, шагнул в коридор. Тем временем крейсер терран приземлился снаружи, неподалеку: оглянувшись, Нельсон разглядел сквозь проем люка солдат, взявших транспорт в кольцо.

В скором времени коридор привел их к запертой двери. Шур жестом велел отворить ее.

– Откройте.

Но командир, даже не думая подчиниться, отодвинулся прочь. Сзади к нему подбежали еще несколько адхаран, все при оружии.

– Возможно, без боя дело все-таки не обойдется, – хладнокровно заметил Нельсон.

Шур поднял лучемет и направил дуло на дверь.

– Откройте, не то мне придется спалить ее.

Адхаране взволнованно защелкали, затрещали между собой, но ни один не сделал к двери ни шагу.

– Ладно, как знаете, – мрачно буркнул Шур и нажал на спуск.

Расплавленный выстрелом, металл двери задымился и потек вниз. Выжженного проема оказалось вполне достаточно, чтобы пройти дальше. Адхаране бешено засуетились вокруг, затрещали пуще прежнего; многие, бросив латать обшивку, устремились внутрь и сгрудились вокруг троицы терран.

– Идемте, – как ни в чем не бывало сказал Шур, шагнув в зияющую дыру.

Нельсон с Барнсом, держа наготове «слема», последовали за ним.

Новый коридор довольно круто вел вниз. С каждым шагом липкая вонь и духота становились все сильнее и сильнее, толпа адхаран позади едва не дышала в затылок.

– Назад! – рявкнул Шур, развернувшись и вскинув винтовку.

Адхаране остановились.

– Вот там и стойте. Идем, скорее!

Терране свернули за угол. За поворотом начинался грузовой трюм. Сбавив шаг, Шур настороженно оглядел полдюжину адхаран-часовых с оружием наготове.

– С дороги! – велел он, качнув стволом «слема».

Часовые нехотя отступили к стенам.

– Пошли!

Решительно устремившись вперед, мимо часовых, Шур сделал шаг, другой...

И, изумленный, замер на месте.

Вот он, груз адхарского корабля! Трюм грузовика оказался наполовину заполнен аккуратными рядами млечно-огненных сфер – сотнями, тысячами крупных драгоценных камней наподобие громадных жемчужин. Бесконечные полки, битком набитые ими, тянулись в глу-

бину корабля, насколько хватало глаз, и каждая сфера неярко мерцала, испуская некий внутренний свет, озарявший просторный, окутанный полумраком трюм транспорта.

– Глазам не верю! – выдохнул Шур.

Барнс, округлив глаза, шумно перевел дух.

– Теперь понятно, отчего они решили проскользнуть сюда без позволения. Думаю, я сам сделал бы то же. Нет, вы только полюбуйте!

– Крупные, это точно, – поддержал его Нельсон.

Все трое переглянулись.

– В жизни подобного не видал, – признался Шур, вновь оглядев стеллажи.

Адхарские часовые настороженно наблюдали за ними, держа на изготовку оружие в виде причудливых трубок. Шур подошел к первому ряду драгоценных камней, разложенных по полкам с геометрической точностью.

– Нет, вправду, невероятно. Драгоценные камни, сложенные, будто... будто все это – склад, битком набитый дверными ручками!

– Возможно, когда-то эти камни принадлежали адхаранам, – задумчиво проговорил Нельсон, – а строители городов из системы Сириуса их выкрали или отняли, и теперь адхаране возвращают себе свое.

– Интересно, – оживился Барнс. – Тогда понятно, каким образом адхаране сумели так быстро их отыскать. Располагая картами или планами...

– Как бы там ни было, теперь все это наше, – оборвал его Шур. – В системе Сириуса все принадлежит Терре. Решено, подписано и печатями скреплено.

– Но если камни изначально похищены у адхаран...

– Тогда нечего им было подписывать соглашения о закрытых зонах. У них имеются свои системы, а эта – наша, терранская, – пояснил Шур, потянувшись к одному из камней. – Интересно, каковы они на ощупь...

– Осторожнее, капитан. Возможно, они радиоактивны.

Стоило Шуру коснуться мерцающей сферы, адхаране схватили его и отшвырнули назад. Шур вскинул винтовку, но один из часовых вцепился в ствол «слема» и вырвал у капитана оружие.

Барнс выстрелил, и луч его «слема» сжег без остатка разом нескольких адхаран. Нельсон, припав на колени, выпустил несколько зарядов сквозь дверь, по адхаранам, столпившимся в коридоре. Адхаране открыли ответный огонь. Несколько тонких тепловых лучей рассекли воздух над самой макушкой штурмана.

– Не брать им нас! – выдохнул Барнс. – Сейчас стрелять прекратят: камешки зацепить побоятся!

И вправду, адхаране отступили к выходу, прочь из трюма: очевидно, командир отозвал тех, кто вооружен, назад.

Шур, выхватив у Нельсона «слем», разнес в раскаленную пыль еще горстку адхаран. Тем временем уцелевшие с поразительной слаженностью и быстротой загородили дверной проем массивными плитами аварийных бронепластин и принялись наглухо заваривать стыки.

– Прождем дыру! – рявкнул Шур, прицеливаясь в стену. – Они нас закупорить здесь хотят!

Барнс тоже направил на стену дуло винтовки. Лучи пары «слемов» вгрызлись в металл, прожигая борт транспорта. Не прошло и минуты, как металл поддался: округлый кусок обшивки вывалился наружу.

За бортом транспорта терранские солдаты вели бой. Отступавшие адхаране скакали, метались из стороны в сторону, отстреливались как могли. Некоторые карабкались на обшивку транспорта, другие, побросав оружие, без оглядки бежали прочь, третьи просто беспомощно, в замешательстве толпились поодаль, бешено стрекоча между собой.

Приземлившийся крейсер ожил, замерцал соплами двигателей, качнул стволами тяжелых орудий, взяв грузовик на прицел.

– Не стрелять! – скомандовал Шур в микрофон. – Транспорт не трогайте. Ни к чему.

– Все. Им конец, – выдохнул Нельсон, спрыгнув на землю. – У них ни шанса. Они ведь воевать не умеют совсем.

Шур с Барнсом спрыгнули следом за ним, и капитан призывно махнул рукой отряду терранских солдат:

– Сюда! Сюда! Шевелитесь, чтоб вас разорвало!

Из дыры в борту транспорта сыпались, падали наземь, подскакивая, раскатывались во все стороны млечно-белые сферы. Поврежденная выстрелами часть стеллажей рухнула, и содержимое полок водопадом хлынуло наружу в таком количестве, что вокруг шагу некуда стало ступить.

Барнс подхватил один из камней. Ладонь слегка обожгло сквозь перчатку, пальцы зашипело, словно слабенькой электрической искрой. Поднятый повыше, к свету, камень оказался матовым. Внутри, в млечно-белом сиянии, неторопливо плавали взад-вперед какие-то мутные пятнышки. Сфера мерцала, пульсировала, словно живая.

Нельсон, взглянув на Барнса, широко улыбнулся.

– Красота, а?

– Да, красивая штука, – согласился Барнс, подбирая еще один камень.

Один из адхаран, взобравшихся на обшивку грузовика да так и засевших там, выстрелил в него, но промахнулся.

– Вы только гляньте, сколько их тут! Должно быть, тысячи!

– Вызовите сюда одно из торговых судов. Пусть грузятся и увозят, – решил Шур. – Скорее бы сбыть с рук всю эту красоту и отправить на Терру, а то как-то даже не по себе.

Между тем бой подошел к концу. Терранские солдаты, согнав уцелевших адхаран в кучу, окружили их плотным кольцом.

– А с ними что делать будем? – спросил Нельсон.

Но Шур словно не слышал вопроса: он увлеченно разглядывал камень, неторопливо вертя его в руках.

– Поглядите-ка, – пробормотал он. – Как ни поверни, цвета всякий раз разные. Вы такое когда-нибудь видели?

Невдалеке с грохотом неуклюже приземлился большегрузный терранский транспорт. Из его распахнувшихся люков, урча двигателями, покатали наружу, к адхарскому кораблю, вилочные погрузчики – целый флот кургузых, приземистых автомобильчиков. Одни уложили на место пандус, ведущий в трюм адхарского грузовика, другие приготовились пустить в ход роботов.

– Давайте, гребите, – заметно шепелявя, пробубнил Сильван Фрай.

Подойдя к капитану Шуру, управляющий терранской промышленностью и торговлей утер ярко-красным носовым платком покрытый испариной лоб.

– Потрясающий трофей, капитан! Вот находка так находка!

С этим он протянул капитану руку. Ладонь Фрая тоже оказалась влажной от пота.

– Понять не могу, как мы могли ее проморгать, – заметил Шур. – Ведь адхаране приземлились и сразу же все нашли. Мы наблюдали за ними и видели, как они порхают от планеты к планете, будто медоносная пчела. Отчего наши разведчики не обнаружили все это?

– Да какая, собственно, разница? – Пожав плечами, Фрай осмотрел один из камней, подбросил его в воздух, поймал в подставленную ладонь. – Полагаю, вскоре такие штуки будет – либо захочет – носить на шее каждая из терранских дам, а через каких-то полгода терранки сами перестанут понимать, как жили без них раньше. Таковы уж люди, капитан!

Уложив шар в портфель, Фрай щелкнул замком.

– Пожалуй, прихватчу один домой, в подарок супруге, – пояснил он.

Один из терранских солдат подвел к ним командира адхаран. Тот безмолвствовал – не щелкал, не стрекотал. Уцелевших адхаран обезоружили и отпустили продолжать ремонт корабля. Вскоре все бреши в обшивке были залатаны.

– Можете быть свободны, – сообщил Шур командиру адхаран. – Конечно, мы могли бы обвинить вас в пиратстве и расстрелять, но что в этом проку? Лучше передайте своим властям: в систему Сириуса пусть больше не суются.

– Он вас не понимает, – мягко заметил Барнс.

– Знаю. Все это – так, для проформы. Однако общую мысль он, думаю, уловил.

Командир адхаран молча ждал продолжения.

– Все, все, – сказал ему Шур, раздраженно махнув рукой в сторону адхарского корабля. – Иди. Взлетайте, убирайтесь отсюда и больше не возвращайтесь.

Солдат отпустил адхаранина, и тот, неторопливо подойдя к транспорту, скрылся в проеме люка. Адхаране, чинившие обшивку, собрали инструменты и последовали за командиром.

Люки захлопнулись. Адхарский корабль, пробуждаясь к жизни, задрожал, взревел двигателями, неуклюже оторвался от поверхности, взвился в небо, развернулся и устремился прочь, в космическое пространство.

Шур провожал грузовик взглядом, пока тот не скрылся из виду.

– Вот так-то, – подытожил он, быстрым шагом двинувшись к крейсеру и увлекая за собой Фрая. – Значит, вы полагаете, на Терре эти камешки не останутся без внимания?

– Ну разумеется! А вы сомневаетесь?

– Нет. Совершенно с вами согласен.

Шур замолчал и погрузился в раздумья.

– Они успели побывать только на пяти из десятка планет, – наконец сказал он. – Значит, на оставшихся внутренних планетах может найтись еще столько же. После того как этот груз будет доставлен на Терру, можно начать поиски там. Адхаране сумели найти камни, значит, и мы найдем.

Глаза Фрая заблестели под линзами очков.

– Прекрасная мысль! Мне как-то и в голову не пришло, что это еще не все.

– Не все. Должны быть еще, я уверен. Вот только...

Нахмурившись, Шур, почесал подбородок.

– В чем дело? Что вас тревожит?

– Вот только не понимаю, почему мы прежде не смогли их найти?

– Не стоит волнений! – заверил его Фрай, от души хлопнув капитана по спине.

Шур согласно кивнул, однако задумчивая морщинка между его бровей сделалась глубже прежнего.

– И все-таки почему же мы так и не нашли их сами? Как по-вашему, нет ли в этом какого-нибудь подвоха?

Усевшись перед видеомонитором в рубке управления, командир адхарского транспорта покрутил верньер, настраиваясь на нужный канал связи.

Вскоре посреди экрана возникло изображение контрольной базы, размещенной на второй планете системы Адхары. Командир поднес к горлу раструб звукоулавливателя.

– Скверные новости.

– Что произошло?

– Терране атаковали нас и захватили остаток груза.

– Сколько к тому времени оставалось на борту?

– Половина. Мы посетили только пять из десяти планет.

– Досадно. Что с грузом? Увезен на Терру?

– Предположительно, да.

Долгая пауза.

– А климат на Терре теплый?

– Насколько мне известно, да. Вполне.

– Тогда, возможно, все еще обернется благополучно. Правда, кладки на Терре мы размещать не планировали, но если...

– Мне очень не хотелось бы отдавать в руки терран бо2льшую часть следующего поколения. Весьма сожалею, что мы не продвинулись в размещении дальше.

– Тревожиться не о чем. Мы обратимся к Матери с нижайшей просьбой отложить еще партию и возместим утрату.

– Но для чего терранам могли понадобиться наши яйца? Когда потомство начнет появляться на свет, их не ждет ничего, кроме множества бед и хлопот. Нет, я их не понимаю. Умы терран пониманию попросту недоступны. Представить себе без содрогания не могу, что там начнется, когда яйца вызреют... А в условиях влажной планеты долго этого ждать не придется.

Потомство

Эд Дойл торопился, как только мог. Поймав колесный наземный таксомотор, он помахал перед носом робота-водителя пятьюдесятью кредитами, утер налившееся нездоровым румянцем лицо красным носовым платком, расстегнул ворот рубашки, а потом всю дорогу к больнице самым жалким образом потел, сглатывал и облизывал губы.

Наконец наземный автомобиль плавно затормозил перед огромным, увенчанным белым куполом зданием больничного комплекса. Немедленно выскочив из кабины, перемахивая разом через три ступеньки, Эд растолкал посетителей и выздоравливающих пациентов, столпившихся на широкой террасе, с разбегу, ударом плеча, распахнул двери и ворвался в холл, не на шутку изумив санитаров и прочих важных, занятых делом особ.

Посреди холла он остановился, обводя взглядом все вокруг: ноги расставлены шире плеч, кулаки стиснуты, грудь высоко вздымается с каждым вдохом, хриплым, точно дыхание зверя.

– Где?! – рявкнул Эд.

В холле сделалось тихо. Все вокруг, забыв о делах, повернулись к нему.

– Где?! – вновь рявкнул он. – Где она... э-э... они?

Как же им повезло, что Дженет родила именно в этот день! Проксима Центавра от Терры не близко, с регулярностью сообщения дела – хуже некуда. В ожидании рождения ребенка Эд вылетел с Проксимы заблаговременно, за несколько недель, и только что прибыл в город. И только-только поставил чемодан на ленту багажного конвейера, как робот-курьер вручил ему сообщение: «Центральная больница Лос-Анджелеса, только что».

Разумеется, Эд сразу же поспешил туда. И всю дорогу невольно радовался, как угадал с прибытием – приехал, можно сказать, час в час. Знакомая радость... Сколько раз подобные чувства охватывали его за долгие годы ведения дел в «колониях», на дальних рубежах, на окраинах терранской цивилизации, где улицы до сих пор освещены электрическими фонарями, а двери открывают рукой!

Похоже, привыкнуть к прежней жизни будет не так-то просто. Сконфуженный, Эд оглянулся на двери за спиной. Он ведь распахнул створки плечом, даже не вспомнив о «глазе», и теперь двери плавно, неторопливо закрывались за ним. Несколько успокоившись, он спрятал носовой платок в карман. Больничные санитары снова взялись за дело, возобновив прерванную работу. Один из них, высоченный робот последней модели, подкатил к Эду, ловко развернул планшет для заметок, нацелил фоточувствительные элементы глаз на раскрасневшееся лицо Эда и замер.

– Позвольте осведомиться, кого вы ищете, сэр? Кого вы желаете видеть?

– Жену.

– Ее фамилия, сэр?

– Дойл. Дженет Дойл. Она только что родила.

Робот сверился с записями.

– Следуйте за мной, сэр.

С этими словами он покатил вдоль коридора. Эд, вновь охваченный беспокойством, двинулся следом.

– С ней все о'кей? Я успел вовремя?

– С вашей супругой все в порядке, сэр.

Робот вскинул металлическую руку к плечу, и одна из боковых дверей отодвинулась в сторону.

– Сюда, сэр.

Одетая в потрясающий костюм из лазоревой сетки, Дженет с сигаретой между пальцев, скрестив стройные ноги, сидела у письменного стола красного дерева и говорила, говорила, а элегантно вида доктор, сидевший по ту сторону стола, внимательно ее слушал.

– Дженет! – воскликнул Эд, переступив порог.

Жена повернулась к нему:

– Привет, Эд. Только что прилетел?

– Ага. Что, уже... уже все? Ты... ну, то есть... произошло, да?

Дженет рассмеялась, сверкнув двумя ровными рядами белоснежных зубов.

– Ну конечно! Входи же, садись. А это доктор Биш.

Вне себя от волнения, Эд уселся напротив обоих.

– Хелло, док. Стало быть, делу конец?

– Да. Ожидаемое событие произошло, – подтвердил доктор Биш.

Голос его прозвучал монотонно, металлически, и Эд с удивлением понял: да ведь доктор не человек – робот! Робот высшего класса, в отличие от обычных железноруких, железноногих трудяг изготовленный человекоподобным. Настолько человекоподобным, что Эду, долгое время пребывавшему в отъезде, не сразу удалось его раскусить. Впрочем, удивляться тут было нечему: выглядел доктор Биш таким пухлым, упитанным добрячком в очках. Его широкие, мясистые ладони покоились на столе, на пальце поблескивало кольцо. Все, все как настоящее – костюм в полоску, полосатый галстук с бриллиантовой заколкой, аккуратно остриженные ногти, безукоризненный пробор в черных волосах...

Вот только голос выдавал его с головой. Похоже, добиться живого, человеческого звучания пока что не удалось никому – сжатый воздух и система вращающихся дисков для этого не годится, но в остальном выглядел доктор весьма и весьма убедительно.

– Насколько мне известно, вы, мистер Дойл, работаете в районе Проксимы, – любезно заговорил доктор Биш.

– Ага, – кивнув, подтвердил Эд.

– Далековато, не так ли? Мне побывать там пока что не довелось, но очень хотелось бы. Правда ли у нас почти все готово, чтобы двинуться дальше, к Сириусу?

– Послушайте, док...

– Имей же терпение, Эд.

Затушив сигарету, Дженет укоризненно взглянула на мужа. За шесть месяцев разлуки она нисколько не изменилась: небольшое личико, светлые волосы, алые губы, глаза, холодные, точно пара голубых льдинок... а теперь и фигура по-прежнему безупречна.

– Сейчас его принесут прямо сюда, – продолжала она. – Всего через пару минут. Его ведь нужно и вымыть, и глазки закапать, и сделать волновой снимок мозга.

– «Его»? Значит, у нас мальчик?

– Ну разумеется! Разве не помнишь? Ты ведь был здесь, со мной, когда я сделала снимки, и мы уже тогда все обговорили. Ты ведь не передумал?

– Менять что-либо уже поздно, мистер Дойл, – монотонно, безмятежно, металлически прогудел доктор Биш. – Ваша жена решила назвать сына Питером.

Слегка ошарашенный, Эд согласно кивнул.

– Питер. Да, верно. Мы ведь договорились. Питер, – проговорил он, будто пробуя имя новорожденного сына на вкус. – Ага. Питер. Прекрасно. Мне нравится.

Внезапно стена исчезла, из матовой сделавшись прозрачной. Эд, вздрогнув от неожиданности, обернулся. За стеной оказалась просторная, ярко освещенная палата, полная медицинского оборудования и роботов-санитаров в белом. Один из роботов, толкая перед собою тележку, двигался к ним. На тележке стояла довольно большая металлическая ванночка.

Дыхание Эда сделалось чаще, голова закружилась. Не сводя взгляда с ванночки на тележке, он поднялся и шагнул к прозрачной стене.

Следом за ним встал из-за стола и доктор Биш.

– Не хотите ли тоже взглянуть, миссис Дойл?

– Конечно, хочу.

Подойдя к стене, Дженет остановилась рядом с Эдом, скрестила руки, смерила ванночку изучающим взглядом.

Доктор Биш подал знак санитару. Опустив в ванночку электромагнитные захваты, заменявшие кисти рук, робот вынул из нее и поднял повыше решетчатый лоток. В лотке, с головы до ног мокрый после мытья, лежал, изумленно глаза на все вокруг, новорожденный, Питер Дойл – сплошь ярко-розовый, если не считать пушка волос на макушке и огромных голубых глаз, крохотный, беззубый, сморщенный, точно иссушенный старостью древний мудрец.

– Ну и ну! – выдохнул Эд.

Доктор Биш вновь подал знак роботу-санитару. Стена отъехала вбок, и санитар с подносом на вытянутых руках въехал в кабинет. Вынув Питера из лотка, доктор Биш поднял его повыше, внимательно осмотрел, повернул так и сяк, изучая младенца со всех сторон.

– Прекрасно выглядит, – наконец сказал он.

– А что показали волновые снимки? – спросила Дженет.

– Результаты исследования великолепны. Весьма многообещающий потенциал. Особо отмечу высокий уровень развития... – Но тут доктор осекся на полуслове. – Что с вами, мистер Дойл?

Эд, улыбаясь от уха до уха, тянулся к нему.

– Позвольте мне, док. Хочу поддержать его. Поглядеть, насколько тяжел. С виду-то вон какой великан...

Доктор Биш в ужасе и изумлении разинул рот. Дженет ахнула, высоко подняв брови.

– Эд! – резко, визгливо вскрикнула она. – Что на тебя нашло?!

– Боже правый, мистер Дойл, – пробормотал доктор.

Эд в недоумении заморгал.

– Э-э... а... что тут такого?

– Если б я знал, что у вас на уме...

Доктор Биш поспешно вручил Питера санитару, и тот, стремительно выкатившись из кабинета, вновь опустил лоток в металлическую ванночку. Еще миг, и робот с тележкой и ванночкой скрылся из виду, а стена с глухим лязгом встала на место.

Дженет зло стиснула плечо мужа.

– Господи милосердный, Эд, ты в своем уме?! Идем. Идем отсюда, пока ты еще чего-нибудь не натворил.

– Но я...

– Идем, – оборвала его Дженет, вымученно улыбнувшись доктору Бишу. – Мы пойдем, доктор. Большое спасибо за все. А на него внимания не обращайтесь. Он, видите ли, долго пробыл в отъезде и...

– Да, понимаю, – как ни в чем не бывало откликнулся тот, успев взять себя в руки. – Надеюсь, миссис Дойл, позже мы с вами еще побеседуем.

Дженет выволокла Эда в холл. Щеки ее полыхали румянцем.

– Эд, что с тобой? Мне в жизни еще не бывало так неудобно! Эх, пнуть бы тебя вовремя!

– Но что...

– Сам знаешь: нам не позволено прикасаться к нему. Всю жизнь ему поломать хочешь?

– Но...

– Идем!

Поспешив наружу, оба остановились на больничной террасе. День выдался ясным, солнце палило вовсю.

– Кто знает, сколько вреда ты ему причинил? Возможно, уже всю психику малышу исковеркал! Вот вырастет невротиком с эмоциональным расстройством – знай: это из-за тебя.

Вспомнив обо всем, Эд вмиг обмяк, смущенно поник головой.

– Да, верно. Совсем забыл. К детишкам нельзя подходить никому, кроме роботов. Прости, Джен. Сам не свой был от радости. Надеюсь, я ничего непоправимого не натворил.

– Но как можно забыть о таких вещах?

– На Прокси все совсем по-другому.

Павший духом, пристыженный, Эд махнул рукой проезжавшему мимо колесному таксомотору. Водитель, свернув к тротуару, остановился возле него.

– Прости, Джен. Виноват я. Чертовски виноват. Совсем от радости голову потерял. Едем-ка, выпьем где-нибудь кофе, поговорим. Интересно же, что тебе доктор сказал.

* * *

Эд ограничился чашкой кофе, а Дженет заказала бренди со льдом. Темно в «Нимфитовом Зале» было – хоть глаз выколи, только над разделявшим их столиком мерцал неяркий, призрачный свет, исходящий непонятно откуда. Точно такое же сияние испускали и другие столики. Между столиками беззвучно сновала, разнося выпивку, робоофициантка с подносом, в глубине зала негромко играла музыка.

– А дальше? – нарушил молчание Эд.

– Дальше?

Сбросив жакет, Дженет перекинула его через спинку кресла. Грудь ее слегка замерцала в рассеянном свете.

– Больше и рассказать-то практически нечего. Прошло все нормально, продолжалось недолго. Я почти все это время болтала с доктором Бишем.

– Хорошо, что я успел вовремя.

– Как долетел?

– Прекрасно.

– С сообщением лучше не стало? Добираться все так же долго?

– Да, тут все по-прежнему.

– Не понимаю, что тебя гонит в такую даль? Вы ведь на этой Проксиме... можно сказать, совсем от жизни отрезаны. Чем тебя привлекают эти «колонии»? Неужели там на сантехническое оборудование такой бешеный спрос?

– Да, спрос неплохой. Фронтир... а устроиться цивилизованно хочется всякому, – подтвердил Эд, неопределенно взмахнув рукой. – Что доктор тебе про Питера говорил? Каким он станет? Разве уже можно определить? По-моему, судить еще рановато.

– Об этом доктор собирался сказать как раз перед твоей дикой выходкой. Приедем домой, созвонюсь с ним по видеofону. Но волновые данные должны быть хорошими: как-никак, лучший евгенический потенциал...

– По крайней мере, с твоей стороны, – буркнул Эд.

– Надолго ты в этот раз?

– Не знаю. Нет, вряд ли надолго. Нужно назад возвращаться: дело не ждет. Но до отлета мне бы, конечно, очень хотелось увидеть его еще раз, – признался он, с надеждой взглянув на жену. – Как думаешь, можно?

– Наверное, да.

– Сколько ему еще там оставаться?

– В больнице? Дня два-три, не больше.

Эд сделал паузу.

– Вообще-то я не о больнице. Я имел в виду – с ними. С этими... Скоро мы сможем его забрать? Скоро домой отвезем?

За столиком воцарилось молчание. Покончив с бренди, Дженет откинулась назад, закурила; сигаретный дым пополз к Эду, клубясь в неярком мерцании столика.

– Эд, по-моему, ты так ничего и не понял. Тебя постоянно нет дома, а с тех пор, как ты был ребенком, произошло столько! Новые методы, новые технологии... множество новых вещей, о которых прежде даже не подозревали. В кои-то веки – настоящий прогресс! Все по науке. Новейшая разработка, действенная методология работы с детьми на весь период развития. Воспитание, обучение... Я все об этом прочла, – с лучезарной улыбкой закончила она.

– И что же? Когда нам позволят забрать его?

– Через два-три дня его выпишут из больницы и направят в центр психопедиатрии, для тестирования и обследований. Оценят потенциал, все скрытые способности. Определят наиболее подходящее направление развития.

– А потом?

– А потом поместят в соответствующее воспитательно-образовательное учреждение. Для обучения согласно наклонностям. Знаешь, Эд, по-моему, его ждет блестящее будущее. Видел бы ты лицо доктора Биша! Когда я вошла, он как раз изучал волновые снимки и разглядывал их с таким выражением... Как бы это описать? – Дженет ненадолго задумалась в поисках подходящего слова. – Едва ли... едва ли не с алчностью, вот! С неподдельным восторгом! Они ведь всем сердцем болеют за дело, и...

– «Сердцем»? Это же роботы! Железяки!

– Эд, ну в самом-то деле! Что на тебя нашло?

– Ничего, – буркнул он, нахмурившись и опустив взгляд. – Продолжай.

– Так вот, они позаботятся о его правильном развитии и обучении. Постоянно тестируя его способности. Затем, примерно в девять, его переведут в...

– «Примерно в девять»? То есть в девять лет?

– Ну разумеется.

– А нам-то вернут когда же?

– Эд, я, кажется, объяснила! Неужели все заново повторять?

Эд, вскинувшись, выпрямился.

– Бог ты мой, Джен! Не можем же мы ждать девять лет! В жизни такого не слышал! Девять лет... да в девять человек, считай, наполовину взрослый!

– В этом и суть, – ответила Дженет, подавшись к нему и опершись обнаженным локтем о столик. – Расти ему нужно среди них. Не с нами. Вот после, когда он вырастет, сформируется, станет не столь пластичным, с ним можно будет общаться сколько угодно.

– «После»? Это когда ему стукнет лет восемнадцать? – Эд, оттолкнув кресло от столика, вскочил на ноги. – Поеду туда и сейчас же его заберу!

Дженет, перекинув изящную ручку через спинку кресла, смерила мужа безмятежным взглядом.

– Сядь, Эд. Сядь и, будь добр, хоть ради разнообразия веди себя как взрослый.

– Неужели тебе все равно? Неужели тебя все это нисколько не трогает?

– Разумеется, мне не все равно, – пожав плечами, ответила она. – Однако так нужно. Иначе он разовьется неверно. Все это – для его блага. Не для нас. Для нас его не существует. Надеюсь, ты не желаешь ему внутриличностных конфликтов и прочих психических отклонений?

Эд двинулся к выходу.

– Увидимся после.

– Куда ты собрался?

– Просто пройтись. Не выношу я заведений такого рода. Неуютно мне здесь. Увидимся после.

Миновав зал, он подошел к дверям. Двери отворились, и он оказался на улице, залитой полуденным солнцем. Казалось, жаркий солнечный свет хлещет с небес будто ливень. Слепленный его сиянием, Эд заморгал. Мимо текли рекой, спешили куда-то бесконечные толпы народу. Люди, толчея, шум...

Ошеломленный, он слился с толпой и зашагал вдоль улицы. Конечно же, где-то там, в глубине души, он все понимал. Новые достижения в воспитании и обучении. Новые методы работы с детьми. Но прежде все это оставалось каким-то общим, абстрактным. Не имеющим ни малейшего отношения ни к нему, ни к его ребенку.

Прогулка мало-помалу успокаивала. Пожалуй, он в самом деле тревожится попусту. Конечно же, Дженет абсолютно права. Все это – для блага Питера. Питер же – не игрушка, не домашний кот или пес. Питер ведь, как-никак, человек, и жизнь его – его жизнь. Воспитание и обучение – не для них с женой, а для него. Для того чтобы он, Питер, правильно рос и воспитывался. Чтобы все способности смог раскрыть в полной мере. Для этого его нужно как следует сформировать, выучить, подготовить.

Естественно, роботы справятся с таким делом лучше людей. Роботы смогут воспитать его по науке, согласно рациональным методикам, не поддаваясь капризам эмоций. Роботы не сердятся. Роботы не ноют и не ворчат. Не шлепают детей, не орут на них. Не отдают противоречивых распоряжений. Не ссорятся между собой, не используют ребенка в собственных целях. И, наконец, когда вокруг только роботы, никакие эдиповы комплексы не страшны!

Да и вообще любые комплексы. Откуда им взяться? Давным-давно известно, что все невроты уходят корнями в ранние годы жизни. К воспитанию. К родительскому воспитанию. К преподаваемому ребенку урокам, к внушенным ему запретам и манерам, к поощрениям и наказаниям. Невроты, комплексы, отклонения в развитии – все это растет из субъективных отношений, складывающихся между родителями и детьми. А вот если исключить родительский фактор...

Никто из родителей не способен объективно относиться к собственным детям. Их отношение к детям неизменно пристрастно, подвержено влиянию чувств, а значит, и видение родителей неизменно искажено. Таким образом, в учителя и наставники для собственных детей никто из родителей не годится.

Роботы – дело другое. Роботы могут беспристрастно изучать ребенка, анализировать его желания и потребности, тестировать его способности и интересы, и даже не подумают загонять его в какие-то определенные рамки. Среди роботов ребенок будет воспитываться согласно собственным наклонностям, собственным интересам, определенным и оцененным научными методами.

Эд подошел к перекрестку. Мимо, урча двигателями, сплошным потоком неслись машины. Забывшись, он шагнул вперед...

...и вздрогнул от громкого лязга. Решетка, преградившая путь, поневоле заставила остановиться. Вот так-то. Его безопасность тоже вверена роботам.

– Будьте осторожнее, сэр! – прогремел строгий металлический голос где-то поблизости.

– Прошу прощения.

Эд сделал шаг назад. Решетка безопасности поднялась кверху, и Эд принялся ждать смены сигнала светофора.

Да, все это пойдет Питеру только во благо. Роботы и воспитают, и обучат его – лучше некуда. Ну а после, когда Питер минует стадию взросления, станет не настолько податливым, не настолько чувствительным к...

– Так для него будет лучше, – прошептал Эд. – Так для него будет лучше.

Очевидно, его шепот оказался не таким уж и тихим: несколько человек оглянулись. Смущенный, Эд покраснел. Разумеется, так для Питера будет лучше. Можно не сомневаться.

Восемнадцать лет! Общения с сыном ему не видать, пока Питеру не исполнится восемнадцать. Восемнадцать... практически взрослый человек!

Красный на светофоре сменился зеленым. По-прежнему погруженный в раздумья, Эд старательно держась границ «зебры», перешел улицу вместе с прочими пешеходами. Да, так для Питера лучше. Однако восемнадцать лет – время очень уж долгое.

– Чертовски долгое, – хмуря лоб, пробормотал он. – Дьявольски долгое, будь оно проклято.

* * *

Доктор 2g-Y Биш внимательно пригляделся к стоящему у стола. Реле его накопителей памяти негромко защелкали, сужая область поиска опознаваемого изображения, стремительно проматывая перед считывателем возможные варианты.

– Я помню вас, сэр, – наконец сказал он. – Вы – тот самый, с Проксимы. Из колоний. Дойл. Эдвард Дойл. Так-так... так-так... Однако встречались мы с вами довольно давно. Если не ошибаюсь...

– Девять лет назад, – мрачно напомнил Эд Дойл. – Ровно девять лет назад, с точностью до дня.

Доктор Биш сложил перед собою руки.

– Присаживайтесь, мистер Дойл. Чем могу быть полезен? Как поживает миссис Дойл? Весьма обаятельная дама, сколько мне помнится. Принимая у нее роды, я имел с ней восхижительную беседу. Как...

– Скажите, доктор, известно вам, где мой сын?

Доктор Биш задумчиво забарабанил пальцами по полированной столешнице красного дерева, слегка опустил веки, словно глядя куда-то вдаль.

– Да. Да, мистер Дойл, где находится ваш сын, мне известно.

Эд Дойл слегка успокоился.

– Прекрасно, – кивнул он, с облегчением переводя дух.

– Где находится ваш сын, я знаю точно, так как сам около года назад направил его в Лос-Анджелесский Биологический научно-исследовательский центр. Ваш сын, мистер Дойл, оказался невероятно способным ребенком. Одним из немногих – не побоюсь этого слова, из считанных единиц, обладающих подобным потенциалом.

– Могу я увидеть его?

– «Увидеть»? В каком, извините, смысле?

Сохранить самообладание стоило Дойлу немалых трудов.

– По-моему, я выразился яснее некуда.

Доктор Биш, не сводя с собеседника взгляда, почесал подбородок. Фотоэлементы его мозга зажужжали, работая с максимальной быстротой, контакты реле защелкали, то наращивая, то понижая напряжение электрических токов, выстраивая длинные цепочки: есть сигнал – нет сигнала, есть сигнал – нет сигнала, единица – ноль, единица – ноль...

– Вы желаете осмотреть его? Таково первое значение употребленного вами слова. Или вы желаете поговорить с ним? Порой данное выражение может означать и более непосредственные контакты. Смысл слова «увидеть» довольно широк.

– Я хотел бы с ним побеседовать.

– Теперь понятно, – сказал Биш, неторопливо вынимая из раздаточного устройства на столе какие-то бланки. – Но прежде вам, разумеется, необходимо заполнить несколько стандартных документов. Как долго вы желаете беседовать с ним?

Эд Дойл, не мигая, глядел в добродушное, безмятежное лицо доктора.

– Я. Желая. Побеседовать с ним. Часа два-три. Может, и больше. Наедине.

– «Наедине»?

– Без присмотра роботов.

Доктор Биш призадумался, зашуршал бланками, слегка сминая ногтем края страниц.

– Мистер Дойл, – заботливо заговорил он, – в подходящем ли вы эмоциональном состоянии для встречи с сыном? Вы ведь, насколько я понимаю, совсем недавно прибыли из колоний?

– Да. С Проксимы вылетел три недели назад.

– И, следовательно, в Лос-Анджелес прилетели только сегодня?

– Именно.

– А приехали только затем, чтоб увидеться с сыном, или у вас здесь есть и другие дела?

– Только затем, чтоб увидеться с сыном.

– Понимаете, мистер Дойл, для Питера начался весьма важный, критический период развития личности. Мальчик, можно сказать, только что переведен в Биологический научно-исследовательский центр для интенсивного обучения. До сих пор он проходил общеобразовательную – недифференцированную, как у нас принято говорить, – подготовку, но теперь в его становлении начался новый этап. Последние полгода Питер учился по особой программе, специализируясь в собственной, строго определенной области, а именно – в органической химии. Далее ему предстоит...

– А сам Питер об этом что думает?

Биш сдвинул брови.

– Не понимаю вас, сэр.

– Ну, как ему это нравится? Хочется этого ему самому?

– Мистер Дойл, у вашего сына имеются все задатки для того, чтоб стать одним из талантливейших биохимиков мира. За все время работы с человеческими существами, воспитывая и обучая их, мы еще ни разу не сталкивались с более интенсивными, комплексными способностями к усвоению и обобщению данных, построению теорий и обработке опытного материала, чем те, которыми наделен ваш сын. Все тесты показывают: некоторое время спустя он поднимется к самым вершинам в избранной области науки. Да, мистер Дойл, пока он еще ребенок, но ведь учиться следует именно в детстве!

Дойл поднялся.

– Объясните, где и как мне его найти. Я побеседую с ним часа два, а дальше... дальше пусть сам решает.

– «Дальше»?

Дойл, стиснув зубы, сунул руки в карманы. Его покрасневшее лицо исполнилось мрачной, непреклонной решимости. За девять лет он порядком отяжелел, обрюзг, щеки покрылись паутинкой багровых прожилок, поредевшие волосы приобрели серебристо-стальной оттенок, невзрачный костюм давно не видывал утюга, однако упрямства Эд Дойл не утратил ничуть.

Доктор Биш сокрушенно вздохнул.

– Что ж, хорошо, мистер Дойл. Вот ваши бумаги. Закон позволяет вам наблюдать сына всякий раз, как вы подадите соответствующее заявление. Поскольку период недифференцированной подготовки для него завершен, вы также вправе беседовать с ним на протяжении девяноста минут.

– Наедине?

– Данное время вы можете провести с ним вне пределов Центра, – объяснил доктор Биш, придвинув к Дойлу бумаги. – Заполните эти бланки, и я распоряжусь доставить Питера сюда.

С этими словами он смерил стоящего перед ним человека оценивающим взглядом.

– Надеюсь, вы не забудете, что любые эмоциональные переживания на данной критической стадии могут весьма серьезно замедлить его дальнейшее развитие. Он выбрал свою

область деятельности, мистер Дойл, и мешать его профессиональному росту, в том числе посредством неосознанных ситуативных блоков, недопустимо. На протяжении периода обучения Питер общался только с нашим техническим персоналом. К контактам с другими человеческими существами он не привык. Прошу вас помнить об этом и быть осторожным.

Дойл, не ответив ни словом, сгреб со стола бумаги и выхватил из кармана самопишущее перо.

Узнать сына, вышедшего из бетонной громады Центра в сопровождении пары роботов-служителей, оставивших его в нескольких ярдах от наземного автомобиля с Эдом внутри, припаркованного возле парадного входа, ему удалось далеко не сразу.

– Пит! – окликнул Эд мальчика, распахнув дверцу.

Сердце в груди затрепетало, заныло. Сын, шурясь на ярком солнце, подошел к машине. День был на исходе, стрелки часов показывали почти четыре. Ветерок, веявший над стоянкой, шуршал парой газет и еще каким-то бумажным мусором.

Питер оказался худощавым и стройным. Огромные темно-карие глаза он явно унаследовал от Эда, а вот светло-русые волосы скорее от матери, Дженет. Впрочем, подбородок ему тоже достался отцовский – угловатый, твердый, правильной формы. Окинув сына взглядом, Эд невольно заулыбался. Надо же, девять лет... целых девять лет миновало с тех пор, как робот-санитар вынул из ванночки на тележке решетчатый лоток, показав ему крохотного, сморщенного младенца, красного, как вареный рак!

С тех пор Питер здорово вырос, превратился из младенца в гордого, стройного, ясноглазого мальчугана с выразительным, чистым лицом.

– Пит, – заговорил Эд, – ну, как ты тут, черт побери?

Мальчишка, подойдя к дверце автомобиля, безмятежно взглянул в глаза Эда, оценивающе оглядел и машину, и робота-водителя, и грузного, не первой молодости человека в мятом твидовом костюме, неуверенно улыбающегося ему.

– Садись. Полежай сюда, – сказал Эд, сдвинувшись вбок. – Давай же, садись. Нам есть куда прокатиться.

Мальчишка вновь оглядел его с головы до ног. Внезапно вспомнив и о мешковатом костюме, и о нечищенных туфлях, и о неопрятной седой щетине на подбородке, Эд покраснел, выдернул из кармана красный носовой платок и нервно утер взмокший от пота лоб.

– Я прямо с корабля, Пит, – пояснил он. – С Проксимы только что прилетел. Не успел даже переодеться, вот и... растрепан слегка. Перелет-то, видишь ли, долгий...

Питер понимающе кивнул.

– Четыре целых и три десятых светового года, если не ошибаюсь?

– Да. Три недели лету. Садись. Неужели проехаться не хочешь?

Питер уселся с ним рядом. Эд хлопнул дверцей.

– Едем, – скомандовал он.

Робот-водитель завел мотор.

– Вези... – Эд выглянул за окно. – Правь вон туда. К холму. За город. На дух не выношу больших городов, – пояснил он Питу. – Никак не могу к ним привыкнуть.

– В колониях нет больших городов, верно? – пробормотал Питер. – И потому ты непривычен к городской среде обитания?

Эд откинулся на спинку кресла. Сердце мало-помалу успокаивалось, замедляло стук.

– Нет, Пит. По правде сказать, все как раз наоборот.

– То есть?

– Я отправился на Прокси из-за того, что не выношу больших городов.

На это Питер не ответил ни словом. Наземный автомобиль поднимался все выше и выше, мчался вверх вдоль стального хайвея, теряющегося в холмах. Прямо под ними, внизу, будто россыпь цементных кубиков, раскинулся громадный, внушительный комплекс зданий иссле-

довательского центра. Встречных машин по пути почти не попадалось: бо2льшую часть пассажиров и грузов теперь возили по воздуху, а наземный транспорт доживал последние дни.

Дорога выровнялась. Машина мчалась вдоль гряды холмов. По обе стороны от полотна замелькали кусты и деревья.

– Хорошо здесь, наверху, – сказал Эд.

– Да, пожалуй.

– Как... как ты все это время жил? Я ведь вон сколько тебя не видел, да и видел-то всего раз. Сразу же после рождения.

– Я знаю. Твой визит отмечен в личном деле.

– И как у тебя? С учебой все ладно?

– Да, вполне.

– Обращаются с тобой хорошо?

– Разумеется.

Спустя еще немного времени Эд наклонился вперед.

– Останови здесь, – велел он роботу-водителю.

Автомобиль сбавил скорость, подруливая к обочине.

– Сэр, здесь ничего не...

– Вот и прекрасно. Выпусти нас. Дальше пойдем пешком.

Машина остановилась. Пассажирская дверца медленно, словно нехотя, распахнулась, и Эд поспешил выйти из кабины на проезжую часть. Следом за ним не торопясь выбрался наружу озадаченный Питер.

– Где мы?

– Нигде. Просто за городом.

Эд с лязгом захлопнул дверцу.

– Езжай в город, – бросил он водителю. – Нам ты больше не нужен.

Машина укатила прочь. Эд сошел на обочину. Питер последовал за ним. Отсюда склоны холмов тянулись вниз, к окраинам огромного города, титанической панорамой раскинувшегося у их подножий. Глубоко вздохнув, Эд широко развел руки в стороны, сбросил пиджак и перекинул его через плечо.

– Пошли, – сказал он, шагнув в траву у обочины. – Идем, идем!

– Куда?

– Прогуляемся. И первым делом уберемся от этой треклятой дороги, да поскорей.

Ступая с оглядкой, держась за стебли травы и корни, торчавшие из земли, оба начали спускаться со склона холма. В конце концов они вышли к ровной полянке под огромным платаном. Здесь Эд, кряхтя, уселся в траву, шумно перевел дух и утер пот с загривка.

– Вот. Давай-ка здесь посидим.

Питер не без опаски опустился на землю слегка поодаль. Синяя рубашка Эда покрылась темными пятнами пота. Ослабив галстук, расстегнув ворот, он вынул из кармана пиджака трубку и кiset с табаком.

Под пристальным взглядом Питера Эд набил трубку и раскурил ее от толстой серной спички.

– Что это? – негромко спросил мальчик.

– Это? Трубка, – с улыбкой объяснил Эд, посасывая мундштук. – Ты что же, трубки никогда в жизни не видел?

– Нет.

– Хорошая трубка. Купил я ее, когда впервые отправился на Проксиму. Ох и давно это было, Пит... двадцать пять лет назад! Мне только-только исполнилось девятнадцать. Всего вдвое больше, чем тебе сейчас.

Убрав кисет с табаком, он прислонился спиной к стволу дерева. Мясистое лицо его сделалось серьезным, взгляд затуманился.

– Всего девятнадцать, да. А на Проксиму я отправился слесарем-водопроводчиком. Починка, продажи, когда удавалось что-то продать... «Терран Пламбинг». Огромные, цветастые рекламные щиты на каждом углу. Возможности без границ. Девственные земли. Золото на улицах. Заработай свой миллион...

Оборвав фразу, Эд расхохотался от всей души.

– И как же ты справился?

– Неплохо. Совсем неплохо. Теперь у меня, понимаешь ли, собственное дело. Обслуживаю всю систему Проксимы. Ремонт, техобслуживание, прокладка, монтаж... шесть сотен работников! Долго я к этому шел. Представляешь, как потрудиться пришлось?

– Представляю.

– Есть хочешь?

Питер повернулся к Эду:

– Что?

– Ну, ты не проголодался?

Достав из кармана пиджака сверток, Эд развернул бурую оберточную бумагу.

– С дороги пара сэндвичей осталась. Я ведь, когда лечу сюда с Прокси, непременно едой запасуюсь. А буфеты на борту транспортов не люблю: цены там – три шкуры спустят. Будешь? – спросил он, протянув сверток Питеру.

– Нет, спасибо.

Эд впился зубами в сэндвич. Ел он беспокойно, то и дело поглядывая на сына. Питер, сидя неподалеку, молчал и безучастно глядел вдаль. На его чистом, симпатичном лице не отражалось никаких чувств.

– Все в порядке? – наконец спросил Эд.

– Да.

– Ты не замерз там?

– Нет.

– Простуда, знаешь ли, нам совсем ни к чему.

Мимо них, спеша к платану, шмыгнула белка. Эд бросил зверьку кусочек сэндвича. Белка отпрыгнула в сторону, неторопливо вернулась, встала на задние лапки, распушила длинный серый хост и смерила обоих сердитым взглядом.

Эд вновь рассмеялся.

– Надо же, глянь, глянь! Ты белок когда-нибудь видел?

– По-моему, нет.

Подхватив угощение, белка помчалась прочь и скрылась в высокой траве под кустами.

– А вот на Прокси белок не водится, – заметил Эд.

– Да, в самом деле.

– Эх, хорошо все же в кои-то веки вернуться на Терру! Былое вспомнить, из прежнего кое-что повидать. Вот только уходит оно...

– «Уходит»?

– Ну, отмирает. Уничтожается. Терра меняется что ни день, – пояснил Эд, широким взмахом руки указав на склоны холмов. – Вот и всего этого в один прекрасный день не станет. Деревья вырубят. Холмы сровняют. Мало-помалу всю грядку сроят и увезут. Пустят на насыпи где-нибудь у побережья.

– Это вне нашей сферы, – сказал Питер.

– Что?

– Я не получаю материалов подобного рода. Разве доктор Биш тебе не сказал? Моя сфера деятельности – биохимия.

– Да, знаю, – пробормотал Эд. – Но объясни, как тебя угораздило впутаться в эти дела? В биохимию?

– Согласно результатам тестов, таково самое рациональное применение для моего склада ума и природных способностей.

– И тебе нравится ей заниматься?

– Странный вопрос. Конечно же, нравится. Ведь это то самое дело, для которого я пригоден как нельзя лучше.

– По-моему, чертовски странно все это – впрягать мальчишку в такие науки с девяти лет.

– Почему?

– Бог ты мой, Пит... Сам я в девять лет просто слонялся по улицам. Отсиживал в школе какое-то время, а после гулял, бродил то там, то сям. Играл, читал, а сколько раз на пусковые площадки космических ракет тайком пробирался! – Эд призадумался. – Одним словом, занимался, чем хотел. А в шестнадцать на Марс махнул. Там прожил какое-то время, официантом вкалывал, а после отправился дальше, на Ганимед. Однако на Ганимеде ловить оказалось нечего: все схвачено, все поделено. Подумал я и отправился с Ганимеда на Прокси. Проезд пришлось отрабатывать, нанявшись на большой грузовик, но ничего, справился.

– И остался там, на Проксимае?

– Ну да! Нашел то, чего хотел. Чудесные там края... Ну а теперь мы, понимаешь, Сириус начинаем осваивать, – продолжал Эд, гордо выпятив грудь. – У меня и там филиальчик уже готов. Небольшой, торгово-сервисный.

– От Солнца до Сириуса восемь целых и восемь десятых светового года.

– Да уж, неблизко. Отсюда семь недель лету, и перелет-то каков! То метеоритный рой, то еще что-нибудь. Не заскучаешь!

– Могу себе представить.

Эд повернулся к сыну. Лицо его засияло надеждой и энтузиазмом.

– А знаешь, о чем я уже давненько подумываю? Отправляюсь-ка я теперь туда. На Сириус. Домик у нас там выстроен неплохой. Сам планы чертил. Спецпроект сообразно условиям системы.

Питер понимающе кивнул.

– И знаешь что, Пит...

– Что?

– Может, и тебе интересно будет? Махнуть на Сириус, поглядеть, что там да как? Края там превосходные. Четыре планеты – чистых, нетронутых. Свободного места куча. Многие мили свободного места. Пропасти, горы, утесы. Океаны, моря. И никого вокруг. Горстка колонистов с семьями, кое-какие постройки, и все, а вокруг – равнины, равнины до самого горизонта.

– Что значит «интересно»?

Эд побледнел, нервно дернул уголком рта.

– Слетать туда. Я тут подумал: может, тебе будет любопытно слетать со мной, самому взглянуть, каково там живется. На Сириусе сейчас – почти как на Прокси было двадцать пять лет назад. Тишина, чистота... никаких городов.

Питер улыбнулся.

– Ты чему улыбаешься?

– Ничему. Без определенной причины, – ответил Питер, вскакивая на ноги. – Знаешь, если нам предстоит добираться до Центра пешком, пора идти. Время позднее.

– Да, конечно, – согласился Эд, не без труда поднявшись с травы. – Конечно, но...

– Когда ты собираешься снова вернуться в Солнечную систему?

– Вернуться...

Эд двинулся следом за сыном. Питер карабкался вверх, к дороге, с завидным проворством.

– Погоди... уф... не так быстро, ладно?

Питер убавил шаг, и Эд, отдуваясь, поравнялся с ним.

– Когда я вернусь... пока точно не знаю. Я ведь на Терре бываю нечасто. С Джен мы расстались, а больше меня ничто здесь не держит. Сказать откровенно, я и на этот раз прилетел только затем, чтоб...

– Сюда.

Добравшись до обочины, Питер свернул на дорогу и зашагал к городу. Запыхавшийся Эд накинул пиджак и поспешил за ним, затягивая на ходу узел галстука.

– Питер, так что скажешь? Хочешь махнуть со мной, на Сириус с его планетами поглядеть? Там замечательно. Если хочешь, можем и поработать вместе, вдвоем – ты да я.

– Но у меня уже есть работа.

– Вот эта чушь? Эта треклятая химия?

Питер вновь улыбнулся.

При виде его улыбки Эд нахмурился, побагровел.

– Чему улыбаешься? – резко спросил он, однако ответа не дождался. – Что тут смешного? Что тут смешного-то, черт побери?

– Нет, ничего, – заверил его Питер. – Не волнуйся. Идти нам еще довольно долго, а время позднее. Нужно поторопиться.

С этими словами он немного ускорил шаг и, гибкий, стройный, ровной походкой двинулся дальше, слегка покачиваясь из стороны в сторону на ходу.

* * *

Доктор Биш, отогнув рукав полосатого пиджака, взглянул на часы.

– Рад видеть тебя. С возвращением!

– Он отослал наземный таксомотор, – смущенно пробормотал Питер. – С холма пришлось спускаться пешком.

Снаружи стемнело. С наступлением темноты вдоль стройных рядов лабораторных зданий научно-исследовательского центра автоматически, один за другим, зажглись фонари.

Доктор Биш поднялся из-за стола.

– Распишись здесь, Питер. В нижней строке этого бланка.

Питер, приняв бумагу, поставил роспись.

– А что это?

– Подтверждение тому, что ты встретился с ним согласно действующему законодательству. Что мы вам никоим образом не препятствовали.

Мальчик вернул бланк доктору, и тот аккуратно уложил документ в папку.

– Пойду, – сказал Питер, шагнув к выходу из кабинета. – Спущусь в кафетерий, поужинаю.

– Ты все это время ничего не ел?

– Нет.

Доктор Биш, скрестив руки на груди, окинул мальчика изучающим взглядом.

– Скажи, что ты о нем думаешь? Ведь ты впервые в жизни увиделся с отцом. Должно быть, подобное для тебя непривычно. Все время учебы и работы тебя окружали только мы.

– Действительно... опыт необычный.

– Каковы же твои впечатления? Что запомнилось особенно ярко?

– Крайне эмоциональное поведение. Явная необъективность во всех высказываниях и поступках. Налицо отклонение, причем практически равномерное.

– И это все?

Питер остановился в дверях, поразмыслил и невольно заулыбался.

– Нет, еще кое-что.

– Что именно?

– От него... – Осекшись, Питер фыркнул от смеха. – От него явственно пахло. Постоянно, довольно резко, в течение всей встречи.

– Боюсь, это свойство присуще им всем, – пояснил доктор Биш. – Так пахнут некоторые продукты жизнедеятельности, выделяемые кровью и выводящиеся из организма при помощи определенных кожных желез. Чаще общаясь с ними, ты к этому привыкнешь.

– А мне обязательно чаще общаться с ними?

– Это твои собратья по виду. Как же иначе с ними работать? Вся программа твоего обучения составлена с учетом данного обстоятельства. После того, как мы обучим тебя всему, чему сможем, тебе предстоит...

– Этот резкий запах... он напоминает что-то знакомое. Я думал над этим все время, пока был с ним рядом. Пытался вспомнить, что именно.

– И теперь можешь идентифицировать запах?

Питер надолго задумался, ушел в себя, сосредоточенно морща лоб. Доктор Биш, скрестив руки, терпеливо ждал у стола. Кабинет окутался неярким, мерцающим светом: с началом ночи в здании автоматически включилась система обогрева помещений.

– Знаю! – воскликнул мальчик.

– И что же это за запах?

– Животные в биологических лабораториях! Запах тот же. Подопытные животные пахнут в точности так же.

Рободоктор и многообещающий девятилетний мальчишка, переглянувшись, обменялись улыбками – улыбками тайными, заговорщическими, свидетельствующими о полном взаимопонимании.

– Кажется, я догадываюсь, что ты имеешь в виду, – неспешно проговорил доктор Биш. – Впрочем, нет, не догадываюсь. Знаю.

Некоторые формы жизни

– Джоан! Силы небесные!..

Раздражение в голосе мужа явственно слышалось даже из динамика, встроенного в стену. Оставив кресло у демозэрана, Джоан поспешила в спальню. Раскрасневшийся, вне себя от ярости, Боб рылся в платяном шкафу, сдергивал с вешалок костюм за костюмом и швырял их на кровать.

– Что ты там ищешь?

– Мундир. Где он? Разве не здесь?

– Разумеется, здесь, где же еще. Дай-ка взглянуть.

Насупившись, Боб отодвинулся в сторону. Джоан, шагнув к шкафу, щелкнула клавишей автоматической сортировки. Костюмы на вешалках качнулись, пришли в движение, замелькали перед ней, сменяясь один другим, как на показе мод.

Утро только начиналось, время близилось к девяти. Теплый весенний денек, конец апреля, на ярко-голубом небе – ни тучки, ни облачка. Не успевшая высохнуть после вчерашних дождей земля вокруг дома чернела, курилась паром, кое-где пробивались к свету первые побеги травы. Тротуар тоже потемнел от влаги, капли росы на широких газонах сверкали, искрились под солнцем.

– Вот и он!

Щелкнув клавишей, Джоан выключила сортировку. Нужная вешалка упала ей прямо в руки, и она вручила мундир мужу.

– И в следующий раз ни к чему так расстраиваться.

– Спасибо.

Смущенно заулыбавшись, Боб расправил мундир.

– Но погляди, китель-то весь измят! Я думал, ты эту треклятую штуку в чистку отдашь.

– Терпение, Боб. Все будет в порядке, – заверила его Джоан, запуская уборку постели.

Аппарат, аккуратно расправив одеяла и простыни, свернул их и уложил по местам, заботливо прикрыл кружевной накидкой подушки. – Поносишь немного, и будет выглядеть просто прекрасно. В жизни еще не видела человека, поднимающего столько шума из-за таких пустяков.

– Прости, милая, – пробормотал Боб.

– Что стряслось? – Шагнув к нему, Джоан нежно погладила широкое плечо мужа. – Ты чем-то встревожен?

– Нет.

– Признавайся.

Он принялся расстегивать китель.

– Ничего особенного. Я даже беспокоить тебя раньше времени не хотел. Вчера мне на работу звонил Эриксон. Передал, что нашей сводной группе снова пора на вылет. Похоже, группы теперь отправляют разом по две... а я-то рассчитывал, что меня еще месяцев шесть дергать не станут.

– Ох, Боб! Почему ты мне ничего не сказал?

– Разговор у нас с Эриксоном был долгий. Я ему: «Бог ты мой! Я же только-только вернулся!» А он: «Знаю, Боб, знаю и дьявольски сожалею, но ничего не поделаешь. Все мы, как говорится, в одной лодке. Да ты не думай, это все ненадолго. Сделаем дело, и по домам. С Марсом у нас нелады. Не сидится же им спокойно...» Вот так он мне и объяснил, не поленился, как видишь. Нет, Эриксон – малый неплохой... даром что координатор сектора.

– И когда же... когда ты отбываешь?

Боб взглянул на часы.

– На космодроме я должен быть в полдень. Выходит, еще три часа есть.

– А вернешься когда?

– Думаю, уже через пару дней... если все пройдет гладко. Сама же знаешь, тут ничего заранее сказать нельзя. Каждый раз по-разному. Помнишь, в октябре прошлого года аж на неделю задержаться пришлось? Но это – случай особый. Сейчас сводные группы меняют быстро – начать не успеешь, а уже едешь домой.

Из кухни в комнату с ленцой, прогуливаясь, вошел Томми.

– Что стряслось, пап? – спросил он, но тут же заметил мундир. – Ух ты, снова сбор сводной группы?

– Точно.

Томми засиял от восторга, расплылся в широкой мальчишеской улыбке.

– Значит, ты с марсианами разбираться летишь? Я за всеми новостями о них слежу по видео. С виду эти марсиане – все равно что пучки засохшей травы. Вы с ребятами наверняка разнесете их в клочья.

Боб, рассмеявшись, шлепнул сына по спине.

– И не говори, Томми. И не говори.

– Жаль, меня туда не берут! Я бы им...

Боб изменился в лице, глаза его сделались жесткими, точно два серых камешка.

– А вот об этом ты не жалеешь. И говорить так не смей больше.

В комнате воцарилась неловкая тишина.

– Да что я такого сказал-то? – пробормотал Томми.

Боб непринужденно рассмеялся.

– Ладно, проехали. А теперь убирайтесь оба, дайте переодеться.

Джоан с Томми вышли за дверь. Дверь плавно закрылась сама собой. Боб, быстро сбросив халат и пижаму, облачился в темно-зеленый мундир, зашнуровал ботинки и распахнул дверь.

Джоан доставала из шкафа в прихожей его чемодан.

– Тебе ведь понадобится, верно? – спросила она.

– Спасибо, – поблагодарил ее Боб, подхватив чемодан. – Идем к машине.

Томми прилип к демозкрану – он уже занимался учебой. По экрану неторопливо ползли рисунки и текст: шел урок биологии.

Спустившись с крыльца, миновав дорожку, Боб и Джоан подошли к наземному автомобилю, оставленному на улице, у калитки. Стоило им приблизиться, водительская дверца распахнулась сама по себе, и Боб, забросив в салон чемодан, уселся за руль.

– Чего ради нам драться с этими марсианами? – внезапно спросила Джоан. – Чего ради, Боб, объясни?

Боб закурил. В кабине автомобиля закружился серый табачный дымок.

– Чего ради? Ты это знаешь не хуже меня. Вот, ради этого, – ответил он, хлопнув широкой ладонью по изящному приборному щитку. – Ради этого.

– То есть?

– Для автоматического управления необходим резероид. Месторождения резероида из всех планет нашей системы имеются только на Марсе. Потеряем Марс – потеряем и это, – объяснил он, погладив блестящую панель. – И вот скажи, как ты тогда предлагаешь ездить?

– На ручном управлении, как раньше.

– Не выйдет. Еще десять лет назад получилось бы, верно, но в те времена мы ездили со скоростью меньше сотни миль в час. При современных скоростях править машиной уже не в человеческих силах. Вернемся к ручному управлению – скорость движения придется снижать.

– Так отчего бы не снизить?

Боб рассмеялся.

– Сердце мое, отсюда до города девяносто миль. Ты вправду считаешь, что я удержусь на работе, если каждый день буду ездить туда и обратно на тридцати пяти милях в час? Мне же всю жизнь придется провести за рулем!

На это у Джоан возражения не нашлось.

– Вот видишь? Без этого треклятого резероида нам никуда. Резероид – это все наши системы автоматического управления. От него зависит вся наша жизнь. Он необходим нам как воздух. Добыча резероида на Марсе должна идти полным ходом. Отдавать его залежи марсианам нельзя ни за что, понимаешь?

– Понимаю. А в прошлом году мы воевали за венерианский крион. Без криона нам тоже не обойтись. Поэтому тебя и отправили воевать на Венеру.

– Дорогая, без криона стены наших домов не смогут сохранять постоянную температуру. Крион – единственное неживое, неорганическое вещество во всей системе, приспособляющееся к изменениям температуры. Не будь его, нам бы... нам бы опять пришлось топить печи и котлы в подвалах. Как моему деду.

– А в позапрошлом году причиной стал лонолит с Плутона.

– Лонолит – единственное известное нам вещество, пригодное для изготовления блоков памяти вычислительных машин. Единственный металл, обладающий настоящей способностью к запоминанию данных. Не станет у нас лонолита – не станет и мощных счетных машин, а без них мы, сама понимаешь, далеко не уйдем.

– Что ж, ладно.

– Сердце мое, ты же знаешь: я вовсе не хочу на войну. Воевать никому неохота. Но что делать? Куда деваться? Надо идти. Неужели тебе хотелось бы расстаться со всем этим? – спросил Боб, махнув рукой в сторону дома. – Снова вернуться в прошлое?

– Нет, не хотелось бы, – согласилась Джоан, отступив от машины. – Хорошо, Боб. Значит, увидимся через день-другой?

– Надеюсь. Думаю, дело надолго не затянется. На Марс летит большая часть сводных групп из Нью-Йорка. Группы из Берлина и Осло уже там. Нет, много времени все это не займет.

– Удачи!

– Спасибо. Попрощайся за меня с Томми!

Едва Боб захлопнул дверцу, машина автоматически завела мотор, отъехала от обочины, набрала скорость и, управляемая автоматикой, без сучка и задоринки влилась в поток транспорта, мчавшегося по хайвею бесконечной рекой. Джоан смотрела ей вслед, пока машина не смешалась со множеством сверкающих хромом автомобилей, яркой лентой тянувшихся через поля к далекому городу, а после неторопливо, будто нехотя, двинулась к дому.

* * *

С Марса Боб не вернулся, и потому роль хозяина дома, главы, так сказать, семьи перешла к Томми. Джоан оформила для него освобождение от школьных занятий, и вскоре он начал работать лаборантом в Государственном научно-исследовательском центре, открывшемся в нескольких милях от дома.

Как-то вечером к ним заглянул на огонек, справиться, все ли благополучно, Брайан Эриксон, координатор сектора.

– Прекрасный домик у вас, – заметил Эриксон, пройдясь по гостиной.

Томми раздулся от гордости.

– Еще бы! Присаживайтесь, устраивайтесь поуютнее.

– Благодарю.

Эриксон заглянул в кухню. Кухня трудилась вовсю, готовя ужин на вечер.

– И кухня хоть куда.

Томми подошел к нему и остановился рядом.

– Видите тот прибор над плитой?

– Для чего он?

– Это кухонный блок автовыбора. Каждый день новое меню подбирает, а нам не нужно ломать голову, что приготовить.

– Потрясающе, – восхитился Эриксон и искоса взглянул на Томми. – Похоже, у вас все путем?

Джоан отвернулась от демозэкрана.

– Насколько это возможно, – монотонно, равнодушно ответила она.

Эриксон, кашлянув, вернулся в гостиную.

– Ну что ж, побегу я, наверное, дальше.

– А приходили зачем? – спросила Джоан.

– Так просто, миссис Кларк. Без особой причины. Хотя...

Грузно сложенный, краснолицый, лет этак под сорок, Эриксон задержался в дверях.

– Да, есть тут одно дельце.

– Какое? – по-прежнему равнодушно спросила Джоан.

– Том, ты карточку приписанного к сводной группе сектора уже оформил?

– Приписанного к сводной группе?..

– Согласно закону, тебе положено встать на учет как приписанному к нашему сектору.

К моему сектору, – объяснил Эриксон и полез в карман. – Если что, у меня как раз несколько бланков с собой.

– Вот так-так, – слегка испуганно протянул Томми. – Не рановато ли? Я думал, до восемнадцати меня это не касается.

– Возрастные ограничения недавно снижены. На Марсе нам задали изрядную трепку. Теперь часть секторов не в состоянии заполнить квоты, вот и приходится, понимаешь, глубже копать, – с добродушной улыбкой ответил Эриксон. – А сектор у нас, сам знаешь, на зависть каждому. Учения, испытания нового вооружения – не заскучаешь! Больше скажу: я наконец-то выбил из Вашингтона целую эскадрилью новейших двухсопловых малых истребителей. Теперь каждый из моего сектора получит в пользование по малому истребителю!

У Томми загорелись глаза.

– Серьезно?!

– Мало того: пилоту разрешено на выходные брать истребитель домой. Паркуй хоть во дворе, на лужайке.

– Нет, кроме шуток?!

Усевшись за стол, Томми принялся с радостью заполнять приписную карточку.

– Кроме шуток, кроме шуток, – пробормотал Эриксон. – Да и других забав у нас предостаточно.

– Пока войны нет, – негромко проговорила Джоан.

– Прошу прощения, миссис Кларк, что?

– Нет. Нет, ничего.

Приняв у Томми заполненный бланк, Эриксон спрятал приписную карточку в бумажник.

– Да, кстати, вот еще что, – начал он.

Томми с Джоан повернулись к нему.

– Про войну за глеко вы, надо думать, в новостях видели. И, полагаю, все о ней знаете.

– Про какую войну за глеко?

– Весь глеко к нам поступает с Каллисто. Добывают его из кож каких-то тамошних зверей.

И вот теперь у нас с каллистянскими туземцами нелады. Требуют, понимаете, чтоб мы...

– Что такое «глеко»? – процедила сквозь зубы Джоан.

– Та самая штука, благодаря которой вашу парадную дверь не открыть никому, кроме вас. Реагирует на особенности нажатия вашей ладони, а делается из кож этих животных с Каллисто.

Казалось, наступившую в комнате тишину можно было резать ножом.

– Пойду я, пожалуй, – сказал Эриксон, шагнув к двери и отворив ее. – Ну что, Том, до встречи на ближайших учебных сборах?

– До встречи, – пробормотал Томми.

– Доброй вам ночи.

Выйдя из дома, Эриксон аккуратно притворил за собою дверь.

* * *

– Но я же должен идти! – воскликнул Томми.

– Зачем?

– Весь сектор идет воевать. Явка обязательна.

– Не годится так, – с тоской проговорила Джоан, глядя в окно.

– Так ведь если я не пойду туда, мы потеряем Каллисто. А потеряв Каллисто...

– Знаю, знаю. Потеряем Каллисто – придется нам снова таскать в карманах ключи от дверей. Как деда и бабки.

– Вот именно! – Выпятив грудь, Томми повернулся из стороны в сторону. – Как выгляжу? Джоан не ответила ни слова.

– Как я выгляжу, мам? Все в порядке?

Да, темно-зеленый мундир пришелся Томми очень к лицу. В нем Томми, прямой и стройный, выглядел куда лучше, чем Боб. С годами Боб неуклонно толстел, лысел, седел, а густая шевелюра Томми отливала глянцем, точно вороново крыло, щеки от волнения разругались, голубые глаза сверкали огнем. Надев каску, сын застегнул ремешок под подбородком.

– О'кей? – еще раз спросил он.

– Прекрасно, – кивнула Джоан.

– Тогда поцелуй меня на прощание. Отбываю на Каллисто. Вернусь через пару дней. До скорого!

– До скорого.

– Голос у тебя грустный какой-то...

– Это верно, – согласилась Джоан, – ведь радоваться тут нечему.

С Каллисто Томми вернулся целым и невредимым, однако в ходе тректоновой войны в Европе с его двухсопловым малым истребителем что-то стряслось, и на сей раз сводная группа сектора вернулась назад без него.

– Тректон, – объяснил Брайан Эриксон, – нужен для лучевых трубок демоэкранов, Джоан. Чертовски важная штука.

– Понимаю.

– Демоэкраны для нас, сами знаете, все. И информация, и образование. Днем детишки их смотрят, учатся, по вечерам мы, отдыхая, смотрим развлекательные каналы. Вам ведь не хотелось бы снова, как нашим дедам и бабкам...

– Нет, нет... разумеется, не хотелось бы. Прошу прощения.

Джоан взмахнула рукой, и в гостиную въехал кофейный столик с дымящимся кофе в чашках.

– Сливки? Сахар?

– Только сахар, благодарю вас.

Взяв со столика чашку, Эриксон молча присел на диван, размешал сахар, сделал глоток. В доме было тихо. Дело шло к ночи, стрелки часов показывали почти одиннадцать. В углу

негромко мурлыкал демоэкрэн. Укрытый тьмой, мир за опущенными жалюзи замер, оцепенел – только ветви кедров у края участка слегка колыхались, шелестели на легком ветру.

– Что нового на всевозможных фронтах? – наконец спросила Джоан, откинувшись на спинку кресла и оправив юбку.

– На фронтах? – Эриксон наморщил лоб. – Ну, идериевая война принимает новый поворот.

– Идериевая? Где это?

– На Нептуне. Идерий мы добываем там.

– И для чего же нам этот... идерий?

Голос Джоан звучал тонко, негромко, словно из дальних далей. Казалось, ее осунувшееся, побледневшее лицо заменила неподвижная маска, тогда как сама Джоан перенеслась куда-то еще, за множество миль отсюда – однако каким-то образом смотрит на гостя сквозь прорези для глаз.

– Идерий необходим для электронно-автоматической службы новостей, – объяснил Эриксон. – Идериевые линии и блоки позволяют им немедля фиксировать происходящие события и показывать их в выпусках новостей, на демоэкранах. Не станет идерия – нам снова придется читать статьи, написанные репортерами. Между тем ни один журналист не свободен от личных предубеждений, искажающих новостные статьи, а идериевые машины совершенно беспристрастны.

Джоан понимающе кивнула.

– А еще что у нас нового?

– Почти ничего. Говорят, на Меркурии ожидается заварушка.

– И что же мы добываем на Меркурии?

– С Меркурия к нам везут амбролин. Он используется во всевозможной аппаратуре для выбора и сортировки. Кухонный блок автовыбора, составляющий вам меню, тоже основан на амбролине.

Джоан, опустив взгляд, рассеянно уставилась в чашку с кофе.

– А эти туземцы с Меркурия... они на нас нападают?

– Вроде того. Бунтуют, волнуются... Сводные группы некоторых секторов туда уже вызваны – парижская, например, и московская. И обе, надо полагать, не из мелких.

– Знаете, Брайан, – помолчав, сказала Джоан, – я вижу, вы не просто так меня навестили. Что у вас на уме?

– Нет, что вы, ничего особенного.

– Бросьте. Я же вижу. В чем дело?

Добродушное лицо Эриксона вспыхнуло, налилось румянцем.

– Да, Джоан, в проницательности вам не откажешь. Говоря откровенно, я к вам вправду по делу.

– Так говорите же.

Эриксон извлек из кармана пиджака сложенную вдвое бумагу с отпечатанным на мимеографе текстом и подал ее Джоан.

– Поймите, идея-то не моя. Я – всего-навсего шестеренка в огромной машине, – сказал он, нервно кусая губу. – Все это из-за крупных потерь в тректоновой войне. Правительству нужно пополнить ряды. Я слышал, им самим такой поворот не по нраву.

– О чем здесь речь? – спросила Джоан, возвращая ему бумагу. – Мне во всем этом крючкотворстве не разобраться.

– Если коротко, здесь говорится, что за... за отсутствием в семье членов мужского пола в сводные группы секторов отныне принимаются женщины.

– Вот как... понятно.

Исполнив долг службы, Эриксон с облегчением перевел дух и поспешил встать. На лице его отразилась жуткая усталость.

– Ну что ж, побегу я, пожалуй. Должен был, понимаете, с этим распоряжением вас ознакомить. Их всем с утра разослали, – сказал он, пряча бумагу в карман пиджака.

– Выходит, людей осталось не так уж много?

– То есть?

– Сначала мужчины. За ними мальчишки. Теперь и женщины. Похоже, в стороне никому не остаться.

– Похоже, уж это точно. Но ведь не без причины же, не просто так! На этих фронтах нужно держаться любой ценой. Добыча сырья должна продолжаться. Нам без него никуда.

– Наверное, – вздохнула Джоан, неторопливо поднявшись с кресла. – До встречи, Брайан.

– Да. Где-нибудь через недельку снова буду в ваших краях, тогда и увидимся.

* * *

Возвращение Брайана Эриксона в дом миссис Кларк состоялось, как только на Сатурне разразилась нимфитовая война. Переступив порог, Эриксон виновато улыбнулся Джоан.

– Уж извините, что потревожил в такую рань, – сказал он. – Страшно спешу. Мотаюсь по всему сектору как угорелый.

– В чем дело? – спросила Джоан, закрывая дверь.

На сей раз Эриксон явился к ней в светло-зеленом мундире координатора с серебряными шевронами на рукавах. Сама Джоан едва успела накинуть домашний халат.

– Хорошо у вас тут... тепло, – вздохнул Эриксон, грея ладони о стену.

День выдался ясным, однако морозным. К концу ноября снег укрыл белым холодным одеялом все вокруг. Из сугробов торчало лишь несколько черных, мрачных деревьев с обледеневшими голыми ветвями. Сверкающая река наземных машин вдали, на хайвее, превратилась в тоненький ручеек: теперь в город мало кто ездил, и бо2льшая часть наземного транспорта отправилась на хранение.

– О заварушке на Сатурне вам, надо думать, известно, – пробормотал Эриксон. – Слышали, что там творится?

– Да, кажется, видела в новостях кое-какие кадры.

– Переполох там сейчас, можно сказать, до небес. Эти сатурнианские туземцы – просто громадины... Бог ты мой, каждый по пятьдесят футов ростом, не меньше!

Джоан, безучастно кивнув, протерла заспанные глаза.

– Какая жалость, что нам не обойтись без Сатурна... Скажите, Брайан, вы завтракали?

– О да, да, благодарю вас, я сыт, – ответил Эриксон, разворачиваясь к стене спиной. – А вот согреться с мороза очень даже не помешает. Какой порядок у вас, а? Моей бы супруге в таком же порядке дом содержать...

Джоан обошла окна и подняла жалюзи.

– Так что же мы добываем на Сатурне?

– Как что? Нимфит – ни больше, ни меньше! Всем прочим, ладно уж, можно и поступиться, но вот нимфит нам необходим позарез.

– А для чего нам этот нимфит? Где он используется?

– Во всем оборудовании для тестирования и оценки способностей. Без нимфита нам будет не оценить, кто для какой должности годен, включая сюда пост самого председателя Мирового Совета.

– Вот как?

– Ну а нимфитовые детекторы позволяют точно определить, на что человек способен, работу какого типа ему надлежит поручить. Нимфит – основа основ современного общества. С его помощью мы сортируем, оцениваем себя самих. Если в поставках случится заминка...

– И при этом весь он ввозится к нам с Сатурна?

– Боюсь, что так. И вот теперь туземцы бунтуют, пытаются захватить нимфитовые рудники. Схватка будет нелегкой: уж очень они велики. Правительство вынуждено призвать в строй всех, кого только возможно. Всех до единого.

– Всех до единого?! – Ахнув, Джоан прикрыла губы ладонью. – Даже женщин?

– Боюсь, что так. Простите, Джоан. Сами понимаете, идея-то не моя. Воевать никому неохота. Однако ради спасения всего, что у нас только есть...

– Но кто же тогда здесь останется?

Эриксон не ответил. Усевшись за стол, он вынул из бумажника карточку и вручил ей. Джоан машинально приняла бланк.

– Вот. Ваша приписная карточка.

– Кто же останется? – повторила она. – Скажите, кто? Останется здесь хоть кто-нибудь?

* * *

Приземлению ракетолета с Ориона сопутствовал оглушительный грохот. Но вот выпускные клапаны выбросили наружу тучи отработанных газов, компрессоры реактивных двигателей остыли, и вокруг сделалось тихо.

Некоторое время наступившую тишину не нарушало ничто. Затем кремальеры люка неспешно, словно с опаской, провернулись, крышка сдвинулась внутрь, и Н-тгари-3, выглянув наружу, помахал перед собой конусом анализатора атмосферы.

– Каковы результаты? – прозвучал в его голове мысленный вопрос напарника.

– По нашим меркам, атмосфера слишком разрежена. Но для некоторых форм жизни вполне подойдет, – ответил Н-тгари-3, оглядывая просторную равнину и цепочку холмов вдаль, у горизонта. – Еще здесь необычайно тихо.

– Ни звука, ни каких-либо иных признаков жизни, – согласился напарник, тоже выглянув из корабля. – А вон там – что это?

– Где? – не понял Н-тгари-3.

– Вон там, вдаль, – пояснил Люци-н-6, указывая полярной антенной вбок. – Видишь?

– Похоже, некие стандартные блок-постройки. Массивные здания неизвестного назначения.

Подняв шлюпку до уровня люка, орионяне вытолкнули ее наружу, Н-тгари-3 сел за штурвал, и шлюпка помчалась через равнину, к темной возвышенности на горизонте. Повсюду вокруг зеленели растения – частью высокие, пышные, крепкие; частью хрупкие, мелкие, увенчанные цветками самых разных оттенков.

– Обилие неподвижных форм жизни, – отметил Люци-н-6.

Вскоре впереди показалось целое поле других растений, серых с оранжевым. Бессчетные тысячи совершенно одинаковых стеблей, растущих ровно, словно по линейке...

– А эти, похоже, высажены искусственно, – пробормотал Н-тгари-3.

– Сбавь скорость. Мы приближаемся к какой-то постройке.

Н-тгари-3 убавил ход почти до нуля. Охваченные любопытством, орионяне приникли к иллюминатору.

Очаровательное строение, возвышавшееся перед ними, окружали всевозможные растения – высокие и ветвистые, стоявшие друг от друга поодаль; ковры из растений тоненьких, невысоких; клумбы растений с цветами потрясающей красоты. Само строение – опрятное, привлекательное на вид – вне всяких сомнений, являло собой творение весьма развитой культуры.

– Возможно, мы вот-вот встретимся с легендарными обитателями Терры!

Выпрыгнув из шлюпки, Н-тгари-3 едва ли не бегом помчался по ковру из растений – довольно высоких, совершенно одинаковых, покрывающих землю сплошь, к парадному входу в здание.

Люци-н-6 последовал за напарником. Поднявшись на крыльцо, оба внимательно осмотрели дверь.

– Как же она открывается? – спросил Люци-н-6.

Поразмыслив, орионяне прожгли в замке аккуратную дырочку, и дверь плавно распахнулась. Внутри автоматически зажегся свет, от стен повеяло приятным теплом.

– Ну и ну... вот это технологии! Вот это уровень!

Переходя из комнаты в комнату, оба в изумлении глазели вокруг, рассматривали демоэкранный, затейливую кухню, обстановку в спальне – занавески, кресла, кровать...

– Однако где же терране? – в конце концов спросил Н-тгари-3.

– Очевидно, вот-вот вернуться.

Н-тгари-3 прошелся из угла в угол.

– Все это внушает странное ощущение... только вот сути его пока что не уловлю. Неуютно здесь как-то. Не по себе, – задумчиво качнув антенной, сказал он. – Понимаешь, сдастся мне... сдастся мне, они могут и не вернуться.

– Отчего это? – удивился Люци-н-6, щелкая клавишами демоэкрана. – Нет, это вряд ли. Вернутся, как же им не вернуться. Подождем еще.

Н-тгари-3 с тревогой взглянул в окно.

– Я их не вижу, однако они наверняка где-то рядом. Не могли ведь они уйти навсегда, бросив все это великолепие! Куда им уходить, а главное, чего ради?

– Значит, вернуться.

С этими словами Люци-н-6 щелкнул очередной клавишей, и на экране замелькали помехи.

– Не слишком-то впечатляюще, – заметил он.

– По-моему, терране все-таки не вернуться.

– Если они действительно не вернуться назад, – задумчиво проговорил Люци-н-6, продолжая наобум щелкать клавишами демоэкрана, – это станет одной из величайших загадок в истории археологии.

– Я подожду еще. Понаблюдаю, – бесстрастно откликнулся Н-тгари-3.

Марсиане, целыми тучами

В дом Тед Барнс вошел донельзя мрачным, неудержимо дрожа.

– Опять они, – буркнул он, швырнув на кресло пальто и газету. – Целая туча! Одного прямо на крышу к Джонсонам занесло. Его оттуда при мне шестом длиннющим отковыривали.

Лена, подойдя к креслу, забрала его пальто и повесила в шкаф.

– Хорошо, что ты поспешил прямо домой.

Плюхнувшись на диван, Тед полез в карман за сигаретами.

– Меня колотить начинает всякий раз, как увижу хоть одного. И меня это, признаюсь, как перед Господом, раздражает – словами не описать.

Закурив, он глубоко затянулся, пустил к потолку серую струйку дыма. Постепенно нервная дрожь унялась, и Тед, утерев пот с верхней губы, ослабил галстук.

– Что сегодня на ужин?

– Ветчина, – ответила Лена, склонившись к мужу и поцеловав его.

– Откуда бы? Неужели везение?

– Нет, – ответила она, вновь направляясь к кухонной двери. – Это та самая голландская консервированная ветчина – помнишь, твоя мать подарила? Думаю, самое время ее открыть.

С этим Лена и скрылась в кухне. Проводив ее взглядом – такую стройную, такую привлекательную в цветастом переднике, Тед вздохнул, обмяк, откинулся на спинку дивана. Тишина и покой в гостиной, жена на кухне, в углу телевизор бормочет... от всего этого на сердце сделалось легче.

Развязав шнурки, Тед стряхнул с ног ботинки. Неприятный инцидент продолжался не больше пары минут, но ему эти минуты показались вечностью. Целую вечность стоял он столбом посреди тротуара, глядя на крышу дома Джонсонов. Толпа перекрикивающихся людей, длинный шест и...

...и эта тварь – бесформенная, будто серая тряпка, перекинута через конек крыши, ерзающая из стороны в сторону, уворачиваясь от шеста, ползущая то вправо, то влево, чтоб ее не подцепили, не сбросили вниз.

При виде этого Теда и затрясло. Хорошо еще, желудок наизнанку не вывернуло. Однако он, словно примерзший к асфальту, стоял и глядел вверх, не в силах оторвать взгляда от крыши. В конце концов какой-то малый, промчавшийся мимо, отдал ему ногу, и наваждение сняло как рукой. Всклипнув от облегчения, весь дрожа, Тед со всех ног поспешил прочь, домой. Господи боже!..

Задняя дверь отворилась, с грохотом захлопнулась, и в гостиную, руки в брюки, проследовал Джимми.

– Привет, пап!

У двери в ванную сын остановился, пригляделся к отцу.

– Что с тобой? Вид у тебя странный какой-то.

Тед погасил сигарету.

– Джимми, поди сюда. Разговор к тебе есть.

– Мне умыться перед ужином надо.

– Иди сюда. Сядь. Ужин от нас не убежит.

Джимми, подойдя к отцу, присел рядом.

– Что стряслось, пап? Что за разговор?

Тед пристально оглядел сына. Круглое личико, растрепанные волосы лезут в глаза, щека в земле... Джимми одиннадцать. Подходящее ли время для таких разговоров? Поразмыслив, Тед мрачно, решительно стиснул зубы. Ничего, время как время, не хуже любого другого – тем более переживания в памяти еще свежи.

– Джимми, сегодня к Джонсонам на крышу марсианина занесло. Я сам его видел, когда шел домой от автобусной станции.

Глаза Джимми сделались круглыми, точно блюдца.

– Сам видел? Букана? Живого?

– Да. Его снимали с крыши шестом. Стало быть, где-то неподалеку их целая туча. Сам знаешь, они валят к нам тучами каждые два-три года.

Чувствуя, как задрожали пальцы, Тед закурил снова.

– Каждые два-три года. Реже прежнего, но... Летят к нам с Марса, многие сотни. Падают с неба по всему миру, по всему миру... будто сухие листья. Будто уйма засохших листьев, сорванных ветром с деревьев.

Тед представил себе эту картину, и его передернуло.

– Ух ты! – выдохнул Джимми, разом вскочив с дивана. – Он еще там?

– Нет. Думаю, его уже сняли. Слушай, – заговорил Тед, подавшись к мальчишке. – Слушай и запоминай. Я все это зачем говорю – чтоб ты держался от них подальше. Увидишь где, отвернись и беги со всех ног. Ясно? Ближе не подходи. Не вздумай... – Запнувшись, он приутих, собрался с мыслями. – Даже внимания на него не обращай. Отвернись и беги. Первому же встречному обо всем расскажи, а после – сразу домой. Понимаешь?

Джимми кивнул.

– Каковы они с виду, тебе известно. В школе вам должны были показывать фотоснимки, а стало быть...

Из кухни выглянула Лена.

– Ужин готов. Джимми, ты до сих пор не умыл?

– Это я его задержал, – объяснил Тед, поднимаясь с дивана. – Разговор у меня к нему был. Серьезный.

– Вот оно что. Тогда дело другое. А ты, Джимми, слушай отца, – строго сказала Лена. – Слушай и не забывай, что отец говорит об этих... буканах, не то он тебе такую порку задаст – света не взвидишь.

– Пойду умоюсь!

Джимми помчался к ванной и, громко хлопнув дверью, скрылся внутри.

Тед перевел взгляд на Лену.

– Надеюсь, с ними вскоре покончат, а то хоть из дому не выходи.

– Думаю, надолго не затянут. По телевизору говорили, сейчас с организацией стало гораздо лучше, – заверила его Лена и подняла глаза, будто считая в уме. – Это ведь уже пятый... да, пятый раз. Пятая туча. Похоже, нашествие идет на спад. Теперь уж их не так часто приносят. Первая туча – тысяча девятьсот пятьдесят восьмой, вторая – пятьдесят девятый... Интересно, когда ж они кончатся?

Из ванной выбежал Джимми.

– Давайте ужинать!

– О'кей, – согласился Тед. – Давайте ужинать.

* * *

День выдался ясным. Со всех ног промчавшись через залитый солнцем двор школы, Джимми Барнс миновал калитку и выбежал на тротуар. Сердце в предвкушении свободы стучало, точно вот-вот вырвется из груди. Не замедляя бега, он пересек Мапл-стрит, свернул на Сидер-стрит и побежал дальше.

На лужайке во дворе Джонсонов все еще ошивался народ – полисмен и несколько любопытствующих. Посреди лужайки зияла огромная прореха, черное пятно на месте выдранный сорняков, цветы вокруг дома вытоптали до единого, а от букана, ясное дело, не осталось

даже следа. Оглядывая двор Джонсонов, Джимми даже не заметил Майка Эдвардса, пока тот, подойдя вплотную, не ткнул его кулаком в плечо.

– Что новенького, Барнс?

– Привет. Ты его видел?

– Букана-то? Нет, не видел.

– А мой папка видел, когда с работы домой возвращался.

– Врешь!

– Нет, правда видел. Сказал, его с крыши шестом доставали.

Тут к ним подкатил на велосипеде Ральф Дрейк.

– Где он? Удрал?

– Нет, его давным-давно на клочки разорвали, – ответил Майк. – Барнс говорит, его старик вчера вечером, по дороге с работы, все видел.

– Да. Рассказывал, как его шестом поддевали, а тот за крышу цеплялся.

– Они с виду все сморщенные, засохшие, как тряпье в гараже, – объявил Майк.

– Тебе-то откуда знать? – усомнился Ральф.

– Видел как-то раз одного.

– Ага, «видел», ври больше!

Все трое двинулись дальше, вдоль улицы, во весь голос обсуждая вчерашнее происшествие. Ральф, так и не слезший с велосипеда, пару раз едва не рухнул на тротуар. Свернув на Вермонт-стрит, троица мальчишек вышла к просторному пустырю.

– По телику в новостях говорили, будто они почти все уже переловлены, – сказал Ральф. – Не так уж много их на этот раз.

Джимми поддал ногой камешек.

– Вот бы поглядеть хоть на одного, пока их всех не переловили!

– Поглядеть – это что! Вот самому бы хоть одного поймать!

Ральф усмехнулся.

– Да ты, если увидишь букана, удерешь со всех ног! До темноты остановиться не сможешь.

– Это я-то?!

– Ты-то, ты-то! Драпать будешь как ненормальный!

– Черта с два. Я этого букана камнем – раз!

– И что дальше? В консервной банке домой понесешь?

Бросившись к Ральфу, Майк следом за ним выбежал на улицу и гнал его до самого конца квартала. Под непрерывные споры мальчишки пересекли городок, перешли на ту сторону железнодорожных путей, миновали чернильную фабрику и погрузочные эстакады компании «Вестерн Ламбер». День постепенно сменялся вечером. Солнце склонилось к самому горизонту. Поднявшийся ветер дохнул в лицо холодом, всколыхнул ветви пальм на границе участка «Хартли Констракшн».

– Ладно, покедова!

Вскочив на велосипед, Ральф умчался домой. Майк с Джимми двинулись назад, к городку, вместе, однако на Сидер-стрит их пути разошлись.

– Увидишь букана, звони, зови! – сказал на прощание Майк.

– Заметано!

Сунув руки в карманы, Джимми двинулся вдоль Сидер-стрит, к дому. Солнце спряталось за горизонт. С наступлением темноты вокруг здорово похолодало.

Шел он медленно, не отрывая глаз от земли. На улицах зажглись фонари. Движение почти прекратилось. За занавешенными окнами теплых, уютных гостиных и кухонь вспыхнули яркие желтые лампы. Из сумерек донесся резкий, истошный рев включенного телевизора. Пройдя вдоль кирпичного забора усадьбы Помроев, Джимми свернул за угол. Здесь кирпичная стенка

сменилась решеткой железной ограды. Над оградой тянулись ввысь, в вечерний полумрак, темные, неподвижные, безмолвные громады кипарисов.

Остановившись на минутку, Джимми присел и принялся завязывать распутившийся шнурок. Порыв студеного ветра слегка качнул кипарисы. Издали, из темноты, донесся гулкий, зловеший гудок проходящего поезда. В голове замелькали мысли об ужине, о доме: отец, скинув ботинки, шуршит газетами, мать хлопочет на кухне, в углу теплой, ярко освещенной гостиной негромко бормочет телик...

Справившись со шнурком, Джимми выпрямился. Вдруг ветви кипариса прямо над его головой дрогнули, зашуршали. Разом оцепенев, Джимми поднял взгляд. Да, с темных ветвей свисало что-то наподобие тряпки, покачивающейся на ветру. Не в силах сдвинуться с места, мальчишка невольно разинул рот.

Букан! Ждет, следит за ним, притаившись на дереве!

Марсианин был стар – это Джимми каким-то образом понял вмиг. Казалось, от него так и веет сухью, пылью древних времен. Серая древняя тварь, безмолвная, неподвижная, обвивала ствол и ветви вечнозеленого дерева, свисала вниз космами спутанной, пропыленной насквозь паутины. При виде этого бесформенного, туманного существа волосы на затылке поднялись дыбом.

Серое существо едва заметно встрепенулось, с осторожностью, дюйм за дюймом, точно слепое, нащупывая путь, поползло вдоль ствола, свернулось в безликий, безглазый ком пыли и паутины.

Охваченный ужасом, Джимми попятился от ограды. На улицах совсем стемнело, небо сделалось черным, как тушь, – только несколько далеких звезд мерцали во тьме, равнодушно, будто тлеющие угольки. В дальнем конце улицы зарокотал двигателем свернувший за угол автобус.

Букан... висит на дереве, прямо над ним! Собравшись с силами, Джимми снова попятился прочь. Сердце в груди билось с болью, с натугой, так, точно вот-вот закупорит горло. Дышалось с трудом, перед глазами все помутилось, померкло до полной неразличимости – только букан, придвинувшийся ближе, маячил в какой-то паре ярдов над головой.

Помощь... на помощь звать надо! Людей... людей с шестью, чтоб подцепить и сбросить букана с дерева... да поскорее!

Зажмурившись, Джимми снова подался назад, но тут его будто бы подхватило, с головой захлестнуло громадной океанской волной, удерживающей на месте, сковавшей по рукам и ногам. Попался... Не вырваться... Напрягая все силы, он сделал шаг, другой, третий, и тут услышал...

Нет, не услышал – скорее почувствовал. То был не звук, а что-то вроде барабанной дробы или рокота морского прибоя прямо внутри головы. Волны накатывали одна за другой, нежно, негромко, и Джимми замер на месте. Мягкий, ритмичный рокот завораживал, не отпускал. Постепенно он сделался реже, начал обретать форму – и осязаемость: разбиваясь, волны становились вполне определенными ощущениями, картинками, образами.

Да, образами – образами другого мира. Мира марсиан. Букан разговаривал, рассказывал Джимми о собственном мире, в лихорадочной спешке сменяя одну картину другой.

– От... стань, – пробормотал мальчик заплетающимся языком.

Однако картины неотвязно, с упорством морского прибоя захлестывали сознание, заполняли голову целиком.

Равнины... пустыня без конца и без края. Темно-красная растрескавшаяся земля, избожденная шрамами ущелий. Вдали, на горизонте, – гряда припорошенных пылью, источенных ветром холмов. Справа уходит вниз громадная котловина, исполинская пустая сковорода, окаймленная коркой высохшей соли: там, где когда-то плескались морские волны, осталась лишь горькая, едкая пыль.

– От... стань! – снова пробормотал Джимми, отступая еще на шаг.

Не тут-то было: картины становились все крупнее, все ярче. Мертвое небо, песчинки, песчинки, песчинки, без остановки летящие по ветру, бичами хлещущие все вокруг. Песчаные бури, громадные тучи песка пополам с пылью, навеки окутавшие растрескавшуюся поверхность красной планеты. Несколько чахлах кустиков у подножия камней, а дальше, в тени горных склонов, – запыленная паутина столетней давности, иссохшие трупы огромных пауков, застрявшие в скальных трещинах...

Картина раздалась в стороны, стала крупнее. Впереди показалось что-то вроде трубы явно искусственного происхождения, торчащей из красной спекшейся почвы. Отдушина... подземные жилища...

Кадр сменился, точно в кино. Теперь Джимми видел все, что скрыто в недрах планеты, сквозь множество слоев смятого, словно изжеванного, камня, до самого ее ядра. Увядающая, сморщившаяся планета без единого огонька, без следов жизни, без капельки хоть какой-нибудь влаги... кожа растрескалась, высохший сок пылью клубится по ветру, но далеко внизу, в центре ядра, виднеется сооружение вроде огромной цистерны, полости в самом сердце планеты.

Еще миг, и Джимми перенесся туда. Повсюду вокруг, будто гусеницы, ползали буканы. Машины, всевозможные конструкции, здания, ряды растений, генераторы, домики, битком набитые каким-то затейливым оборудованием...

Однако кое-какие отделения полости оказались закрыты – и не просто закрыты, задраены наглухо. Заржавленные металлические двери... механизмы, рассыпавшиеся в прах... перекрытые вентили, разъеденные коррозией трубы... разбитые циферблаты, погнутые стрелки. Конвейерные линии глохнут, замирают одна за другой... у шестеренок крошатся зубья... отсеки закрываются один за другим, а буканов все меньше, и меньше, и меньше...

На этом картина снова сменилась другой. Земля... Земля, только видимая откуда-то издалека... зеленый, неспешно вращающийся шар, затянутый пеленой облаков. Просторные синие океаны глубиной не в одну милю, влажная атмосфера... сколько воды! И тучи буканов, мучительно медленно, долгие годы плывущих туда, к Земле, сквозь бескрайнюю космическую пустоту. Когда же настанет конец этому полету во тьме?

Но вот Земля увеличилась в размерах, приняла почти привычный, знакомый вид. Поверхность океана, многие мили пенящихся волн, чайки над головой, линия берега вдаль, на горизонте... Да, океан. Земной океан. В небе неторопливо плывут облака... а по волнам дрейфуют громадные металлические диски вроде округлых рукотворных плотов не менее шести сотен футов в поперечнике. На каждом из дисков безмолвно, неподвижно лежат буканы. Здесь, в океане, есть все, что им необходимо: обилие минералов, а главное – вода.

Выходит, букан пытается рассказать что-то... что-то о самом себе. Диски на волнах... буканам нужна вода, хотелось бы жить на воде, на поверхности океана. Огромные плавучие диски, покрытые буканами сплошь... к ним-то марсианин и вел, эти-то диски, плавающие по волнам, и хотел показать ему, Джимми!

Буканы хотят поселиться на воде, не на суше. Только на воде... и им требуется его разрешение. Им нужен простор океана – вот что этот букан старается объяснить. Буканы хотели бы заселить поверхность воды, разделяющей континенты, и сейчас букан отчаянно просит, умоляет ответить. Хочет, чтоб Джимми сказал свое слово, дал разрешение... ждет, надеется, молит...

Картины в голове померкли и угасли. Шарахнувшись прочь от ограды, Джимми споткнулся о поребрик, упал, но тут же вскочил на ноги и отряхнул с ладоней травинки. По счастью, упал он в кювет. Букан, угнездившийся в ветвях кипариса, замер без движения так, что его едва удалось разглядеть.

Рокот прибоя в голове стих, затем умолк вовсе. Букан отвязался, оставил его в покое.

Развернувшись, Джимми пустился бежать. Пересек улицу, домчался до самого ее конца и, жадно хватая ртом воздух, свернул за угол, на Дуглас-стрит. Здесь, у автобусной остановки, стоял грузный человек с обеденными судками под мышкой.

Джимми подбежал к нему.

– Букан... там, на дереве, – задыхаясь от быстрого бега, выпалил он. – На большом дереве...

– Беги своей дорогой, малец, – буркнул толстяк с судками.

– Так ведь букан!.. – отчаянно, в страхе сорвавшись на визг, завопил Джимми. – Букан там, на дереве!

Из мрака к остановке вышли еще двое прохожих.

– Что? Букан, говоришь?

– Где?

Привлеченные шумом, к ним подошли еще несколько человек.

– Где он?

Джимми взмахом руки указал за спину.

– Усадьба Помроев... На дереве... у самой ограды, – еле переводя дух, пояснил он.

К собравшимся подошел коп.

– Что происходит?

– Парнишка букана нашел. Тащите шест кто-нибудь!

– Показывай, где, – велел коп, крепко ухватив Джимми за руку. – Идем.

Джимми отвел всех вдоль улицы, назад, к началу кирпичной ограды. Сам он вперед не полез, остановился от решетки поодаль.

– Вон там, наверху.

– Которое дерево?

– Кажется, это.

По ветвям кипарисов заскользил луч включенного кем-то фонаря. В особняке Помроев зажегся свет, парадная дверь распахнулась.

– Что там творится? – раздраженно, во весь голос прорычал мистер Помрой.

– Букана нашли. Близко не суйтесь!

Мистер Помрой поспешно захлопнул дверь.

– Вон он! – воскликнул Джимми, с замершим сердцем указывая вверх. – Вон, на том дереве! Там, там!

– Где?

– Ага, вижу!

Отодвинувшись от ограды, коп вынул из кобуры пистолет.

– Стрелять по ним без толку. Их пули насквозь прошивают, а им хоть бы что.

Кто-то принес шест.

– Высоко. Шестом не дотянешься.

– Несите факел!

Двое из собравшихся умчались в темноту. На улице начали скапливаться машины. У ограды, взвизгнув протекторами, затормозил, выключил сирену полицейский автомобиль. Хлопнули дверцы, к толпе подбежали еще несколько человек. Луч прожектора, ослепив всех вокруг, метнулся из стороны в сторону, нащупал букана и замер.

Букан висел на ветке кипариса как ни в чем не бывало. В слепящем свете прожектора он казался коконом громадного насекомого, в любую минуту готовым упасть под собственной тяжестью. Но вот букан, заподозрив неладное, шевельнулся, пополз вокруг ствола, неуверенно нащупывая жгутиками опору.

– Факел, черт вас дери! Факел тащите!

К ограде подбежал человек с пылающей планкой, оторванной от забора, в руках. Еще несколько человек обложили ствол кипариса кольцом из смятых газет и плеснули на них бензином. Нижние ветви дерева занялись огнем – поначалу неярко, будто бы нехотя, но вскоре разгорелись вовсю.

– Еще бензина!

Человек в белом форменном комбинезоне подтащил к кипарису канистру и щедро окатил бензином ствол. Пламя взметнулось вверх, ветви вмиг почернели, затрещали, запылали с удвоенной яростью.

Букан высоко наверху встrepенулся и, неловко подтянувшись, поднялся веткой выше. Языки пламени потянулись за ним. Букан зашевелился проворнее, раскачался, как маятник, взобрался на следующую ветку, и еще на одну, и еще.

– Глянь-ка, что делает, а?

– Ничего, не уйдет. Вон, вершина уже недалеко.

Кто-то принес вторую канистру с бензином. Пламя прыгнуло вверх. Толпа двинулась ближе к ограде, но полицейские оттеснили зевак назад.

– Смотрите, смотрите!

Луч прожектора качнулся вверх, следуя за буканом.

– Все. Дальше карабкаться некуда.

У вершины дерева букан остановился, повис на ветке, покачиваясь из стороны в сторону. Пламя, перепрыгивая с сука на сук, приближалось к нему, настигало. Букан слепо, неуверенно зашевелил жгутиками в попытках нащупать опору, и тут язык пламени, взвившийся выше других, дотянулся до него.

Букан затрещал, задымился.

– Горит, горит! – возбужденно зароптали в толпе. – Конец ему, гаду!

Охваченный пламенем, букан неловко отпрянул прочь... и упал, свалившись на ветку ярусом ниже. Еще секунду-другую он, дымясь, брызжа искрами, покачивался на ней, а после ветка, не выдержав, с протяжным треском переломилась надвое.

Букан звучно шлепнулся наземь, в ворох облитых бензином газет.

Толпа взревела, взбурлила, волной хлынула к дереву.

– Топчи его!

– Держи!

– Топчи гада!

Тяжелые башмаки заработали, точно поршни, втапывая букана в землю. Один из охотников споткнулся, упал и, позабыв о повисших на одном ухе очках, поспешил отползти в сторону, а к дереву, отталкивая друг друга, рвались оставшиеся позади. Но вот с дерева рухнула вниз горящая ветка, и часть толпы отхлынула прочь.

– Есть! Сдох, зараза!

– Берегись!

К подножию дерева с треском рухнуло еще несколько веток. Толпа раздалась в стороны, собравшиеся, хохоча, толкая друг дружку, устремились назад.

В плечо Джимми вновь глубоко впились толстые пальцы копа.

– Все, парень. Конец делу.

– Они с ним расправились?

– Будь уверен. Тебя как звать? Фамилия, имя?

– Фамилия?

Но не успел Джимми назваться, как двое из толпы затеяли потасовку, и коп бросился разнимать драчунов.

Он еще немного постоял рядом, глаза вокруг. Ночь выдалась холодной, студеной ветер пронизывал одежду насквозь. Холод заставил снова вспомнить об ужине, об отце, читающем

газету, разлегшись на диване, о матери, хлопчущей на кухне, о теплом, уютном доме, освещенном желтыми лампами.

Протиснувшись сквозь толпу, он выбрался на тротуар. За спиной обгорелой занозой вонзался в ночную тьму почерневший, дымящийся ствол кипариса. Несколько человек затапывали последние язычки пламени на земле. От букана не осталось даже следа. С марсианином покончили, и глядеть тут больше было не на что.

Однако домой Джимми мчался так, точно букан гонится за ним по пятам.

* * *

– Ну? Что вы на это скажете?

Задрав нос, Тед Барнс отодвинул кресло от столика и закинул ногу на ногу. В кафетерии было шумно, с кухни сногшибательно пахло готовящейся едой, посетители сплошной чередой двигались вдоль прилавка, толкая перед собою подносы и наполняя их снятыми с полок блюдами.

– Так это вправду был твой малец? – не скрывая любопытства, спросил Боб Уолтерс, сидевший напротив.

– Ты точно нам головы не морочишь? – усомнился Фрэнк Хендрикс, на секунду опустив газету.

– Нет. Все это чистая правда. Речь о букане, которого изловили вчера, в усадьбе Помроев. На дереве прятался, паразит.

– Да, было такое, – поддержал Теда Джек Грин. – В газетах пишут, какой-то парнишка засек его первым и привел полицейских.

– Вот это мой парень и был, – пояснил Тед, гордо выпятив грудь. – Что вы, ребята, об этом думаете?

– Перепугался небось парнишка? – поинтересовался Боб Уолтерс.

– Черта с два! – отрезал Тед.

– Пари держу, перепугался, – возразил Фрэнк Хендрикс, тот еще Фома Неверующий.

– Вот уж дудки. Побежал, отыскал копов и привел их на место. А мы-то сидим за столом, накрытым к ужину, и все гадаем: где его черти носят? Я уж забеспокоился малость, – упиваясь родительской гордостью, признался Тед Барнс.

Джек Грин, взглянув на часы, поднялся с кресла.

– Пора, однако, на службу.

Фрэнк с Бобом тоже поднялись на ноги.

– До скорого, Барнс, – сказал Грин, от души хлопнув Теда по спине. – Ну и малец у тебя – весь в папашу. Яблочко, как говорится, от яблони!

– Главное, не испугался ничуть!

Улыбаясь от уха до уха, Тед проводил взглядом приятелей, выходящих из кафетерия на оживленную полуденную улицу, не торопясь допил кофе, утер подбородок и с достоинством поднялся.

– Ни капельки не испугался... ни капельки, черт побери.

Расплатившись за ленч, он протолкался на улицу и, до сих пор переполняемый гордостью, улыбаясь всем встречным, нежась в лучах славы сына, направился обратно в контору.

– Ни капельки, – согреваемый изнутри жаром гордости, бормотал Тед. – Ни капельки, черт побери!

Проездной

Похоже, за день этот малый невысокого роста жутко устал. С трудом протолкнувшись сквозь толпу пассажиров, он пересек зал ожидания и подошел к окошку билетной кассы. Своей очереди коротышка ждал с нетерпением. Казалось, усталостью веет не только от его поникших плеч, но и от складок длинного, мешковатого коричневого пальто.

– Следующий, – проскрежетал Эд Джекобсон, дежурный кассир.

Коротышка выложил на прилавок пятидолларовую банкноту.

– Дайте мне новый проездной. У старого срок вышел, – попросил он, взглянув на стенные часы за спиной Эда. – Господи, времени-то уже...

Джекобсон принял пятерку.

– О'кей, мистер. Проездной на одну персону... куда?

– До Мэкон-Хайтс, – отвечал коротышка.

– Мэкон-Хайтс...

Джекобсон сверился с картой железнодорожных линий.

– Мэкон-Хайтс? Нет такой станции на маршруте.

Коротышка недоверчиво, раздраженно сощурился.

– Вам что ж, пошутить вздумалось?

– Мистер, станции под названием Мэкон-Хайтс не существует. Как я продам вам билет до станции, которой на свете нет?

– Что значит «не существует»? Я там живу!

– А мне-то что? Я седьмой год здесь в кассирах и точно вам говорю: нет такой станции.

Нет!

Коротышка в изумлении вытаращил глаза.

– Но у меня там дом. Я каждый вечер возвращаюсь туда поездом, и...

– Вот, – оборвал его Джекобсон, подтолкнув к нему планшет с картой. – Ищите сами.

Коротышка схватил планшет и принялся лихорадочно вглядываться в карту, ведя заметно дрожащим пальцем вдоль перечня городков.

– Ну как, нашли? – поторопил его Джексон, облокотившись о прилавок. – Сами видите: такой станции нет.

Коротышка ошеломленно покачал головой:

– Ничего не пойму! Чушь какая-то... путаница! Уверен, здесь что-то...

И тут он исчез. Планшет со стуком упал на бетонный пол, а коротышки попросту не стало – испарился, пропал без следа.

– Дух великого Цезаря! – разинув рот, ахнул Джекобсон и выглянул из окошка.

Да, на бетонном полу у кассы остался только планшет. Коротышка исчез бесследно, будто никогда и не существовал.

* * *

– А дальше что? – спросил Боб Пейн.

– Дальше я в зал вышел, планшет подобрать.

– И он вправду исчез?

– Еще как исчез, – подтвердил Джекобсон, утирая покрытый испариной лоб. – Жаль, вас не было рядом. Как будто свет погасили: раз – и нет его. Ни звука тебе, ни движения...

Пейн, закурив, откинулся на спинку кресла.

– А прежде вы его хоть раз видели?

– Нет.

– В котором часу дело было?

– Да вот, примерно в этом же. К пяти время шло, – ответил Джекобсон и повернулся к окошку кассы. – Так, пассажиры идут.

– Мэкон-Хайтс, Мэкон-Хайтс...

Пейн зашуршал страницами путеводителя по штату.

– Такого нигде не значится, – сказал он. – Если этот пассажир объявится снова, пригласите его к нам, в кабинет. Я бы хотел с ним сам побеседовать.

– С удовольствием. Лично я с ним больше дела иметь не хочу. Чертовщина какая-то, – проворчал Джекобсон и повернулся к окошку. – Слушаю вас, леди.

– Два билета до Льюисберга и обратно.

Пейн, раздавив в пепельнице окурочек, закурил еще сигарету.

– Такое чувство, будто это название я уже слышал, – проговорил он, поднявшись и подойдя к карте на стене. – Однако оно нигде не значится.

– Не значится, потому что нет такой станции, нет! Думаете, я, целыми днями продавая здесь билет за билетом, мог бы не знать? – буркнул Джекобсон и вновь повернулся к окошку. – Да, сэр?

– Будьте добры, проездной до Мэкон-Хайтс, – сказал вчерашний коротышка, нервно поглядывая в сторону настенных часов. – Только скорее, не мешкайте.

Джекобсон прикрыл глаза, крепко-крепко зажмурился, но, подняв веки, обнаружил, что коротышка стоит перед ним как ни в чем не бывало. Узкое, сплошь в морщинах лицо... поредевшие волосы... очки, мешковатое пальто... усталость во взгляде...

Бледный как полотно, Джекобсон пересек кабинет, подошел к Пейну, сглотнул.

– Опять он здесь. Опять он, тот самый.

В глазах Пейна сверкнули искорки охотничьего азарта.

– Тащите его сюда.

Джекобсон, кивнув, вернулся к окошку.

– Мистер, будьте любезны, пройдите к нам, – сказал он, кивнув в сторону двери. – Господин вице-президент просит вас уделить ему минутку-другую.

Коротышка сделался мрачнее тучи.

– Что стряслось? Мой поезд вот-вот уйдет.

Ворча что-то себе под нос, он толкнул дверь и вошел в кабинет.

– В жизни еще подобного не видал! Столько хлопот, и из-за чего? Из-за покупки месячного проездного! Упущу поезд – я на вашу компанию...

– Присядьте, – мягко перебил его Пейн, указав на кресло возле стола. – Значит, вы – тот самый джентльмен, которому нужен проездной билет до Мэкон-Хайтс?

– Да, и что в этом особенного? Что с вами со всеми такое? Что вам мешает попросту, без затей, продать мне месячный проездной, как всегда?

– Как... как всегда?

Коротышка явно сдерживался из последних сил.

– В декабре прошлого года мы с женой перебрались в Мэкон-Хайтс. И я вот уже шесть месяцев езжу по вашей линии десять раз в неделю, дважды в день. И проездной покупаю в начале каждого месяца.

Пейн подался к нему.

– Каким именно поездом вы пользуетесь, мистер?..

– Критчет. Эрнст Критчет, а езжу поездом Б. Вы что, собственного расписания не знаете?

– Поездом Б?

Придвинув к себе схему линии Б, Пейн провел вдоль нее кончиком карандаша. Станции Мэкон-Хайтс на линии не значилось.

– Сколько времени занимает поездка? Сколько поезд идет туда?

– Ровно сорок девять минут, – буркнул Критчет, покосившись на стену с часами. – Если, конечно, его непустишь.

«Сорок девять минут. То есть от города – миль около тридцати», – мысленно подсчитал Пейн.

Поднявшись, он подошел к большой карте на стене.

– Да в чем дело-то? – с нескрываемым подозрением спросил Критчет.

Пейн начертил на карте круг радиусом в тридцать миль. Окружность пересекла несколько городков, но никакого Мэкон-Хайтс среди них не оказалось, а в точке пересечения с линией Б не оказалось вообще ничего.

– Скажите, что представляет собой Мэкон-Хайтс? – спросил Пейн. – К примеру, сколько там жителей?

– Не знаю. Тысяч, может быть, пять. Я бо2льшую часть жизни провожу здесь, в городе. Работаю счетоводом в «Брэдшоу Иншуренс».

– Возможно, Мэкон-Хайтс – пригород совсем новый?

– Довольно современный, да. У нас дом небольшой, на две спальни, и ему всего пара лет, – ответил Критчет, беспокойно заерзав в кресле. – Так что там с моим проездным?

– Боюсь, – неторопливо проговорил Пейн, – проездной мы вам продать не сможем.

– Что? Это почему же?

– Потому что от нас поезда в Мэкон-Хайтс не ходят.

Критчет одним прыжком вскочил на ноги.

– Как это «не ходят»?!

– На линии нет такой станции. Вот карта, взгляните сами.

Критчет невольно разинул рот, скривился от возмущения, порывисто шагнул к стене с картой и, хмуря брови, окинул ее пристальным взглядом.

– Курьезное складывается положение, мистер Критчет, – пробормотал Пейн. – На карте такой станции нет, в путеводителе по штату она не значится, в наших расписаниях – тоже, и проездных билетов до нее не предусмотрено. Мы просто не...

И тут он осекся на полуслове: Критчет исчез. Только что стоял у стены, разглядывал карту – и вот его нет. Пропал. Исчез, как не бывало.

– Джекобсон! – рявкнул Пейн. – Он пропал!

Джекобсон, обернувшись, вытаращил глаза, на лбу его заблестели капельки пота.

– Как есть пропал, – пробормотал он.

Пейн, не сводя глаз с того места, где меньше минуты назад стоял Эрнст Критчет, крепко задумался.

– Чертовщина какая-то. Что бы все это значило?

Сорвав с вешалки пальто, он твердым шагом двинулся к выходу.

– Не оставляйте меня тут одного! – взмолился Джекобсон.

– Если понадобится, я у Лоры. Ее номер где-то там, в моем рабочем столе.

– Не время сейчас для игр с девицами!

Пейн распахнул дверь в зал ожидания.

– Сомневаюсь я, что это игра, – мрачно ответил он.

* * *

По лестнице, ведущей к квартире Лоры Николс, Пейн взлетел, прыгая через ступеньку, и не отпуская кнопку звонка, пока дверь не отворилась.

– Боб? – Лора моргнула от удивления. – Чем обязана такому...

Пейн, отодвинув ее с дороги, вошел в квартиру.

- Надеюсь, я ничему не помешал?
- Не помешал, но...
- Вот и чудесно. Похоже, мне нужна помощь. На тебя рассчитывать можно?
- На меня?

Лора затворила за ним дверь. В симпатично обставленной квартирке царил полумрак. На столике у дальнего подлокотника широкого, спокойного зеленого дивана горела одинокая лампа, плотные занавески были задернуты, в углу негромко играл электрофон.

– Возможно, я схожу с ума, – начал Пейн, плюхнувшись на роскошный зеленый диван. – С этим мне и нужно разобраться.

Лора с сигаретой в уголке рта, скрестив на груди руки, томно подошла ближе, откинула со лба прядь длинных волос.

- И чем же я тут могу помочь? Что именно ты задумал?

Пейн с благодарностью улыбнулся ей.

- Ты не согласишься. Завтра же, с утра пораньше, поезжай в центр города...

– Завтра с утра? Вообще-то мне завтра с утра на работу. И как раз на этой неделе нам предстоит составлять целую кучу новых отчетов.

– К дьяволу все это. Возьми полдня за свой счет. Езжай в центр, в фундаментальную библиотеку. Не найдешь информации там, отправляйся в окружной суд, подними налоговую документацию за прошлые годы – ищи, пока не отыщешь что требуется.

- А что искать-то?

Пейн, закурив, задумчиво пустил к потолку струю дыма.

– Упоминания о городке, о населенном пункте под названием Мэкон-Хайтс. Уверен, это название я уже слышал, причем не один и не два года назад. Улавливаешь? Прошерсти старые атласы. Старые газеты в читальном зале. Старые журналы. Сборники судебных решений. Муниципальных проектов. Обращений в законодательное собрание штата.

Лора неторопливо присела на подлокотник дивана.

- Ты серьезно?
- Разумеется.
- И за сколько же лет?
- Может, и за десяток, если потребуется.
- Бог ты мой! Да тут же возни...

– Ищи, пока не найдешь, – оборвал ее Пейн и вскочил на ноги. – Все, мне пора. До встречи.

- Уходишь? И даже поужинать меня не пригласишь?

– Прости, – отвечал Пейн, направляясь к двери, – в ближайшее время я буду занят. Здорово занят.

- Вот как? И чем же?
- Поеду навестить Мэкон-Хайтс.

* * *

За окном поезда мелькали бескрайние поля, изредка перемежавшиеся одинокими домиками фермеров, к темнеющему небу сурово, мрачно тянулись столбы телефонных линий.

Пейн взглянул на часы. Ехать оставалось всего ничего. Поезд катил через небольшой городок. Пара бензоколонок, прилавки придорожного рынка, телевизионный магазин... Состав, заскрипев тормозами, остановился у платформы. Льюисберг. Несколько постоянных пассажиров – мужчин в длинных пальто, с вечерними газетами в руках, возвращающихся с работы, – поднялись с мест, вышли, двери с лязгом захлопнулись, и поезд тронулся с места, вновь набирая ход.

Вздыхнув, Пейн откинулся на спинку сиденья и призадумался. Критчет исчез, разглядывая карту на стене. А в первый раз, накануне, исчез после того, как Джекобсон показал ему планшетку с настольной картой... и оба раза Мэкон-Хайтс на карте не нашлось. Может, тут и кроется какой-то намек? Или все это попросту сон?

Пейн взглянул за окно. Ну, вот он почти и на месте... только где же оно, это самое место? За окнами поезда тянулись в стороны бескрайние бурые поля. Холмы, равнины... телефонные столбы. Вдоль внутриштатного шоссе крохотными черными пятнышками мчатся, спешат сквозь сумрак машины...

И все. И никаких Мэкон-Хайтс.

Поезд, стуча колесами, несся вперед. Пейн сверился с часами. Пятьдесят одна минута в пути, а вокруг ничего. Ничего, кроме голых полей.

Пройдя вдоль вагона, он подсел к кондуктору, седовласому пожилому джентльмену, и спросил:

– Слышали ли вы когда-нибудь о населенном пункте под названием Мэкон-Хайтс?

– Нет, сэр.

Пейн предъявил кондуктору служебное удостоверение.

– Вы уверены, что никогда не слышали такого названия?

– Абсолютно, мистер Пейн.

– А давно ли на этой линии служите?

– Двенадцатый год, мистер Пейн.

Доехав до ближайшей станции, до Джексонвилла, Пейн сошел с поезда Б и пересел на встречный, идущий в город. Небо совсем почернело, пейзажи за окнами почти не были видны.

Пейн, подбравшись, как перед прыжком, затаил дух. Минута... сорок секунд... Покажется ли рядом с рельсами хоть что-нибудь? Ровные поля. Угрюмые телефонные столбы. Голая бросовая земля между крохотными городками...

Между? Поезд мчался вперед, с грохотом рассекая мрак. Пейн, не мигая, смотрел в окно. Отыщется ли что-нибудь там, в темноте? Хоть что-нибудь, кроме бесконечных полей?

Поля укрыла обширная пелена полупрозрачного дыма. Однородная матовая завеса тянулась вдоль железнодорожного полотна минимум на милю. Что это? Дым паровоза? Но паровые котлы давным-давно заменены дизелями... Может, это дымят грузовики на шоссе или горящие кусты? Нет, огня в полях не видать...

Внезапно поезд начал сбавлять ход. Пейн тут же насторожился. Да, состав притормаживал, словно подъезжая к платформе. Скрип тормозных колодок... вагоны качнулись из стороны в сторону, и стук колес стих.

Рослый пассажир в светлом пальто, сидевший по ту сторону прохода, поднялся, надел шляпу, быстрым шагом подошел к открывшейся двери и прыгнул с подножки на насыпь. Пейн замер, точно замороженный, не сводя с него глаз. Вышедший из вагона быстро, уверенно шагнул прочь от поезда через темное поле, напрямиком к серой дымной пелене.

Еще шаг – и пассажир в светлом пальто поднялся в воздух, оторвался от земли примерно на фут, свернул вправо. Поднявшись кверху еще фута на два, он некоторое время шагнул над землей как ни в чем не бывало, по-прежнему удаляясь от поезда, и вскоре исчез, скрылся из виду в сером дыму.

Пейн бросился к двери, но поезд уже тронулся с места и набирал ход. Укрытые дымом поля за окном поплыли назад. Тогда Пейн, оглядевшись, отыскал взглядом кондуктора, молодого человека с невыразительным, рыхлым лицом, стоявшего поодаль, подпирая плечом стенку вагона.

– Послушайте, – проскрежетал Пейн, – что это за станция?

– Прошу прощения, сэр?

– Что это за станция? Где мы, черт побери, сейчас останавливались?

– Мы всякий раз здесь останавливаемся.

Неторопливо достав из кармана шинели стопку брошюрок с расписаниями движения поездов, кондуктор отыскал среди них нужное и вручил Пейну.

– Пожалуйста. Поезд Б, станция Мэкон-Хайтс. Б здесь всегда делает остановку, вы разве не знали?

– Нет!

– Но вот же оно, расписание, – буркнул юнец, снова уткнувшись носом в кричаще-яркий журнальчик с устрашающего вида инопланетянином на обложке. – И мы всегда здесь останавливаемся. И всегда останавливались... и дальше, надо полагать, останавливаться будем.

Пейн лихорадочно зашуршал страницами расписания. Действительно, между Джексонвиллом и Льюисбергом, ровно в тридцати милях от города, значилась еще станция, Мэкон-Хайтс.

Пелена серого дыма... громадная туча, с невероятной быстротой обретающая форму. Как будто среди полей появляется – а вернее сказать, уже появилось на свет – что-то новое.

Что-то новое.

Мэкон-Хайтс!

* * *

На следующее утро Пейн поспешил к Лоре и успел застать ее дома. Одетая в светло-розовый свитер и темные свободные штаны, Лора сидела за кофейным столиком. Перед ней лежала солидная стопка заметок и карандаш с ластиком, а рядом стоял стакан солодового молока.

– Ну? Как справилась? – с порога выпалил Пейн.

– Прекрасно. Информацию тебе отыскала.

– И что там?

– Материала целая куча, – похвастала Лора, хлопнув ладонью по стопке бумаг. – Главное я обобщила.

– Давай, излагай обобщенно.

– В августе этого года исполнится семь лет с тех пор, как окружной совет разбирал вопрос о создании трех новых пригородов, жилых массивов за пределами города. Одним из них и был Мэкон-Хайтс. Дебаты разгорелись нешуточные. Большинство городских коммерсантов эти новые жилые массивы пришли не по нраву: слишком, мол, много розничной торговли из города к себе перетянут.

– И что в итоге?

– Драка затянулась надолго. В конце концов согласились на двух жилых массивах из трех. На Уотервилле и Сидер-Гровс. А Мэкон-Хайтс забаллотировали.

– Вот оно как, – пробормотал Пейн.

– Да. Мэкон-Хайтс проиграл. Такой вот компромисс: два пригорода вместо трех. Уотервилл с Сидер-Гровс, сам знаешь, выстроили вмиг: через Уотервилл мы с тобой даже проезжали как-то под вечер. Уютный маленький городок.

– А Мэкон-Хайтс так и не построили.

– Нет, не построили. На него махнули рукой.

Пейн почесал подбородок.

– Такая вот, значит, история...

– Именно. Вот такая история. К твоему сведению, стоившая мне заработка за полдня. И сегодня вечером ты просто обязан сводить меня поужинать. Или, может, мне вовсе другого кого подыскать? Я уже начинаю подумывать, не ошиблась ли с выбором.

Пейн с рассеянным видом кивнул.

– Семь лет назад...

И тут ему в голову пришла новая мысль.

– Голосование! Как проголосовали по вопросу о Мэкон-Хайтс?

Лора сверилась с записями.

– Проект отвергнут с перевесом в один голос.

– Единственный голос... семь лет назад... – Пейн устремился в прихожую. – Спасибо, милая! Теперь многое, чертовски многое становится ясно!

У подъезда ему удачно подвернулось такси. Кеб помчал Пейна через город, к вокзалу. Улицы, вывески, магазины, пешеходы, машины так и мелькали за окном.

Значит, чутье Пейна не подвело. Это название он действительно слышал около семи лет назад. Жаркие дебаты в окружном совете насчет новых пригородных жилых массивов. Два пригорода одобрили, а третий забаллотировали и забыли.

Однако теперь, без малого семь лет спустя, забытый городок появляется на свет сам собой, а вместе с ним возникает и новый, нестабильный срез реальности. Почему? Не из-за изменений ли в прошлом? Не потому ли, что там, в каком-то минувшем временном континуме, что-то пошло иначе?

Ну да, вполне похоже на правду. Голосование едва не завершилось успехом. Строительство Мэкон-Хайтс почти одобрили. А что, если определенные участки прошлого нестабильны? Что, если именно этот период семилетней давности оказался одним из таких и не сгустился, не выкристаллизовался окончательно и бесповоротно? Хотя странно это, конечно: прошлое, изменившееся задним числом, уже после того, как все произошло...

Внезапно Пейн вскинулся, сощурился, приник к окну. Внимание его привлекла вывеска по ту сторону улицы, в половине квартала впереди, над входом в небольшое, неприметное здание. Как только кеб подъехал поближе, Пейн смог прочесть ее целиком:

«БРЭДШОУ ИНШУРЕНС, СТРАХОВАНИЕ И НОТАРИАТ»

Пейн призадумался. Это же та страховая контора, где работает Кригчет! Может, она тоже то появляется, то исчезает? А может быть, существует давным-давно? Все это почему – то внушало тревогу.

– Поскорее, – велел Пейн водителю. – Едем, едем!

* * *

Как только поезд замедлил ход, подъезжая к Мэкон-Хайтс, Пейн быстро поднялся на ноги и прошел к дверям. Скрип тормозов, состав остановился, Пейн спрыгнул с подножки на разогретую солнцем щебенку насыпи и огляделся по сторонам.

Мэкон-Хайтс сверкал, искрился в лучах послеполуденного солнца. Во все стороны тянулись ровные шеренги особнячков, а посередине возвышалась афиша кинотеатра.

Надо же, даже кино...

Перейдя через рельсы, Пейн направился к городку. За станцией обнаружилась стоянка для автомобилей. Миновав бензоколонку у выезда со стоянки, он вышел на тротуар и вскоре добрался до главной улицы городка.

Вдоль улицы двумя рядами тянулись витрины и вывески. «Скобяные товары». Аптека. Еще аптека. «Все по десять центов». Современный универмаг.

Заложив руки в карманы, Пейн двинулся по главной улице, осматривая Мэкон-Хайтс. Высокий, раздавшийся вширь многоквартирный дом; смотритель здания старательно моет ступени парадного подъезда... Все вокруг выглядело новеньким, современным – особнячки и магазины, тротуары и проезжая часть.

Парковочные автоматы. Коп в мундире кофейного цвета выписывает кому-то квитанцию о штрафе. Аккуратно, ровно подрезанные деревья через равные промежутки возвышаются вдоль тротуаров.

У входа в большой супермаркет стояла корзина с фруктами – апельсинами и виноградом. Отщипнув от грозди крупную черную виноградину, Пейн отправил ее в рот, раскусил...

Виноград оказался вполне настоящим, без дураков – сочным, спелым, сорта «Конкорд», хотя еще двадцать четыре часа назад здесь не было ничего, кроме голого поля.

Войдя в одну из аптек, Пейн полистал журналы, подсел к стойке и попросил миниатюрную розовошекую официантку принести ему кофе.

– Приятный у вас городок, – заметил он, когда официантка поставила перед ним чашку.

– Да, это уж точно.

– Скажите, давно ли... давно ли вы здесь работаете? – собравшись с духом, спросил Пейн.

– Три месяца.

– Три месяца? – переспросил он, окинув собеседницу, невысокую полногрудую блондинку, пристальным взглядом. – А живете здесь же, в Мэкон-Хайтс?

– О да.

– Давно?

– Уж года два как.

С этим официантка отошла принять заказ у юного солдата, занявшего табурет в другом конце стойки.

Отхлебнув кофе, Пейн закурил и принялся бездумно разглядывать прохожих за окном. Люди как люди – мужчины, женщины... в основном женщины, зачастую с пакетами и небольшими решетчатыми тележками из супермаркета. По проезжей части неторопливо катят автомобили. Сонный крохотный пригород... современный, не из дешевых, для верхушки среднего класса. Никаких трущоб – сплошь небольшие симпатичные особнячки да магазины с наклонными вперед, по последней моде, витринами и яркими неоновыми вывесками.

В аптеку, толкаясь и хохоча, ворвалась компания ребятешек из старших классов. Две девочки в цветастых свитерах, усевшись по соседству с Пейном, заказали содовую с лаймом и начали оживленную болтовню.

Глядя на них, вслушиваясь в обрывки доносящегося до него разговора, Пейн вновь погрузился в раздумья. Девчонки тоже казались вполне настоящими, без дураков. Алые ногти, помада на губах, свитера, охапки учебников – не отличишь от сотен других старшекласниц, с нетерпением мчащихся в аптеку после занятий.

Изрядно уставший, Пейн с силой потер лоб ладонью. Казалось, все это сон. Может, он не в своем уме? Городок настоящий. Абсолютно настоящий. Явно существует не первый год. Не мог же целый пригород вдруг возникнуть из ничего, из пелены серого дыма! Пять тысяч жителей, дома, улицы, вывески...

Вывески. «Брэдшоу Иншуренс».

Вспомнив о «Брэдшоу Иншуренс», Пейн замер, будто скованный льдом. Теперь-то ему все стало ясно. Явление разрастается. Распространяется далеко за пределы Мэкон-Хайтс. До самого города. Да, город меняется тоже. «Брэдшоу Иншуренс». Контора, где служит Критчет!

Разумеется, существование Мэкон-Хайтс не могло не отразиться на городе. Город и Мэкон-Хайтс неразрывно связаны между собой. Откуда, как не из города, переехали сюда пять тысяч местных жителей? Их работа, их жизни – все это там, в городе. Без города им никуда.

Однако насколько же? Насколько теперь изменится город?

Швырнув на стойку квартал¹, Пейн выбежал из аптеки и устремился к железнодорожной станции. В город, скорее! Как можно скорее! Перемены... Лора... что стало с Лорой? Что станет с его собственной жизнью?

---

¹ Монета достоинством в 25 центов США. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Сердце сжималось от страха. Лора, все его имущество, планы, надежды, мечты... Теперь появление Мэкон-Хайтс казалось сущими пустяками. Что значит какой-то пригород, когда под угрозой его собственный мир? Ничего! Главное – убедиться, что его собственная жизнь на своем месте, не затронута, не смыта волной перемен, расходящихся кольцами от Мэкон-Хайтс.

С этими мыслями Пейн и выбежал из здания вокзала.

– Куда едем, приятель? – спросил кебби.

Пейн назвал адрес. Кеб, взревев двигателем, влился в поток машин. Охваченный беспокойством, Пейн откинулся на спинку сиденья. За окном стремительно мелькали, уносились назад улицы, магазины, деловые центры. Закончившие рабочий день «белые воротнички»² заполнили тротуары, стояли кучками на каждом углу.

Многое ли переменялось? С этой мыслью Пейн сосредоточился на веренице зданий, мелькающих за окном. Большой универмаг. Был он здесь раньше? А крохотная будка чистильщика ботинок возле входа? Ее Пейн уж точно прежде не замечал.

«НОРРИС, МЕБЕЛЬ ДЛЯ ДОМА»

Мебельного магазина он не помнил тоже... но как знать, почему? Просто голова кругом! Как тут хоть что-то сказать с полной уверенностью?

Вскоре кебби высадил его у нужного подъезда. Пейн не спешил входить внутрь и огляделся. Владелец «Итальянских деликатесов» в конце квартала поднимает маркизу... А прежде он эти «Деликатесы» там замечал?

Нет, не вспомнить.

А что стряслось с большим мясным магазином через улицу? На его месте только опрятные домики, причем не такие уж новые, как будто стоят здесь с давних пор. Был тут мясной магазин или нет? Домики с виду вполне настоящие...

Кварталом дальше сверкал на солнце полосатый столб парикмахерской³. Была там парикмахерская прежде?

Возможно, была и работала многие годы. А может, и нет. Измениться могло все, что угодно. Новое появляется, старое исчезает. Меняется прошлое, а память – она ведь тоже связана с прошлым. Как тут доверять собственной памяти? Откуда знать, что изменится еще минуту спустя?

Лора. Его жизнь, его мир...

Охваченный ужасом, Пейн взбежал на крыльцо, толкнул дверь подъезда и поспешил по укрытым ковровой дорожкой ступеням на второй этаж. Дверь в квартиру оказалась незапертой. Распахнув ее, Пейн с бешено бьющимся сердцем шагнул в прихожую. Только бы не... только бы не...

Гостиная встретила его полумраком и тишиной. Жалюзи на окнах полуопущены... Пейн лихорадочно оглядел комнату. Светло-синий диван, стопки журналов на подлокотниках. Невысокий журнальный столик из светлого дуба. Телевизор. Все то же самое... но вокруг ни души.

– Лора! – выдохнул он.

Шаги...

Вбежавшая в гостиную с кухни Лора встревоженно округлила глаза.

– Боб! Почему ты дома? Что стряслось?

От внезапного облегчения у Пейна едва не подогнулись колени. Поцеловав Лору, он крепко-крепко прижал ее к груди. Да, Лора тоже оказалась осязаемой, теплой – словом, вполне настоящей.

– Привет, милая. Нет, ничего не стряслось. Все замечательно.

---

² Конторские служащие, инженеры, администраторы, работники умственного труда вообще.

³ То есть белый столбик или шест в красную или красно-синюю спиральную полосу, традиционный европейский и американский знак парикмахерского ремесла.

– Точно?

– Еще как.

Дрожащими руками расстегнув пуговицы, Пейн перебросил пальто через спинку дивана и обошел комнату, осматривая все вокруг. На сердце потихоньку становилось спокойнее. Вот он, его знакомый, привычный синий диван с теми же сигаретными подпалинами на подлокотниках. И изрядно потертая скамейка для ног. И письменный стол, за которым он работает по вечерам. И удочки у стены возле книжного шкафа.

Большой телевизор, купленный всего месяц назад, тоже на месте. Также в полном порядке. Все, все его имущество цело и невредимо. Не изменилось ничуть.

– Ужин будет готов не раньше чем через полчаса, – озабоченно пробормотала Лора, развязывая фартук. – Я ведь так рано тебя не ждала, вот и просидела без дела весь день. Только плиту почистила: какой-то коммивояжер заходил, оставил образец нового средства.

– Ничего, все о'кей, – заверил ее Пейн, разглядывая любимую репродукцию Ренуара на стенке. – Не спеши. Как здорово видеть все это снова! Я ведь...

Из спальни донесся плач. Лора поспешно обернулась.

– Похоже, мы разбудили Джимми.

– Джимми?

Лора расхохоталась.

– Дорогой, ты что, родного сына не помнишь?

– Помню, конечно же, – обиженно пробормотал Пейн, неторопливо следуя за Лорой, в спальню. – Просто на минуту все вдруг показалось каким-то... чужим.

Потерев лоб, он сдвинул брови. Чужим... непривычным... каким-то расплывчатым.

Остановившись у колыбельки, оба взглянули на лежащего в ней малыша. Проснувшийся Джимми сердито глядел на отца с матерью.

– Должно быть, это все из-за солнца, – сказала Лора. – Жарко на улице – жуть.

– Да, видимо, так. Со мной уже все о'кей.

С этими словами Пейн легонько ткнул малыша в живот, крепко обнял жену.

– Должно быть, это все из-за солнца, – подтвердил он, улыбнувшись и взглянув ей в глаза.

Мир на ее вкус

Одолев полудрему, Ларри Брюстер окинул задумчивым взглядом россыпь окурков, пустые пивные бутылки и смятые спичечные картонки на столике, за которым сидел. После некоторого размышления он поднял руку и слегка поправил одну из бутылок. Вот. Теперь эффект – как раз тот, что требуется.

Джазовый оркестрик в дальнем углу «Уинд-Ап» шумно наярывал диксиленд. Резкие звуки джаза, гул множества голосов, полумрак, звон бокалов у стойки... Ларри Брюстер сладко, удовлетворенно вздохнул.

– Просто-таки нирвана, – констатировал он, подкрепив собственные слова неторопливым согласным кивком. – Или как минимум седьмой круг дзен-буддистского рая.

– В дзен-буддистском раю семи кругов нет, – со знанием дела поправили его.

Властный, безапелляционный женский голос прозвучал прямо над головой.

– Факт, нет, – поразмыслив, согласился Ларри. – Это всего лишь метафора, а метафоры не стоит понимать буквально.

– Выразаться нужно точнее. Говорить именно то, что думаешь.

– И думать именно то, что говоришь? – хмыкнул Ларри, поднимая взгляд. – Имею ли я удовольствие быть с вами знакомым, леди?

Стройная девушка с золотистыми волосами уселась напротив. Глаза ее – колючие, зоркие – ярко поблескивали в полутьме бара, адресованная Ларри улыбка слепила белизною зубов.

– Нет, – отвечала она, – прежде мы не встречались. Наше время началось только что.

– Э-э... «наше время»?

Не без труда приподнявшись, Ларри расправил узкие костлявые плечи. Уверенный, властный взгляд незнакомки внушал смутную тревогу, пробивавшуюся даже сквозь блаженство алкогольного угара.

Слишком уж безмятежно, слишком уверенно улыбается... а с чего бы?

– О чем вы? – пробормотал Ларри. – Что это значит?

Девушка сбросила пальто, явив его взгляду полные округлые груди и изящную тонкую талию.

– Я выпью мартини, – объявила она. – И, кстати, зовут меня Эллисон Холмс.

– Ларри Брюстер, – представился он, смерив девушку пристальным взглядом. – Э-э... что, говорите, вам заказать?

– Мартини. Сухой, – с хладнокровной улыбкой напомнила девушка. – Да, и второй, для себя, разумеется, заказать не забудь.

Негромко крикнув, Ларри махнул рукой официанту:

– Сухой мартини, Макс.

– О'кей, мистер Брюстер.

Спустя пару минут Макс вернулся и выставил на стол бокал мартини. Дождавшись его ухода, Ларри подался к светловолосой девице.

– Ну а теперь, мисс Холмс...

– А как же твой мартини?

– А я обойдусь.

Девушка, пожав плечами, поднесла мартини к губам. Ладони ее оказались миниатюрными, узкими, и вообще выглядела она очень даже неплохо... но от спокойствия и уверенности в ее взгляде становилось как-то не по себе.

– Так что же там за дела с «нашим временем», которое якобы только что началось? Прозвучало уж и меня.

– Все проще простого. Увидела я тебя здесь, за столиком, и сразу же поняла: ты и есть он. Тот самый. Несмотря на весь этот мусор, – добавила Эллисон, сморщив носик и оглядев пустые бутылки вперемешку с окурками и спичечными картонками. – Почему ты не попросишь тут прибраться?

– Потому что мне лично так нравится. Стало быть, ты сразу же поняла, что я и есть он. Тот самый. Что бы это значило? «Тот самый»... кто? – с нарастающим интересом спросил Ларри.

– Ларри, в моей жизни настал очень важный момент, – объявила она, оглядев бар. – Кто бы мог подумать, что ты отыщешься в подобном месте! А, впрочем, со мной всегда так. Всего лишь еще одно звено огромной цепи, уходящей в прошлое на... э-э... по крайней мере, насколько мне хватает памяти.

– Что же это за цепь?

Эллисон, рассмеявшись, подалась к нему. В ее прекрасных глазах чертенятами заплясали озорные искорки.

– Бедный Ларри! Ты же ни о чем не подозреваешь. Видишь ли, я знаю кое-что, неизвестное больше никому – ни одной живой душе в этом мире, а узнала об этом еще девчонкой. Дело в том...

– Минутку. Что значит «в этом мире»? По-твоему, есть и другие миры, лучше нашего? Как у Платона? А наш мир – всего-навсего...

Эллисон сдвинула брови.

– Разумеется, нет, Ларри! Этот мир и есть лучший. Лучший из всех возможных.

– Вот оно как. Стало быть, не Платон. Стало быть, Герберт Спенсер.

– Лучший из всех возможных миров... для меня, – с холодной, загадочной улыбкой уточнила она.

– Только для тебя? Почему же?

Миловидное, прекрасной лепки, лицо Эллисон даже не дрогнуло – только глаза сверкнули едва ли не хищным огнем.

– Потому что это мой мир, – с прежним спокойствием ответила она.

– Твой? – Ларри приподнял бровь, но тут же расплылся в добродушной улыбке. – Ну разумеется, детка, ведь этот мир принадлежит нам всем, поровну! – воскликнул он, широким жестом указывая на всех вокруг. – И мне, и тебе, и тому парню, бренчащему на банджо...

– Нет, – твердо оборвала его Эллисон, покачав головой. – Нет, Ларри. Этот мир мой и принадлежит одной мне. Здесь все – и живое, и мертвое – мое, и только мое.

С этими словами она придвинула кресло вплотную к нему. Ноздри защекотал теплый, сладкий, дразнящий аромат ее духов.

– Понимаешь? Мое. Все это существует только ради меня. Ради моего счастья и благополучия.

Ларри слегка отодвинулся от нее.

– Вот как? Ну, знаешь ли, обосновать такую философскую доктрину довольно-таки затруднительно. Согласно Декарту говорит, что мы познаем мир только посредством собственных ощущений, а наши ощущения отражают наше же собственное...

Узкая изящная ладонь Эллисон коснулась его плеча.

– Нет, я совсем не об этом. Видишь ли, Ларри, миров существует великое множество. Миллионы и миллионы всевозможных миров. Столько же, сколько и людей. Собственный, личный мир, существующий только ради него, на радость ему одному, есть у каждого. И этот – так уж случилось – принадлежит мне, – пояснила она, скромно потупив взгляд.

Ларри задумался.

– Любопытно, весьма любопытно, но как же насчет остальных? К примеру, насчет меня? Крохотная ладошка стиснула его плечо крепче прежнего.

– А ты, ясное дело, существуешь исключительно на радость мне, о том-то и речь. Едва увидев тебя, я сразу же поняла: вот он, тот самый. Около недели думала, что самое время ему появиться. Тому, кто создан как раз для меня. Человеку, предназначенному мне в мужья – чтоб мое счастье обрело полноту.

– Э-э! – запротестовал Ларри, отодвигаясь от нее еще дальше.

– В чем дело?

– А как же я? – осведомился он. – Нечестно выходит. Выходит, мое счастье в расчет вовсе не принимается?

– Отчего ж, принимается... но не здесь. Не в этом мире, – ответила Эллисон, неопределенно взмахнув рукой. – У тебя есть другой мир, твой собственный, а тут ты – просто часть моей жизни. Тут ты даже не вполне настоящий. Полностью настоящая здесь только я, а вы, все остальные, существуете для меня. Вы... вы реальны только отчасти.

Ларри, неторопливо откинувшись на спинку кресла, почесал подбородок.

– Вот оно как. Получается, я существую одновременно во множестве разных миров. Чутьочку там, чутьочку сям, смотря где понадобится. Как, например, сейчас в этом мире. По которому шляюсь вот уж двадцать пять лет, причем только затем, чтоб оказаться под рукой, когда тебе будет нужно.

В глазах Эллисон вновь заплясали веселые, озорные искорки.

– Именно! Суть как раз такова. Однако... – Она осеклась и взглянула на часы. – Однако время позднее. Пожалуй, нам пора.

– Пора?

Поспешно поднявшись, Эллисон подхватила крохотную сумочку и надела пальто.

– Да, Ларри! Нас с тобой ждет столько дел! Столько мест, где нужно побывать! – пояснила она, подхватив его под руку и потянув к себе. – Идем. Идем же скорее.

Ларри медленно поднялся.

– Послушай...

– А сколько веселья у нас впереди! – щебетала Эллисон, увлекая его к двери. – Так, дай-ка подумать... Для начала, пожалуй...

Опомнившись, Ларри остановился и полез в карман.

– А счет?! – раздраженно прорычал он. – Не могу же я уйти, не расплатившись! С меня следует этак...

– Нет-нет, сегодня – никаких счетов. Сегодня мой, особенный, вечер, – возразила Эллисон и повернулась к Макс, очищавшему освободившийся столик от мусора: – Разве я не права?

Старый официант не спеша поднял взгляд.

– В чем, мисс?

– В том, что вечер сегодня не из обычных и платить по счетам ни к чему.

– Да, мисс, – кивнул Макс, – сегодня у нас без счетов. День рождения босса. Напитки за счет заведения.

Ларри невольно разинул рот:

– Что?

– Идем!

Потянув Ларри за рукав, Эллисон вытащила его за роскошные массивные двери, на холодную, темную нью-йоркскую улицу.

– Идем же, Ларри, у нас с тобой столько дел!

* * *

– Я так и не понял, откуда взялся этот кеб, – пробормотал Ларри.

Кеб тронулся с места, отъехал от тротуара и на полной скорости умчался во мрак. Ларри огляделся. Куда это их занесло? Темные улицы будто вымерли.

– Во-первых, – сказала Эллисон Холмс, – мне нужна бутоньерка. Ларри, тебе не кажется, что нареченной надо бы преподнести бутоньерку? Я ведь хочу выглядеть на людях как подобает!

– Бутоньерку? Сейчас, среди ночи? – усмехнулся он, широким жестом указав на темные, безлюдные улицы. – Seriously?

Эллисон, чуть поразмыслив, решительно двинулась через улицу. Ларри покорно последовал за ней. Подойдя к закрытому – дверь на замке, вывеска погашена – цветочному магазинчику, Эллисон постучала монеткой в зеркальное стекло витрины.

– С ума сошла? – зарычал Ларри. – Ночь на дворе, нет там, внутри, никого!

Однако в дальнем углу цветочного магазинчика показался темный силуэт. Неторопливо подошедший к витрине старик снял очки, спрятал их в нагрудный карман, наклонился и отпер дверь.

– В чем дело, леди?

– Мне нужна бутоньерка, лучшая из всех, что у вас есть.

Бесцеремонно ворвавшись в магазинчик, Эллисон оглядела выставленные на продажу цветы и ахнула от восторга.

– Не обращайтесь внимания, приятель, – пробормотал Ларри. – Не стоит хлопот. Она малость...

– Ничего, все в порядке, – вздохнув, ответил старик. – Я как раз корпел над налоговой декларацией, и перерыв мне вовсе не повредит. А бутоньерки найдутся готовые. Сейчас, холодильник открою и поглядим.

Спустя пять минут оба вновь вышли на улицу, и Эллисон, вне себя от счастья, еще раз оглядела огромную орхидею, приколотую к пальто.

– Просто прекрасно, Ларри! – прошептала она, крепко сжав его руку и заглянув в глаза. – Огромное тебе спасибо. Ну а теперь идем!

– Куда? Может, со стариканом, засидевшимся до часу ночи за подсчетом налогов, тебе и повезло, но больше на этом богом забытом кладбище уж точно ничего не найти.

Эллисон огляделась по сторонам.

– Дай подумать... ага, туда. Вон к тому большому старому дому. Нисколько не удивлюсь, если...

Звонко стуча высокими каблукками о мостовую в ночной тишине, она потащила Ларри вперед.

– Ладно, – с легкой улыбкой пробормотал он, – ладно, веди. Это уже интересно.

С виду огромный, угловатый дом, выбранный Эллисон, был темен и тих: сквозь глухие ставни на окнах не пробивалось наружу ни звука, ни лучика света. Каким-то чудом отыскивая путь в темноте, Эллисон быстрым шагом миновала дорожку, ведущую к парадному входу, и поднялась на крыльцо.

– Эй! – внезапно встревожившись, окликнул ее Ларри.

Однако она уверенно повернула ручку, толкнула дверь, и та распахнулась.

В глаза обоим ударил слепящий свет и волна шума, ропот множества голосов. Огромный зал за плотной занавесью оказался полон людей, и все они – мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях – толпились вокруг длинных столов, у буфетной стойки, у касс.

– Ого, – выдохнул Ларри. – Похоже, травила ты нас... такие места не про нашу честь.

И вправду, навстречу им, заложив руки в карманы, выступили три здоровяка со зверскими физиономиями.

– Так, мистер, ты что тут забыл?

Ларри попятился к выходу.

– Понял. Уходим. Я человек не задиристый...

– Вздор! – возразила Эллисон, подхватив его под руку и удержав. Глаза ее заблестели от возбуждения. – Я давно хотела побывать в игорном притоне! Взгляни, сколько столов. Что делают там, вон за тем?

– Идем, бога ради, – в отчаянии прошептал Ларри. – Идем отсюда. Нас здесь не знают.

– Не знают, это уж точно, – прохрипел один из троицы шкафоподобных вышибал и кивнул товарищам: – Взяли!

Оба, ухватив Ларри с обеих сторон, поволокли его к двери.

Эллисон изумленно моргнула.

– Что это вы себе позволяете? Прекратите немедленно! – Сосредоточившись, она беззвучно зашевелила губами. – Дайте мне... дайте поговорить с Конни.

Трое вышибал дружно замерли и не спеша повернулись к ней:

– С кем, леди? Кто, вы сказали, вам нужен?

Эллисон лучезарно улыбнулась.

– Конни, конечно же. Кажется, я ясно выразилась. Конни. Где он? – спросила она, окинув взглядом зал. – Вон там не он ли?

Услышав собственное имя, невысокий вертлявый человечек у одного из столов раздосадованно обернулся и скривился от раздражения.

– Оставьте, леди, не надо, – поспешил вмешаться один из вышибал. – Не отвлекайте Конни, не любит он этого.

Прикрыв за Ларри с Эллисон дверь, он легонько подтолкнул обоих за занавесь, в зал.

– Входите, играйте на здоровье. Приятного вам вечера.

Ларри взглянул на спутницу и устало покачал головой:

– Мне лично не помешало бы выпить... чего покрепче.

– Прекрасно, – согласилась Эллисон, не сводя глаз с рулеточного стола. – Иди, выпей, а я начинаю играть!

Опрокинув пару бокалов изрядно крепкого виски с содовой, Ларри соскользнул с табурета, отошел от бара и двинулся к рулеточному столу посреди зала.

Стол окружала огромная толпа зрителей. Ларри обреченно прикрыл глаза: что происходит, он уже понял. Собравшись с силами, он протолкался сквозь толпу и подошел к столу.

– Что означает вот эта? – спросила Эллисон крупье, подняв над плечом голубую фишку.

На столе перед ней громоздилась целая груда фишек всевозможных цветов. Зрители оживленно шушукались, переговаривались меж собой, не сводя с Эллисон глаз.

Ларри придвинулся к девушке.

– Как успехи? Приданое еще не спустило?

– Пока что нет. Если верить этому человеку, я в выигрыше.

– Да, ему верить можно, – устало вздохнул Ларри. – Кто-кто, а он-то в этих делах разбирается.

– Хочешь тоже сыграть? – спросила Эллисон, приняв от крупье новую охапку фишек. – Бери себе эти, у меня еще много.

– Вижу, вижу, но... нет, спасибо. Играть – не мое. Идем, – сказал Ларри, увлекая ее из-за стола. – По-моему, настало нам с тобой время кое о чем поговорить. И лучше бы где потише.

– Поговорить?

– Да. Я тут подумал, и, сдастся мне, все это зашло чересчур далеко.

Эллисон двинулась следом за ним. Ларри отвел ее к огромному камину в дальнем углу зала. В камине, гудя, полыхал огонь, рядом стояло несколько кресел. Плюхнувшись в одно из них, Ларри указал Эллисон на соседнее:

– Присядь.

Эллисон села, закинула ногу на ногу, поправила юбку и со вздохом откинулась на спинку кресла.

– Мило здесь, правда? Огонь и все прочее... в точности как я себе представляла, – сказала она, мечтательно прикрыв глаза.

Ларри отыскал сигареты, закурил, задумчиво пустил дым к потолку.

– Вот что, мисс Холмс...

– Эллисон! В конце концов, мы с тобой скоро поженимся.

– Ладно, пусть так. Эллисон. Вот что, Эллисон, все это полный абсурд. Сидя у бара, я поразмыслил как следует. Твои безумный теории... не может этого быть.

– Почему? – сонно, рассеянно откликнулась она.

Ларри с досадой взмахнул рукой:

– Я тебе объясню, почему. Ты утверждаешь, будто я реален только отчасти, верно? Будто вполне реальна одна только ты.

– Верно, – кивнула Эллисон. – Так и есть.

– Но вот, гляди! За всех этих... – Ларри пренебрежительно махнул рукой в сторону зала. – За всех этих людей я не поручусь. Может, насчет них ты и права. Может, они и правда только фантомы. Но я-то, я-то вовсе не призрак!

С этими словами Ларри от души грохнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Видишь? И утверждаешь, что мой кулак не совсем настоящий?

– Так ведь кресло тоже не совсем настоящее.

Ларри застонал от досады.

– Проклятье, я прожил в этом мире двадцать пять лет, а с тобой знаком всего пару часов и должен поверить, будто на самом деле я... неживой? Будто я... на самом деле не я? Будто я в твоём мире всего-навсего что-то вроде... ходячей куклы? Части пейзажа?

– Ларри, дорогой мой, у тебя тоже есть свой собственный мир. Как и у каждого. Однако этот мир достался мне, а ты существуешь в нем для меня, – ответила Эллисон, широко распахнув огромные голубые глаза. – Возможно, в твоём мире я тоже существую только самую малость, ради тебя. Понимаешь, дорогой, все наши миры пересекаются, накладываются друг на друга. В моём мире ты существуешь для меня. Вполне вероятно, и я существую в твоём для тебя. Величайшему Художнику, как всем настоящим художникам, приходится избегать расточительности, – с улыбкой пояснила она. – Поэтому многие из миров так похожи, почти одинаковы, но тем не менее каждый из них принадлежит лишь одному человеку.

– И этот достался тебе, – глубоко, шумно вздохнув, подытожил Ларри. – О'кей, детка. Раз уж весь этот бред так прочно засел в твоей голове, я тебе подыграю... да, подыграю. Поиграю с тобой в эти игры, пока не надоест, – решил он и окинул девушку в кресле напротив оценивающим взглядом. – А знаешь, выглядишь ты неплохо, очень даже неплохо.

– Спасибо за комплимент.

– Итак, допустим, я клюнул. Может, мы и вправду предназначены друг для друга. Однако тебе придется малость умерить пыл. Угмониться. Ты слишком усердно испытываешь удачу. Если уж хочешь быть со мной вместе, будь добра, сбавь обороты.

– О чем ты, Ларри?

– Обо всем этом. Скажем, об этом заведении. Что, если копы заявятся? Да и вообще. Азартные игры, безделье... Нет, так не годится. Подобная жизнь не по мне. Знаешь, что мне представляется? – Взгляд Ларри устремился куда-то вдаль, лицо озарилось внутренним светом, светом далекой мечты. – Небольшой домик, детка. За городом. Далеко за городом. Ферма среди бескрайних полей... может, в Канзасе, или там в Колорадо. Бревенчатая избушка. Колодец. Коровы.

Эллисон нахмурилась.

– Вот как?

– И знаешь что еще? Вот я, на заднем дворе. Вскапываю огород. Или... или даю корм курам. Ты когда-нибудь кормила кур? О-о! – Ларри, сияя от счастья, покачал головой. – Это ж так здорово, детка! И белки. Ты хоть раз в жизни, гуляя по парку, белок кормила? Серых таких, с пушистым длинным хвостом? Хвосты у них, знаешь, длинней самих белок!

Эллисон зевнула, вскочила на ноги и подхватила сумочку.

– По-моему, нам пора.

Ларри неторопливо поднялся с кресла.

– Ага. Похоже на то.

– Завтра нас ждет много дел. Нужно начать пораньше, – сказала Эллисон, пробираясь сквозь толпу к выходу. – Во-первых, нам, думаю, надо бы начать поиски...

– А фишки? – напомнил Ларри, придерживая ее за локоть.

– Что?

– Фишки. Выигрыш твой. Сходи, обменяй.

– На что?

– На деньги... по-моему, так эти штуки теперь принято называть.

– Вот еще, возиться!

Эллисон свернула к грузному человеку за столом для блек-джека.

– Вот, – сказала она, вывалив фишки ему на колени. – Возьмите себе. Все, Ларри, идем!

* * *

Кеб затормозил у подъезда Ларри.

– Здесь ты и живешь? – спросила Эллисон, оглядывая дом. – Не слишком-то он современен...

– Это точно, – подтвердил Ларри. – И трубы водопроводные уже так себе, но... какая, к дьяволу, разница?

Распахнув дверцу, он опустил ногу на тротуар, но Эллисон придерживала его за плечо.

– Постой, Ларри.

– Да?

– Ты ведь не забудешь про завтра?

– Про завтра?

– На завтра у нас запланировано множество дел. Будь добр, встань пораньше и приготовься к разездам. Хорошо бы завтра же все и успеть.

Ларри душераздирающе зевнул. Час был поздний, вдоль улицы веяло холодом.

– Как насчет шести вечера? Достаточно рано на твой вкус?

– О нет. Я заеду за тобой в десять утра.

– В десять?! А как же работа? Мне в это время на работе быть нужно!

– Завтра не нужно. Завтрашний день принадлежит только нам.

– Но на какие шиши я, черт побери, буду жить, если меня...

Изящные тонкие ручки Эллисон обвили его шею.

– Не волнуйся, все будет в порядке. Вспомни: это же мой мир.

Притянув Ларри к себе, Эллисон поцеловала его. Губы ее оказались нежны и холодны. Крепко прижавшись к Ларри, девушка сомкнула веки.

Наконец Ларри отстранил ее и высвободился из объятий.

– Ладно, хватит уже.

Выйдя из машины, он поправил съехавший на сторону галстук.

– Значит, до завтра. А о своей старой работе не беспокойся. Спокойной ночи, дорогой.

Эллисон хлопнула дверцей. Кеб тронулся с места и умчался в ночную тьму. Ошеломленный, Ларри проводил его взглядом, пожал плечами и двинулся к подъезду.

В холле, на столике, его дождалось письмо. Поднимаясь по лестнице, Ларри вскрыл конверт. Письмо оказалось с работы, из «Брей Иншуренс Компани». Графиком ежегодных двухнедельных отпусков, выделяемых каждому из работников от щедрот владельца. Когда начнутся его две недели, Ларри понял, даже не потрудившись отыскать в перечне собственную фамилию.

Ну да. Эллисон же сказала: не беспокойся...

С печальной улыбкой сунув письмо в карман пальто, Ларри отпер дверь квартиры. Стало быть, в десять утра? Ладно. По крайней мере, он успеет выспаться.

* * *

День выдался теплым и солнечным. В ожидании Эллисон Ларри Брюстер, присев на ступени, ведущие к двери подъезда, закурил и задумался.

Везет ей, конечно, дьявольски, что да, то да. Чего ни пожелает, все, можно сказать, само в руки валится, словно спелые сливы... так правда недолго поверить, будто весь мир принадлежит тебе! И пользуется она этим везением при любом удобном случае. Ну что ж, бывает. Бывают на свете такие, везучие. На каждом шагу им удача: в телевикторинах выигрывают, бумажники в придорожных канавах находят, на верную лошадь ставят... Бывает. Случается.

Но чтоб ей принадлежал весь мир?

Ларри усмехнулся. Очевидно, Эллисон верит в это всерьез. Интересно... Ладно, он подыграет ей еще чуточку: в конце концов, девчонка она ничего.

Автомобильный гудок отвлек его от размышлений, и Ларри поднял взгляд. Прямо перед ним, у обочины, остановился двухцветный кабриолет с опущенным верхом. Сидевшая за рулем Эллисон помахала рукой:

– Привет! Садись, едем!

Ларри поднялся и подошел ближе.

– Откуда у тебя такой?

Распахнув дверцу, он неторопливо опустился на сиденье.

– Машина? – Эллисон завела мотор, и кабриолет с ревом влился в поток транспорта. – Не помню. Кажется, подарил кто-то.

– Не помнишь? – Невольно подняв брови, Ларри взглянул на нее и откинулся на мягкую спинку кресла. – Итак? Что у нас первым в списке?

– Едем посмотреть наш новый дом.

– Чей новый дом?

– Наш. Наш с тобой.

Ларри вжался в сиденье.

– Что? Но ты...

Эллисон, не снижая скорости, свернула вправо.

– Он замечательный, тебе непременно понравится. Вот у тебя квартира большая?

– Три комнаты.

Эллисон от души расхохоталась.

– А там одиннадцать. Три этажа. И участок пол-акра. По крайней мере, так мне было сказано.

– Так ты сама его еще не видела?

– Нет пока. Мой адвокат позвонил только сегодня утром.

– Твой... адвокат?

– Да. Дом – часть оставленного мне наследства.

Ларри не сразу сумел взять себя в руки. Наряженная в ярко-алый костюмчик-двойку, Эллисон блаженно взирала вперед, и ее кукольное личико лучилось безмятежным довольством.

– Погоди. Погоди-ка. Как тебя понимать? Ты этого дома в жизни не видела; адвокат позвонил тебе только с утра; дом – часть твоего наследства...

– Да, верно. От какого-то престарелого дядюшки. Я его и по имени-то не помню, а наследства от него тем более не ждала, но...

Повернувшись к Ларри, Эллисон одарила его нежной улыбкой.

– Но ведь сейчас в моей жизни настал особый момент. Сейчас все непременно должно обернуться как надо, и потому весь мой мир...

– Ага, ага. Весь твой мир. Ладно. Надеюсь, дом тебя не разочарует.

Эллисон звонко рассмеялась.

– Уверена, он мне понравится. В конце концов, он ведь существует для меня, и только для меня.

– Надо же... чистая математика, – пробормотал Ларри. – Что бы с тобой ни случилось, все к лучшему. Ты всем довольна и всему рада, следовательно, этот мир – твой. Наверное, ты просто видишь все в наилучшем свете. Сама убеждаешь себя, что происходящее тебе по вкусу.

– Вот как? С чего ты взял?

Ларри наморщил лоб, погрузился в раздумья. Кабриолет на полной скорости мчался вперед.

– Объясни-ка, – нарушив молчание, заговорил он, – откуда тебе известно об этой множественности миров? И почему ты так уверена, будто этот мир – твой?

– Сама додумалась, – с улыбкой ответила Эллисон. – Я изучала логику, философию и историю, и кое-что постоянно ставило меня в тупик. Почему такое множество жизненно важных перемен в судьбах отдельных людей и целых народов словно бы по воле провидения произошло как раз в нужный момент? Отчего у меня постоянно складывается впечатление, будто мой мир стал именно таким, каков есть, именно благодаря цепи из множества странных событий, уходящей корнями в давнее-давнее прошлое? Да, с теорией «лучшего из возможных миров» я знакома, но все ее изложения, которые мне доводилось читать, не выдерживают никакой критики. Изучала я и историю мировых религий, и научные рассуждения о существовании Создателя, но во всем этом вечно чего-то не хватало – авторы постоянно кое-что не учитывали либо просто упускали из виду.

Ларри кивнул.

– Ну да, конечно. Все проще простого: если этот мир – лучший из возможных, откуда в нем столько страданий, причем совершенно бессмысленных? Если на свете действительно, как полагали, полагают и будут еще полагать многие миллионы людей, существует Создатель, всемогущий и всеблагий, как объяснить существование зла? – с усмешкой сказал он. – А ты взяла и отыскала ответ одним махом, будто опрокинув бокал мартини?

– Ты мог бы выразиться и деликатнее, – хмыкнула Эллисон. – Что ж, ответ действительно проще простого, и додумалась до него вовсе не только я, хотя, очевидно, я единственная в этом мире...

– О'кей, – вставил Ларри, – воздержусь от возражений, пока ты не объяснишь, каким образом пришла к этому.

– Спасибо, дорогой, – кивнула Эллисон. – Видишь, ты уже кое-что понимаешь, пусть даже пока не соглашаешься со мной... хотя это наверняка оказалось бы слишком скучно, а вот потрудиться, подумать, как убедить тебя, куда забавнее. Потерпи еще чуточку, я как раз приближаюсь к сути.

– Весь внимание, – проворчал он.

– А суть проста, как фокус с яйцом, если знать, в чем секрет. Теории всеблагого Создателя и «лучшего из возможных миров» дают слабину, так как строятся на совершенно необоснованном допущении, будто этот мир – единственный в своем роде. Однако попробуем другой подход: если мы полагаем Создателя всемогущим, подобному существу, разумеется, вполне по силам сотворить бесконечное – по крайней мере, на наш взгляд – множество миров, не так ли? Стоит принять это допущение, все сразу становится ясным. Пустив в ход все возможности, Создатель сотворил собственный мир для каждого человека без исключения, и каждый из миров существует только для одного человеческого существа. Да, Он – художник, однако не чужд экономии средств, отсюда и множество повторений, сквозных тем, мотивов, событий, общих для всех миров.

– А-а, – негромко протянул Ларри, – похоже, я понимаю, к чему ты ведешь. В некоторых мирах Наполеон выиграл битву при Ватерлоо, хотя полностью на его вкус устроен только один, а в нашем ему пришлось потерпеть поражение...

– Знаешь, по-моему, здесь, в моем мире, Наполеона может вообще не существовать, – задумчиво проговорила Эллисон. – По-моему, здесь он – только имя в исторических хрониках, хотя в некоторых других мирах подобная личность действительно существует. В моем мире Гитлер проиграл войну, а Рузвельт умер – разумеется, мне его жаль, но ведь лично я его не знала, да и реален он был... скажем так, не особенно. И Рузвельт, и Гитлер – оба они только образы, занесенные сюда из миров, принадлежащих другим...

– Ладно, – согласился Ларри. – Теперь скажи, неужели у тебя вся жизнь, день за днем, складывалась просто чудесно, вплоть до мелочей? Неужели ты ни разу не болела ничем серьезным, не знала ни потерь, ни голода, ни...

– Знала, а как же, – ответила Эллисон. – И боль, и разочарования, и обиды... но ни к чему непоправимому это не привело. Вдобавок они всякий раз помогали достичь того, чего мне настоящему хотелось, или осознать нечто важное. Как видишь, Ларри, логика тут безупречна: все подтверждается фактами. Другого настолько же неопровержимого ответа попросту нет.

Ларри улыбнулся.

– Какая разница, что я обо всем этом думаю? Тебя ведь все равно ничем не проймешь.

* * *

Едва взглянув на дом, Ларри замер, скривился от непреодолимого отвращения.

– Это и есть... наш дом? – с запинкой пролепетал он.

Однако Эллисон, любясь огромной усадьбой, просто сияла от счастья.

– Что, дорогой? Что ты говоришь?

Дом оказался громадной суперсовременной постройкой, последним пискom архитектурной моды, изыском из тех, что, наверное, снятся кондитерам в кошмарных снах. Высоченные колонны, соединенные между собой наклонными балками и контрфорсами; комнаты, точно обувные коробки, водруженные одна на другую каждая под своим углом... и все это снизу доверху облицовано каким-то блестящим металлическим гонтом устрашающего масляно-желтого оттенка. В лучах утреннего солнца дом полыхал, сиял так, что больно было смотреть.

– А это... это что? – спросил Ларри, указав на какие-то неухоженные растения, змеями оплетавшие неровные стены особняка. – Это так и должно быть?

Эллисон, моргнув, слегка сдвинула бровки.

– Что, дорогой? А-а, ты про бугенвиллию? Большая редкость! Экзотическое растение с юга Тихого океана.

– А для чего она тут? Чтоб вся эта халабуда не развалилась?

Улыбка Эллисон разом померкла, бровь приподнялась вверх.

– Дорогой, ты хорошо себя чувствуешь? Что с тобой?

Ларри двинулся назад, к машине.

– Знаешь, поехали обратно, в город. Проголодался я зверски. Пора пообедать.

– Хорошо, – согласилась Эллисон, с подозрением взглянув на него. – Хорошо, едем.

* * *

Вечером, после ужина, Ларри овладела жуткая меланхолия.

– Идем-ка в «Уинд-Ап», – внезапно сказал он. – Мне бы для разнообразия в привычной обстановке посидеть не мешало.

– То есть?

Ларри кивнул на фасад дорогого, роскошного ресторана, из которого они только что вышли.

– Понимаешь, не по нутру мне все эти заковыристые люстры... и коротышки в униформе, шепчущие прямо в ухо. Да еще и по-французски.

– Ну уж французский-то хоть немного надо бы знать, иначе как сделать заказ в ресторане? – рассерженно надувшись, буркнула Эллисон. – Послушай, Ларри, ты начинаешь меня настораживать. И возле нашего дома странно себя повел, и вещи говоришь какие-то странные...

Ларри пожал плечами:

– При виде этого дома меня постигло временное умопомрачение.

– Всей душой надеюсь, что оно вскоре пройдет.

– Мне с каждой минутой все лучше.

Вскоре они подошли к «Уинд-Ап». Эллисон двинулась внутрь, а Ларри задержался снаружи и закурил. Старый добрый «Уинд-Ап»... даже рядом, у входа, на сердце уже куда веселее! Тепло, полумрак, гомон, заштатный оркестрик в дальнем углу рвано, небрежно бренчит диксиленд...

Предвкушение мира и покоя в уютном обшарпанном баре вмиг подняло настроение. Вздохнув, Ларри толкнул дверь, переступил порог...

...и замер как вкопанный.

«Уинд-Ап» изменился до неузнаваемости. Под потолком ярко сияли лампы. Вместо старого официанта Макса по залу деловито сновали юные официантки в опрятных белых форменных платьицах. За столиками, потягивая коктейли и оживленно болтая, сидело множество элегантно одетых дамочек. Угол, где играл джаз, занял оркестр из музыкантов, ряженных под цыган, во главе с каким-то длинноволосым увальнем в невыносимо фальшивом цыганском костюме, нещадно терзающим скрипку.

Эллисон оглянулась.

– Идем же! – раздраженно прорычала она. – В дверях ты привлекаешь слишком много внимания!

Долгое время Ларри ошеломленно глядел на псевдоцыганский оркестр, на деловитых официанток, на болтающих за столами дамочек, на неоновые лампы, хитро спрятанные в потолок. Наконец он, охваченный прежней апатией, уныло поник.

– В чем дело? – сварливо шепнула Эллисон, стиснув его плечо. – Что на тебя нашло?

– Что... что здесь стряслось? – пролепетал Ларри, указав вокруг вялым взмахом руки. – Пожар?

– Ах это. Да, совсем забыла тебе рассказать. Вчера, как раз перед нашим знакомством, я имела беседу насчет всего этого с мистером О'Маллери.

– С мистером О'Маллери?

– Да. С владельцем этого здания, моим старым другом. Указала ему, насколько грязным, отталкивающим становится его заведение, и объяснила, к чему приведет парочка новшества.

Выйдя наружу, на тротуар, Ларри растоптал каблуком сигарету и сунул руки в карманы. Эллисон выбежала за ним. Щеки ее покраснелись, запылали от возмущения.

– Ларри! Куда ты?

– Счастливо оставаться.

– «Счастливо оставаться»? – в изумлении переспросила Эллисон. – Что это значит?

– Я пошел.

– Пошел? Куда?

– Отсюда. Домой. Или в парк. Куда судьба заведет.

Обогнав его, Эллисон в гневе заступила ему дорогу.

– Ты в своем уме? Сам понимаешь, что говоришь?

– Еще бы. Я уйду от тебя. Мы расстанемся. Все было здорово. Может, еще увидимся.

Красные пятна на щеках Эллисон вспыхнули, точно пара тлеющих углей.

– Минутку, мистер Брюстер. Кажется, вы кое о чем позабыли, – резко, раздраженно сказала она.

– Позабыл? О чем бы это?

– О том, что уйти... дать мне отставку... не можете. Не можете!

Ларри приподнял бровь.

– Не могу?

– По-моему, вам лучше подумать как следует. Подумать и опомниться, пока не поздно.

– Нет, не врубаюсь я в твои намеки, – зевнув, сказал он. – Пойду-ка я лучше домой, к себе, в квартирку из трех комнаток, и спать завалюсь. Устал – сил нет.

– Быть может, вы вправду забыли? – прорычала Эллисон. – Забыли, что не вполне реальны и существуете только как часть моего мира?

– О господи! Снова та же вольтка...

– Уж лучше подумайте об этом, прежде чем взять и уйти. Вы, мистер Брюстер, существуете только ради моего блага. Не забывайте: этот мир мой! Возможно, в мире, принадлежащем вам, дела обстоят по-другому, но этот принадлежит мне, и здесь все происходит, как я захочу!

– Ну, все. Бывай, – только и сказал Ларри Брюстер.

– Вы... вы все же уходите?

Ларри Брюстер, на секунду задумавшись, неторопливо покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Нет, пожалуй, я передумал. От тебя как-то слишком уж много расстройств. Я остаюсь. Уходишь ты.

В тот же миг над Эллисон Холмс беззвучно сомкнулся, окутал ее величавой сияющей аурой невесть откуда взявшийся шар – сфера из ясного, лучистого света. Еще миг – и шар, с легкостью оторвав мисс Холмс от земли, устремился вверх, поднялся выше крыш и понес ее в вечернее небо.

Нисколько не удивившись, Ларри Брюстер безмятежно смотрел ей вслед. Постепенно светящийся шар с мисс Холмс внутри померк, помутнел и вскоре исчез, превратившись в крохотную, неяркую искорку на темном фоне небес. Вместе с ним исчезла, сгинула и Эллисон Холмс.

Долгое время Ларри Брюстер, машинально почесывая подбородок, в глубоких раздумьях стоял посреди улицы. Ясное дело, по Эллисон он будет скучать. В каком-то смысле она ему нравилась, а первое время с ней было даже забавно. Что ж, теперь ее унесло, а почему? Да потому что в этом мире Эллисон Холмс существовала только отчасти. Та, с кем Ларри познакомился накануне, та, кого он принимал за Эллисон Холмс, оказалась лишь видимостью, фантомом, образом, далеким от полноты.

Но тут вспомнилось еще кое-что: в тот миг, когда сияющий шар понес Эллисон ввысь, он успел мельком разглядеть за ее плечом другой мир – мир, очевидно принадлежащий одной

только ей и устроенный полностью на ее вкус. Здания там уж точно казались неприятно знакомыми: пожалуй, этот жуткий особняк Ларри не забудет до конца дней...

Выходит, Эллисон все-таки была настоящей, реальной, действительно существовала в мире Ларри, пока ей не пришло время отправиться в собственный? Интересно, отыщет ли она там другого Ларри Брюстера, со всех сторон ей подходящего?

При этой мысли он невольно вздрогнул. Честно говоря, пережитое несколько выбило его из колеи.

– И ведь с чего бы? – негромко пробормотал Ларри.

Из глубин памяти сами собой всплыли другие малоприятные происшествия, которые неизменно со временем оборачивались новыми радостями: ведь не случись их, как оценить в полной мере другие, приятные, впечатления?

– А, ладно, – вздохнув, рассудил Ларри. – Что ни делается, все к лучшему.

Сунув руки в карманы, он неторопливо побрел домой, нет-нет да поднимая взгляд к небу, будто затем, чтоб окончательно, бесповоротно убедиться...

Вылазка на поверхность

Оставив третий ярус, Харл как раз успел вовремя перехватить вагонетку, идущую на север. Она на полной скорости помчалась через одну из огромных стыковочных сфер, ко спуску на пятый ярус. Снаружи, за окном, замелькали восхитительные картины – толпы прохожих, витрины магазинов, затейливая смесь деловой жизни середины периода с праздной суетой.

Но вот стыковочная сфера осталась позади. Вылетев из туннеля, вагонетка стремительно понеслась по просторам пятого, индустриального, яруса, который раскинулся под всеми остальными словно гигантский, покрытый коростой сажии осьминог, брошенный гуляками посреди мостовой по завершении буйств и проказ карнавальная ночь.

Сверкающая вагонетка вытолкнула пассажира и помчалась дальше, исчезая в тоннеле. Ловко приземлившись на приемную полосу, Харл пробежал вдоль нее, погасил инерцию – и не споткнулся, даже не присел, только слегка качнулся вперед.

Спустя еще пару минут он подошел к месту службы отца и поднял ладонь вверх. Кодовая дверь послушно скользнула вбок. С бешено бьющимся от волнения сердцем Харл переступил порог. Время пришло. Решающий момент близок.

Сообщение о приходе сына застало Эдварда Бойнтон в технологическом отделе, за изучением проекта нового робота – автоматической самоходной буровой установки.

– Я скоро вернусь, – сказал Бойнтон проектировщикам и, миновав стройный ряд рабочих столов, направился к пандусу, ведущему в собственный кабинет.

– Хелло, пап! – расправив плечи, воскликнул Харл.

Отец с сыном хлопнули ладонью о ладонь, и Харл неторопливо сел.

– Как дела, пап? – спросил он. – Похоже, ты ждал меня.

Эдвард Бойнтон также уселся за стол.

– Что тебе здесь нужно? – строго спросил он. – Ты ведь знаешь: я крайне занят.

Харл слегка напряженно улыбнулся отцу. Рослый, широкоплечий, голубоглазый, с густыми светлыми волосами, облаченный в коричневый мундир индустриального проектировщика, Эдвард Бойнтон возвышался над ним, словно крепостная башня. Подавшись вперед, он холодно, жестко взглянул на мальчишку, но тот не дрогнул, не отвел взгляд.

– Мне в руки чисто случайно попала кое-какая информация, – заговорил он, но тут же встревоженно оглядел комнату. – Твой кабинет не прослушивается?

– Разумеется, нет, – заверил его Бойнтон-старший.

Харл несколько успокоился.

– Ни трансляции, ни лишних ушей? – уточнил он и нетерпеливо подался к отцу. – Хорошо. Мне стало известно, что ты и еще несколько сотрудников твоего отдела вскоре собираваетесь подняться на поверхность. Устроить вылазку. Охоту на сапов.

Эд Бойнтон помрачнел.

– От кого ты об этом услышал? – спросил он, смерив сына пристальным взглядом. – Неужели кто-то из моего отдела...

– Нет, – поспешно перебил его Харл. – Никто из ваших не проболтался. Информацию я получил сам, в ходе решения учебных задач.

Вот теперь Эду Бойнтону все сделалось ясно.

– Понимаю. Вы экспериментировали с врезкой в каналы связи и слушали конфиденциальные линии. Этому вас, связистов, обучают тоже.

– Совершенно верно. И мне посчастливилось наткнуться на твой разговор с Робинотом Тернером. Касательно вылазки.

Атмосфера в кабинете разом сделалась куда как непринужденнее. Успокоенный, Эд Бойнтон с облегчением откинулся на спинку кресла.

– Дальше, – велел он.

– Чистая случайность. Я прослушал десяток, а то и дюжину линий, задерживаясь на каждой не больше секунды. При помощи оборудования Лиги Юношества. Твой голос узнал сразу, а потому дослушал разговор до конца.

– Значит, ты слышал бо2льшую его часть.

Харл кивнул.

– Пап, а когда именно вы отправляетесь? Точная дата уже назначена?

Эд Бойнтон нахмурил брови.

– Нет, – ответил он, – не назначена. Отправимся где-нибудь на этой неделе. У нас почти все готово.

– В каком составе? – спросил Харл.

– Одна десантная матка и около трех десятков яиц. Все, что имеются в распоряжении отдела.

– Три десятка яиц? Выходит, человек шестьдесят-семьдесят.

– Верно, – подтвердил Эд Бойнтон, испытующе глядя на сына. – То есть вылазка не из масштабных. Никакого сравнения с некоторыми рейдами Директората за последние несколько лет.

– Но для одного отдела довольно масштабная.

Взгляд Эда Бойнтона дрогнул, вильнул в сторону.

– Будь осторожен, Харл. Неосмотрительная болтовня при посторонних может...

– Знаю. Потому и запись вырубил сразу же, как только понял, о чем речь. Я же понимаю, чем кончится, если в Директорате узнают, что один из отделов затевает вылазку на поверхность без их одобрения... для собственных фабрик.

– Вот как? Действительно понимаешь?

– Один десантный корабль и тридцать яиц! – воскликнул Харл, пропустив отцовское замечание мимо ушей. – Значит, на поверхности вы проведете около сорока часов?

– Примерно. Смотря насколько нам повезет.

– Сколько сапов рассчитываете добыть?

– Нам требуется по меньшей мере две дюжины, – ответил Бойнтон-старший.

– Мужчин?

– В основном. Несколько женщин не помешают тоже, но главная задача – мужчины.

– Полагаю, для предприятий тяжелой промышленности, – рассудил Харл, расправив плечи и смерив пристальным взглядом отца. – Хорошо. С вылазкой разобрались, и теперь я могу перейти к делу.

Бойнтон, разом утратив все благодушие, вскинулся, настороженно сощурил глаза.

– К делу? К какому именно?

Подавшись к нему, Харл склонился над столом и заговорил резко, настойчиво:

– К тому самому, с которым я пришел сюда. Я иду на поверхность с тобой. С вами. Мне очень нужно добыть двух-трех сапов. Для себя.

Измученный, Эд Бойнтон ненадолго утратил дар речи, но тут же расхохотался от всей души.

– Да что ты говоришь? И многое ли тебе известно о сапах?

Дверь в заднюю комнату бесшумно скользнула вбок. Быстрым шагом войдя в кабинет, Робин Тернер сел за стол рядом с Бойнтоном.

– Наверх его брать нельзя, – бесстрастно сказал Тернер. – Его присутствие десятикратно повысит риск.

Харл перевел взгляд на отца.

– Выходит, нас все-таки слушали.

– Разумеется. Тернер всегда начеку, – кивнул Эд Бойнтон, задумчиво глядя на сына. – Итак, зачем тебе с нами?

Харл поджал губы.

– Это уж мое дело.

– Эмоциональная инфантильность, – проскрежетал Тернер. – Субрациональное подростковое влечение к остроте ощущений. К приключениям. Такие, как он, неспособные полностью отторгнуть рудименты прежней психологии, пусть редко, однако еще встречаются. Казалось бы, за две сотни лет можно и...

– Это правда? – строго спросил Бойнтон. – Тобой действительно движет инфантильное стремление взглянуть на поверхность?

– Возможно, – признался Харл, слегка покраснев.

– Нет, тебе с нами нельзя, – категорически подытожил Эд Бойнтон. – Наверху слишком опасно, и мы идем туда вовсе не ради увлекательных приключений. Рейд – это работа. Грязная, тяжкая и хлопотная. Сапы раз от раза становятся бдительнее, и привезти домой полный груз все труднее и труднее. Жертвовать местом в яйце ради романтических глупостей мы не...

– Знаю, ловить сапов становится тяжелее, – перебил его Харл. – Мне ни к чему объяснять, что набрать полный груз стало практически невозможно. А еще я...

Осекшись, он вызывающе взглянул на отца с Тернером и, тщательно подбирая каждое слово, продолжил:

– А еще я знаю, что именно по этой причине Директорат считает самовольные вылазки тяжким преступлением против основ государственности.

В кабинете воцарилась мертвая тишина.

Наконец Эд Бойнтон вздохнул и вновь – неторопливо, с невольным восхищением – смерил взглядом сына.

– О'кей, Харл. Ты победил, – сказал он.

Тернер молчал. Лицо его отвердело как камень.

Харл вскочил с кресла.

– Значит, договорились. Я возвращаюсь к себе, собираться. Как только будете готовы к отправке, сразу же известите меня, и я встречусь с вами на стартовой платформе первого яруса.

Бойнтон-старший отрицательно покачал головой.

– Стартуем не с первого яруса. Это слишком рискованно, – глухо сказал он. – Там все вокруг кишит патрульными из охранной службы Директората. Корабль у нас здесь, на пятом ярусе, в одном из складов.

– Где же вас тогда искать?

Эд Бойнтон неторопливо поднялся на ноги.

– Мы оповестим тебя, Харл. Обещаю, ждать придется недолго. Самое большее пару периодов. Будь у себя, в общежитии.

– А поверхность точно остыла полностью? – спросил он. – Радиоактивных участков там не осталось?

– Поверхность остыла полностью еще пятьдесят лет назад, – заверил его отец.

– Тогда насчет антирадиационного щита можно не беспокоиться, – рассудил Харл. – И еще одно, пап. На каком языке с ними разговаривать? Наш обычный подойдет или?..

В ответ Эд Бойнтон покачал головой:

– Нет. Какой-либо из рациональных семантических систем сапы так и не овладели. Придется возвращаться к древним, традиционным формам.

Харл приуныл.

– Но я же не знаю ни одной из традиционных форм языка. Их больше не преподают.

– Это не помешает, – пожав плечами, ответил Эд Бойнтон.

– А что у них с обороной? Какого рода оружие брать? Экрана и лучевой винтовки достаточно?

– Действительно необходим только экран, – пояснил Бойнтон-старший. – Увидев нас, сапы обычно разбегаются врассыпную. Один взгляд – и улепетьваются со всех ног.

– Прекрасно, – подытожил Харл и двинулся к выходу. – Значит, экран проверю от и до. Все. Возвращаюсь на третий ярус и жду сигнала. Снаряжение подготовлю немедленно.

– До встречи, – откликнулся Эд Бойнтон, вместе с Тернером провожая мальчишку взглядом.

– Ну и парень растет, – проворчал Тернер, как только за Харлом затворилась дверь.

– Да, это точно, – негромко поддержал его Эд Бойнтон, задумчиво почесывая подбородок. – Вырастет – далеко пойдет. Вот только как он поведет себя на поверхности, во время вылазки?

* * *

С командиром своей группы Харл встретился на третьем ярусе, спустя час после того, как вышел из отцовского кабинета.

– Значит, все решено? – спросил Фасхолд, оторвавшись от катушек с отчетами.

– Все решено. Как только корабль будет готов к отправке, мне дадут знать.

– Кстати, – заметил Фасхолд, отложив катушки и отодвинув в сторону считыватель, – я тут выяснил кое-что насчет сапов. Мне, как одному из командования Лиги Юношества, предоставлен доступ к архивам Директората. Так вот, того, что я там откопал, не знает, по сути дела, больше никто.

– Что же ты там нашел? – заинтересовался Харл.

– А вот что. Оказывается, сапы с нами в родстве. Вид, конечно, другой, однако к нашему очень близок.

– Это как??? – изумился Харл.

– Когда-то на свете существовал только один вид – сапы. «Гомо сапиенс», если полностью. А мы произошли, отпочковались от них. Мы – биогенетические мутанты. Начало переменам было положено во время Третьей мировой войны, два с половиной столетия тому назад. До тех пор нас, техно, не существовало. Ни одного.

– «Техно»?

Фасхолд улыбнулся.

– Так называли нас в самом начале. Считали попросту новым срезом общества, новым классом, а не обособленной расой. Техно... такое нам дали прозвище. Так нас величали повсюду.

– Но почему, Фасхолд? Откуда такое странное прозвище? Почему «техно»?

– Потому что первые мутанты появились среди выходцев из технократических кругов, а затем вообще во всех образованных слоях общества. Среди математиков, лингвистов, геологов, педагогов – любых научных работников.

– И сапы не поняли...

– Сапы, как я уже говорил, считали нас всего лишь новым классом. Новым сословием. Так продолжалось во время Третьей мировой и после. Окончательно сформировались, стали явственно, кардинально иными мы только с началом Последней войны. Тут уже всем сделалось очевидно: нет, мы – не просто одна из множества боковых ветвей гомо сапиенс. Не просто социальная прослойка, состоящая из людей, образованных лучше прочих, обладающих много большим интеллектуальным потенциалом...

Сделав паузу, Фасхолд устремил взгляд вдаль.

– Во время Последней войны мы вышли на первый план, проявили себя в полной мере как высший биологический вид, призванный заменить, вытеснить гомо сапиенс, в свое время точно таким же образом вытеснивших неандертальцев.

Харл призадумался над услышанным.

– Мне даже в голову не приходило, что мы с ними в таком близком родстве... и появились совсем недавно.

Фасхолд кивнул.

– Да, существуем мы всего-то два века, со времен величайшей войны, опустошившей поверхность планеты. Большинство наших работали в огромных подземных лабораториях, на заводах и фабриках, скрытых в недрах самых разных горных систем – Урала, Альп, Скалистых гор, защищенных целыми милями камня, земли и глины. Тем временем гомо сапиенс выясняли между собой отношения на поверхности, при помощи изобретенного и изготовленного нами оружия.

– Кажется, понимаю. Мы сконструировали им оружие для ведения войн. И гомо сапиенс пустили наше оружие в ход, не сознавая, что...

– Именно. Мы дали им оружие, а сапы с его помощью уничтожили сами себя, – подтвердил Фасхолд. – Природа не знает жалости: отжившие свое виды сгорают в ее горниле, уступая место новым. Вот и сапы, получив от нас оружие, попросту истребили друг друга почти без остатка. Последняя война выжгла поверхность планеты дотла. К ее концу наверху не осталось ничего, кроме пепла, шлака, спекшегося в гидроглас, да туч радиоактивной пыли. Отряды разведчиков, отправленные на поверхность из подземных лабораторий, всюду встречала безмолвная, безжизненная пустыня. На том дело и завершилось. Погубившие сами себя, сапы исчезли, а на смену им пришли мы.

– Но ведь война истребила не всех, – заметил Харл. – На поверхности их еще вон как много.

– Действительно, – признал Фасхолд, – некоторым удалось уцелеть. Но это лишь разрозненные остатки. Со временем, как только поверхность остыла, сапы снова начали собираться вместе, строить хижины, небольшие селения, и – да, даже расчищать землю, сажать деревья, возделывать поля. Однако при всем этом они – не более чем остатки отжившей свое, практически вымершей расы. Судьбы неандертальцев им не избежать.

– Выходит, от сапов остались только кучки разобщенных мужчин и женщин без крыши над головой?

– Там, где им удалось расчистить поверхность, имеются немногочисленные поселения. Однако сапы скатились в абсолютную дикость: живут будто животные, одеваются в звериные шкуры, охотятся при помощи камней и копий. Уподобившиеся зверям, они не способны оказать организованного сопротивления нашим отрядам, когда мы устраиваем облавы в их поселениях, восполняя нехватку рабочих на фабриках.

– Значит, мы...

Негромкий звон. Мгновенно осекшись, Харл развернулся и в нетерпении щелкнул клавишей видеофона.

На экране возникло суровое, напряженное лицо отца.

– О'кей, Харл, – сказал Эд Бойнтон, – у нас все готово.

– Как, уже?! Но ведь...

– Время подъема решили перенести, не затягивать. Спускайся. Жду у себя в кабинете. Изображение померкло, и экран вновь потемнел.

Харл замер от изумления.

– Забеспокоились, – с усмешкой пояснил Фасхолд. – Наверное, опасаются, как бы ты не сообщил куда следует.

* * *

– Ну вот я и готов, – объявил Харл, подхватив со стола лучевую винтовку. – Как выгляжу? В серебристом, с иголки, мундире службы связи, в перчатках и тяжелых армейских башмаках, с винтовкой в руке выглядел он очень и очень внушительно. Талию мальчишки перехватывал пояс защитного экрана.

– А это что? – спросил Фасхолд, стоило Харлу сдвинуть со лба на глаза темные очки-«консервы».

– Это? А-а, это от солнца.

– Ну да, конечно... от солнца. Я и забыл.

Харл взвесил в руках винтовку, ловко перекинул ремень через плечо.

– На солнце ослепнуть недолго. Очки защищают глаза. При оружии, с экраном и в этих очках мне наверху никакие опасности не страшны.

– Надеюсь! – Ослабившись, Фасхолд от души хлопнул направляющегося к выходу Харла по плечу. – Удачи! Налови там сапов побольше, покажи себя... и девчонку хоть одну прихватить не забудь!

* * *

Округлая, пухлая черная капля десантного корабля, медленно выдвинувшись из складских ворот, остановилась на площадке подъемника. Люки бортовых шлюзов скользнули в сторону, к проемам потянулись ленты конвейеров, и в чрево корабля непрерывным потоком хлынули грузы – припасы и снаряжение.

– Еще немного, и отбываем, – сказал Тернер, нервно кусая губы, наблюдавший за погрузкой сквозь смотровые иллюминаторы. – Надеюсь, все пройдет гладко. Если в Директорате проносятся...

– Отставить волнения! – распорядился Эд Бойнтон. – Не время сейчас идти на поводу у таламических импульсов.

– Виноват.

Стиснув зубы, Тернер отошел от иллюминаторов. Вскоре платформу подъемника приготовили к отправке вверх.

– Поехали, – велел Бойнтон. – Наши люди по всем ярусам распределены?

– Поблизости от подъемников, кроме сотрудников отдела, не окажется никого, – заверил его Тернер.

– Где основная часть команды? – спросил Бойнтон.

– На первом ярусе. Отправлена туда еще днем.

– Прекрасно.

Бойнтон подал сигнал, и площадка подъемника под днищем корабля медленно, плавно двинулась вверх, унося их к следующему ярусу.

Приникнув к смотровому иллюминатору, Харл во все глаза глядел, как пятый ярус уходит вниз, а наверху, впереди, появляются из темноты огни четвертого яруса, необъятного коммерческого центра подземного города.

– Надолго подъем не затянется, – сказал Эд Бойнтон, как только четвертый ярус тоже остался внизу. – Пока все нормально.

– А где мы в итоге окажемся? – спросил Харл.

– На поздних стадиях войны наши подземные сооружения были соединены туннелями и с поверхностью, и между собой. Их сеть послужила основой современной подземной системы.

Мы направляемся к одному из тех, изначальных, входов, а находится он в границах горного массива под названием «Альпы».

– Альпы, – негромко пробормотал Харл.

– Да. То есть наружу мы выйдем в Европе. У нас есть карты поверхности, где обозначены поселения сапов в данном регионе. Целая группа их поселений расположена к северу и северо-востоку от входа, на территориях бывших Германии и Дании. Рейдов туда мы до сих пор не устраивали. В этом районе сапы ухитрились расчистить от шлака несколько тысяч акров земли и постепенно осваивают, возвращают себе бо2льшую часть Европы.

– Но чего ради, пап? – спросил Харл.

Эд Бойнтон пожал плечами:

– Не знаю. Похоже, они не ставят перед собой каких-то определенных, далеко идущих целей. Мало этого, они вообще не проявляют никаких признаков выхода из дикого состояния. Все их традиции – книги и документы, изобретения и технологии – утрачены навсегда. На мой взгляд...

Но тут он осекся на полуслове.

– Так, вот и третий ярус. Мы почти у цели.

* * *

Громада десантной матки, рокоча двигателями, неторопливо скользила над поверхностью разоренной планеты. Харл замер у иллюминатора, в благоговейном страхе глядя наружу, вниз.

Всю землю, насколько хватало глаз, покрывала корка спекшегося шлака, бескрайний панцирь из почерневшего в пламени камня. Над панцирем гидрогласса не возвышалось ничего, кроме отдельных островерхих, сплошь устланных пеплом холмов с редкими кустиками, проросшими у самых вершин. В небе лениво, затмевая солнце, клубились огромные тучи пепла, но на земле... на земле – ни движения. Минувшая война превратила поверхность планеты в мертвую, бесплодную пустыню без единого признака жизни.

– Здесь, наверху, везде так? – спросил Харл.

Эд Бойнтон покачал головой:

– Нет, не везде. Кое-что сапы все же расчистили.

Схватив сына за плечо, он указал вдаль:

– Видишь, вон там? Изрядный участок без шлака.

– И как они с ним только справляются? – спросил Харл, недоуменно покачав головой.

– Да, дело нелегкое, – подтвердил отец. – От взрывов водородных бомб шлак спекся, будто вулканическое стекло, потому мы и называем его «гидрогласс». Сапы удаляют его по кусочкам, год за годом, год за годом... причем вручную – где камнями, где топорами из того же гидрогласса.

– А отчего они не изобретут инструмент получше?

Эд Бойнтон криво, невесело усмехнулся.

– Ответ ты знаешь сам. Бо2льшую часть инструментов, оружия и прочих изобретений делали для них мы. Не одну сотню лет.

– Ну вот, – сказал Тернер. – Снижаемся.

Корабль, опустившись вниз, мягко лег на поверхность шлака. Почерневший камень зарокотал, дрогнул под его тяжестью, и вокруг вновь сделалось тихо.

– Сели, – констатировал Тернер.

Эд Бойнтон принялся изучать карту поверхности. Заправленная в считыватель карта задергалась, двигаясь из стороны в сторону.

– Для начала отправим десяток яиц на разведку. Не посчастливится здесь, сместимся дальше к северу, но я думаю, в этом надобности не возникнет. Здесь облав не устраивали еще никогда.

– Яйца как разошлем? – спросил Тернер.

– Отправим вперед, веером, и каждому будет отведен свой район. Сами возьмем курс вон туда, вправо. В случае хоть какого-нибудь успеха сразу вернемся к кораблю, а иначе будем вести поиск до сумерек.

– До сумерек? – переспросил Харл.

– То есть до темноты, – улыбнувшись, пояснил Эд Бойнтон. – До тех пор, пока планета не повернется к солнцу другой стороной.

– Начнем поскорее, – с нетерпением буркнул Тернер.

Бортовые люки отворились, и первые яйца покатали наружу, глубоко впиваясь гусеницами в стеклянистую, скользкую корку спекшегося шлака. Одно за другим появлялись они из черного брюха десантной матки – крохотные, округлые, с плавно переходящей в реактивные сопла кормой и притупленной нашлепкой водительской башенки на носу. Взревев двигателями, яйца срывались с места и исчезали из виду.

– Следующее – наше, – предупредил Эд Бойнтон.

Харл кивнул, крепче стиснул лучевую винтовку и сдвинул на глаза защитные очки. Тернер с Бойнтоном сделали то же. Один за другим все трое залезли в яйцо, и Бойнтон сел за пульт управления.

Не прошло и минуты, как яйцо стремительно вынесло их на ровную, гладкую поверхность планеты.

Выглянув наружу, Харл не обнаружил вокруг ничего, кроме тянущегося во все стороны шлака. Спекшийся шлак, клубящиеся тучи пепла...

– Мрачно здесь как, – пробормотал он. – И солнце глаза жжет даже сквозь очки.

– Тогда не смотри на него, – посоветовал Эд Бойнтон. – Смотри в сторону.

– Я понимаю, только поделаться с собой ничего не могу. Так... странно, так непривычно все.

Эд Бойнтон, досадливо крякнув, прибавил ходу. Вскоре на горизонте, вдали, замаячило нечто новое, и он направил яйцо туда.

– Что там? – заволновался Тернер.

– Деревья, – ободряюще ответил Бойнтон-старший. – Деревья, растущие группой. Граница области шлака. За ней начнутся россыпи пепла и, наконец, поля, разбитые сапами.

Подъехав к краю шлаковой корки, он остановил яйцо у самых деревьев, выключил реактивные двигатели и заблокировал гусеницы. С опаской, держа наготове оружие, все трое – он, Тернер и Харл – выбрались из яйца.

Снаружи их встретила мертвая тишина. Ни звука, ни движения – только бескрайняя корка шлака до самого горизонта. Сквозь прорехи среди густых пепельных туч виднелось бледное, белесо-голубое небо и пара облаков атмосферной влаги, плывущих вдаль вслед за клубами пепла. Пахло вокруг приятно, свежо, солнце ласково, дружелюбно грело спину и плечи.

– Включите экраны, – напомнил Эд Бойнтон.

С этими словами он щелкнул тумблером на поясе. Экран Бойнтон негромко загудел, засверкал, окутав его с головы до ног. Тело Бойнтон-старшего тут же утратило четкость, подернулось рябью, поблекло и вовсе исчезло.

Его примеру незамедлительно последовал Тернер.

– О'кей, – прозвучал его голос из мерцающего овала по правую руку от Харла, – теперь ты.

Харл тоже включил экран. На миг его словно бы окатило странным ледяным огнем, окутало облаком искр, а в следующую секунду его тело также подернулось рябью, потускнело и сделалось невидимым. Экраны работали безупречно.

В ушах зазвучали негромкие, мерные щелчки – сигналы, предупреждающие, что рядом находятся еще двое.

– Мне вас слышно, – сказал Харл. – Наушники ловят сигнал ваших экранов.

– Не отходи далеко, – предостерег его Эд Бойнтон. – Слушай сигналы и держись возле нас. Разделяться здесь, наверху, крайне опасно.

Харл с осторожностью двинулся вперед. Отец с Тернером шли в нескольких ярдах правее. За деревьями началось поле, сплошь заросшее какими-то желтыми, высохшими растениями. Высокие сухие стебли ломались, похрустывали под ногами. За спиной Харла тянулся след, полоска вытоптанной растительности. Еще два точно таких же явственно различимых следа оставляли идущие рядом Тернер с отцом.

Однако сейчас от них нужно было ускользнуть. Вот впереди показалось селение сапов – очертания хижин, сооруженных из какого-то растительного волокна, наваленного горами поверх деревянных остовов. Вскоре Харл смог разглядеть и смутные силуэты животных, привязанных возле хижин. Селение окружали со всех сторон деревья и прочие растения, среди хижин мелькали фигуры людей, ветерок нес к полю их голоса.

Люди... сапы!

Сердце в груди забилось быстрее. Если повезет, Харл сумеет изловить и привезти с собой, для Лиги Юношества, троих, а может, и четверых! При виде их поселения он сразу же воспрял духом и забыл обо всех своих страхах. Похоже, трудностей ждать не стоило. Засеянные поля, животные на привязи, покосившиеся хижины, готовые рухнуть от любого толчка...

Вблизи вонь навоза, разогретого жарким предвечерним солнцем, сделалась практически невыносимой. Крики и прочий шум, сопровождающий кипучую деятельность, становились все громче и громче. Сухую, ровную землю впереди покрывали ковром всевозможные травы. Миновав желтое поле, Харл вышел к узкой тропинке, густо заваленной пищевыми отбросами и пометом животных.

Сразу же за тропинкой начиналось селение.

По пути через поле щелчки в наушниках неуклонно стихали, а теперь исчезли совсем. Весьма довольный собой, Харл усмехнулся. Отсутствие сигнала означало, что он успешно ускользнул от Тернера с Бойнтоном, и те представления не имеют, где его искать.

Свернув влево, он осторожно двинулся дальше, вдоль границы селения, миновал одиноко стоящую хижину, затем еще несколько хижин, притулившихся одна к другой. Вокруг густо теснились, зеленели деревья вперемешку с прочей растительностью, а прямо впереди поблескивал узенький ручеек с пологими, поросшими мхом берегами.

У берега ручейка старательно мылись около дюжины человек. Детишки с визгом прыгали в воду и тут же карабкались на берег.

Подойдя ближе, Харл остановился, замер от изумления. Кожа сапов оказалась смуглой, темной едва ли не до черноты – угольной, глянцевой черноты, отливающей медью. Оттенок бронзы, смешанной с плодородной землей... Может быть, это грязь?

Однако в следующую секунду Харлу сделалось ясно: купальщики попросту дочерна загорели, ведь они постоянно на солнце! Взрывы водородных бомб изрядно истончили, иссушили атмосферу, спалив бо́льшую часть облачного покрова планеты, и солнце немилосердно палит сапов вот уже две сотни лет – в отличие от его собственной расы. Глубоко под землей нет ультрафиолетового излучения, обжигающего кожу, повышая ее пигментацию, а потому и Харл, и прочие техно утратили цвет кожи. В подземном мире он попросту ни к чему.

Другое дело – эти купающиеся детишки. Их кожа приобрела невероятно темный, насыщенный красновато-черный оттенок. Мало этого: одежды на них не было никакой. Все они увлеченно скакали, прыгали в воду, плескались в ручье, нежились в лучах солнца на берегу.

Какое-то время Харл наблюдал за ними. Детишки и с ними три... нет, четыре тщедушные женщины преклонных лет. Может, эти сойдут? Нет, не то. Все не то.

Покачив головой, он с осторожностью обогнул ручей и двинулся обратно, в селение. К хижинам он приближался неторопливо, зорко поглядывая по сторонам, держа оружие наготове.

Легкий бриз, дувший навстречу, шелестел ветвями деревьев по правую руку. Крики купающихся детишек, громкие всплески, резкий запах навоза, ветер, колышущиеся ветви... новизна впечатлений здорово сбивала с толку.

Между тем забываться вовсе не стоило. Невидимость невидимостью, однако Харл понимал, что в любой момент может быть обнаружен – к примеру, по оставленным следам, либо по нечаянно поднятому шуму, а уж если на него кто-то внезапно наткнется, и подавно.

Крадучись, он проскользнул мимо ближайшей хижины и вышел на открытое место, на ровный, утоптаный множеством ног пяточок земли. В тени хижины, растянувшись на брюхе, спал пес. Шерсть на его поджарых боках кишела блохами. Сидевшая на крыльце неуклюжей постройки старуха расчесывала костяным гребнем длинные седые волосы.

Харл осторожно обогнул ее и двинулся дальше. Посреди утоптанного пяточка стояли кучкой несколько юношей, наперебой обсуждавших что-то, подкрепляя слова множеством выразительных жестов. Некоторые чистили оружие – длинные копья, ножи невообразимо примитивной работы. У их ног на земле лежало убитое животное, огромной величины зверь с длинными, поблескивавшими на солнце клыками, покрытый густой, жесткой шерстью. Из пасти зверя лениво сочилась темная малиново-алая кровь. Внезапно один из юношей, обернувшись, от души лягнул тушу пяткой.

Подойдя к юношам, Харл остановился. Одежда – штаны и рубахи из грубой ткани, на ногах вместо башмаков – редкого плетения сандалии, защищающие только подошвы, оставляя открытым подъем стопы. Лица дочиста выбриты, кожа поблескивает, глянцевито, словно черное дерево. Засученные рукава рубах обнажают лоснящиеся бугры мускулов, тела взмокли от пота под жарким солнцем...

О чем идет разговор, Харл не понимал, но был уверен, что говорят они на одном из архаических традиционных наречий.

Поразмыслив, он направился дальше. У другого края утоптанного пяточка кружком, скрестив ноги, сидели старики, ткавшие грубый холст на примитивных станках в виде рамки. Снова остановившись, Харл какое-то время понаблюдал и за ними. Вскоре в ушах зазвенело от их болтовни, однако за разговорами никто из стариков ни на миг не прерывал работы – даже взгляда от рамки не отводил.

За выстроенными в ряд хижинами мужчины и женщины средних лет пахали поле, волоча за собой плуг при помощи веревок, надежно обвязанных вокруг пояса или груди.

Увиденное завораживало. Все вокруг, все до единого, заняты делом, кроме разве что пса, спящего под стеной хижины! И юноши с копьями, и старуха, расчесывающая волосы на крыльце, и ткачи...

А вон там, в уголке, невообразимо толстая женщина учит ребенка сложению и вычитанию, вместо цифр обозначая числа палочками длиной в мизинец. А двое мужчин неподалеку свежую тушку какого-то небольшого пушистого зверька, бережно сдирая шкуру...

Отойдя от стариков, Харл миновал целую стену из шкур, аккуратно развешанных для просушки. Удушливая вонь раздражала ноздри так, что постоянно хотелось чихнуть. За шкурами кучка детишек толкла в выдолбленном изнутри камне зерно, перемалывая зерна в муку. Проходящего мимо Харла ни один из них не заметил – даже взгляда никто не поднял.

Дальше ему на глаза попало небольшое стадо животных, привязанных рядышком – крупных, с огромным выменем. Одни стояли, мерно жуя, другие лежали в тени. Появление Харла их ничуть не встревожило.

У края поселения Харл остановился. Здесь начинались, тянулись вдаль примерно на милю пустынные поля. Дальше возвышались кусты и деревья, а позади них простирались бескрайние, бесконечные мили спекшегося шлака.

Развернувшись, Харл двинулся назад. Один из юношей, сидевший в сторонке, в тени, усердно трудился над куском гидрогласса, осторожно обкалывая, заостряя его при помощи пары простых, грубой выделки инструментов. Похоже, он превращал гидрогласс в оружие, но как же медленно! Удар за ударом, удар за ударом, осколок за осколком, чешуйка за чешуйкой... Спекшийся шлак поддавался с трудом. Кропотливой работы юноше предстояло немало.

Полюбовавшись, Харл пошел дальше. Возле соседней хижины несколько женщин чинили сломанные стрелы. Какое-то время их оживленная болтовня преследовала Харла по пятам, и он неожиданно для себя самого пожалел о том, что не понимает их. Все вокруг занимались делом, работали слаженно, с душой; блестящие темные руки так и сновали вверх-вниз, гомон множества голосов не смолкал.

Работа. Веселье и смех...

Внезапный взрыв детского хохота, разнесшегося над селением, заставил нескольких человек обернуться. Склонившись пониже, Харл внимательно оглядел одного из мужчин, сидевшего совсем рядом.

Открытое, мужественное лицо, мелко вьющиеся волосы острижены накоротко, зубы ровные, белые... Руки его украшали браслеты из бронзы почти того же оттенка, что и бронзово-смуглая кожа, на обнаженной груди пестрели узоры татуировок, выколотых при помощи каких-то ярких, разноцветных пигментов.

Осмотрев все селение, Харл двинулся назад тем же путем, которым пришел. Возле старухи на крыльце хижины он вновь задержался, чтобы еще раз взглянуть на нее. Покончив с собственными волосами, старуха приводила в порядок волосы девочки лет пяти, умело заплетая их в затейливую косу на затылке. Харл, замерев, уставился на нее словно завороченный. Необычайно сложное, хитроумное занятие обещало затянуться надолго. Поглощенная кропотливой работой, старуха не сводила выцветших глаз с волос девочки, а ее пальцы – иссохшие, узловатые – так и мелькали в воздухе.

Вернувшись к ручью, Харл снова прошел мимо купающихся детишек. К этому времени все они выбрались из воды и теперь обсыхали под жарким солнцем. Вот, значит, каковы они, сапы! Вымирающая, гибнущая раса... остатки, осколки вида, обреченного на исчезновение.

Однако на вымирающий вид эти люди несколько не походили. Все они трудились не покладая рук – без усталости, по чешуйкам, отесывали гидрогласс, чинили стрелы, охотились, распахивали поля, мололи зерно, ткали, плели косы...

Внезапно Харл замер на месте как вкопанный, застыл, вскинув к плечу лучемер. Впереди, за деревьями у ручья, кто-то зашевелился. Еще миг, и до него донеслись голоса – мужской и женский. Казалось, сидящие среди деревьев на берегу горячо, оживленно спорят.

Осторожно подойдя ближе, Харл подобрался вплотную к цветущему кусту, раздвинул ветки и заглянул в полумрак меж деревьев.

В густой тени одного из них, у самой кромки воды, сидели мужчина с девушкой. Мужчина лепил миски из глины, горстью черпая ее со дна ручья. Пальцы его порхали в воздухе ловко, проворно, так, что и не уследить, вертели очередную миску на плоском диске между коленями.

Тем временем девушка подхватывала законченные мужчиной миски одну за другой и точными, быстрыми штрихами расписывала их стенки при помощи примитивной, разлохмаченной кисточки, обмакивая ее в какой-то ярко-красный пигмент, а еще...

Еще девушка оказалась потрясающе красивой. Глядя на нее, Харл оцепенел от восторга. Сидела она почти неподвижно, прислонившись спиной к стволу дерева, каждую миску держала осторожно, но уверенно. Ее черные волосы, падавшие на спину и плечи, доставали до самого пояса, черты тонкого, слегка удлиненного лица поражали отчетливостью и правильно-

стью лепки, огромные карие глаза казались бездонными омутами. Пристально изучая каждую миску, она слегка шевелила губами, и Харл отметил, как деликатны, хрупки на вид ее руки.

Ступая осторожнее прежнего, он двинулся к ней. Шел он бесшумно, и девушка ничего не услышала – бровью не повела. В какой-то паре шагов от нее Харл остановился, вновь замер, любуясь ее небольшим, ладно сложенным бронзовым телом и стройными, точеными ножками, однако девушка о его появлении даже не подозревала.

Внезапно мужчина заговорил снова. Она подняла взгляд, отставила миску в сторонку и, на минуту прервав работу, отерла кисть сорванным с ветки листом. Из одежды на ней имелись только грубые холщовые штаны до колен, перетянутые в поясе веревкой, свитой из светло-желтого растительного волокна. Ступни и плечи оставались обнаженными, грудь в лучах предвечернего солнца подрагивала, колыхалась в такт вдохам.

Мужчина сказал еще что-то. Девушка, чуть помедлив, взяла еще одну миску и вновь принялась рисовать. Оба трудились молча, проворно, с головой погрузившись в работу.

Харл пригляделся к мискам. Формой они практически досконально повторяли одна другую. Мужчина быстро лепил их из тонких глиняных колбасок, укладывая колбаски спиралью, виток за витком, все выше и выше. Затем он, смочив глину водой, разглаживал, разравнивал стенки и, наконец, клал миску в ряд других, сушиться на солнце, а девушка, выбирая те, что успели подсохнуть, украшала их росписью.

Долгое время Харл наблюдал за ней, запоминая каждый изгиб бронзово-смуглого тела, напряженную сосредоточенность взгляда, едва уловимые движения губ и подбородка. Пальцы ее оказались на удивление тонкими, длинные ногти, плавно сужаясь, заострялись к концу. Каждую миску она брала аккуратно, привычным движением, мазки наносила уверенно, быстро.

Охваченный любопытством, Харл придвинулся еще ближе. Орнамент на каждой из мисок она рисовала один и тот же, снова и снова: вначале птицу, затем дерево, затем линию, очевидно изображавшую землю, и, наконец, облако, парящее над самой землей.

Какой смысл мог заключаться в этом повторяющемся мотиве? Склонившись к мискам, Харл пригляделся внимательнее. В самом ли деле рисунок каждый раз одинаковый?

Девушка умело расписывала миску за миской, изображая на глине все то же самое, в том же порядке, что и прежде. Действительно, в основе сюжет не менялся нисколько, однако она каждый раз изображала его чуточку по-другому. Двух абсолютно одинаковых мисок среди готовых было бы не найти.

Все это озадачивало и в то же время восхищало Харла до глубины души. Тот же сюжет, но каждый раз хоть чем-то, да отличается от прежнего! Порой менялся цвет птицы, порой – длина ее пышного хвоста, чуть реже – положение дерева либо облака. Как-то девушка вместо одного облака изобразила над землей два поменьше, а землю порой украшали трава или очертания далеких холмов.

Вдруг мужчина, поднявшись на ноги, отер руки тряпицей, что-то сказал девушке, быстрым шагом двинулся сквозь кусты к поселению и вскоре исчез из виду.

Взволнованный, Харл огляделся вокруг. Девушка по-прежнему быстро, безмятежно орудовала кистью. Мужчина куда-то пропал, но она и в одиночестве продолжала работу спокойно, как ни в чем не бывало.

Харла охватили противоречивые, почти неодолимые чувства. Хотелось заговорить с девушкой, расспросить ее о рисовании, об этом сюжете, а главное – выяснить, почему рисунок каждый раз меняется в какой-нибудь из мелочей.

Хотелось сесть рядом. Рассказать что-нибудь, послушать, что скажет она. Странное дело! Откуда все эти стремления? Поди разбери. . . Перед глазами все поплыло, закачалось, помутнело, точно в тумане, затылок и поникшие плечи взмокли от пота. Тем временем девушка продолжала расписывать миски, не поднимая глаз, даже не подозревая, что Харл стоит прямо перед ней. Рука Харла сама собой потянулась к поясу, но тут же замерла. Охваченный нерешим-

тельностью, Харл перевел дух. Хватит ли ему смелости? Стоит ли? Мужчина наверняка вот-вот вернется...

Собравшись с духом, Харл щелкнул тумблером на поясе. Экран вокруг него затрещал, заискрился.

Девушка, вздрогнув, подняла взгляд, в ужасе вытаращила глаза...

И пронзительно завизжала.

Харл, ужаснувшись тому, что натворил, поспешил отступить назад и крепко стиснул винтовку.

Едва не споткнувшись, отшвырнув миски и краски, девушка вскочила с земли. Не сводя с Харла полных ужаса глаз, не в силах хотя бы закрыть рот, она шаг за шагом попятилась назад, коснулась спиной кустов, развернулась и со всех ног, с громким визгом помчалась прочь сквозь заросли.

Охваченный страхом, Харл выпрямился и поспешил включить защитный экран. В селекции поднялась суматоха, однако панические вопли тут же сменились частым топотом множества ног и треском кустарника – очевидно, на помощь девушке, миг побросав дела, устремились все до единого.

Поспешно спустившись к ручью, Харл выбрался из кустов на открытое место... и тут же замер. Сердце в груди застучало с бешеной частотой. К ручью мчалась целая толпа сапов – мужчины с копьями, старухи, истошно визжащие дети. У самых кустов все они остановились, приглядываясь, прислушиваясь, с угрожающей целеустремленностью хмурия брови, но ненадолго. Не прошло и минуты, как толпа, яростно, с треском раздвигая ветви кустов, двинулась в заросли – искать его, Харла!

И тут в наушниках мерно защелкало.

– Харл! – резко, отчетливо окликнул его Эд Бойнтон. – Харл, где ты?

– Здесь, пап, здесь! – вздрогнув от неожиданности, с отчаянной радостью в голосе отозвался Харл.

Эд Бойнтон схватил его за плечо, рванул к себе так, что Харл с трудом устоял на ногах.

– О чем ты только думаешь? Куда исчез? Что натворил?

– Нашелся? – перебил отца Тернер. – Тогда живо назад, оба! Убираться надо, да поскорее. Они порошок повсюду разбрасывают.

Действительно, сапы цепью спешили к ним, горстями швыряя в воздух порошок белого цвета. Подхваченный ветерком, порошок – очевидно, что-то вроде толченого мела – клубился в воздухе, оседал на все вокруг. Еще часть сапов, возбужденно выкрикивая что-то на высокой ноте, кропила землю перед собой маслом из объемистых глиняных кувшинов.

– Верно, пора уходить, – мрачно согласился Бойнтон. – Если уж сапы разбушевались, связываться с ними крайне не рекомендуется.

Однако Харл замер на месте, уперся.

– Но ведь...

– Идем! – рявкнул отец, дернув его за руку. – Уходим, уходим! Нельзя терять ни минуты!

Харл в нерешительности оглянулся назад. Отыскать взглядом девушку не удалось, но остальные сапы суетились повсюду, горстями бросали в воздух толченый мел, брызгали во все стороны маслом... а часть их, вооруженная копьями с железными наконечниками, зловеще придвигалась все ближе, вороша ногами траву и кусты, постепенно сжимая круг.

Окинув их взглядом, Харл послушно последовал за отцом. Мысли кружились бешеным вихрем, путались в голове. Девушка исчезла, как не бывало, и больше он наверняка никогда с ней не встретится. Мало того: стоило ему показаться ей на глаза, она завизжала и умчалась со всех ног.

Почему? Чужья какая-то! Почему она шарахнулась прочь, не помня себя от ужаса? Что он такого сделал?

И почему ему не все равно, увидится он с ней еще или нет? Кто она для него? Ответа Харл отыскать не мог. Он попросту не понимал самого себя. На его взгляд, разумного объяснения случившемуся не было. С вещами настолько непостижимыми он не сталкивался еще никогда.

Шагая вслед за отцом и Тернером обратно, к яйцу, ошеломленный, раздавленный, Харл безуспешно старался уловить суть происшедшего между ним и девушкой, однако причина недоразумения оставалась загадкой. Сначала у него вдруг помутилось в голове, а после она будто с ума сошла... но почему? А ведь смысл во всем этом есть, наверняка есть – только ухватить бы ниточку...

Невдалеке от яйца Эд Бойнтон остановился и оглянулся назад.

– Счастье, что уйти удалось, – сказал он Харлу, покачав головой. – Взбудораженные сапы буквально звереют. Сапы – животные, Харл, вот кто они таковы. Животные. Дикари.

– Идемте, – поторопил их Тернер. – Убираться отсюда надо, пока не поздно.

* * *

Джули неудержимо трясло даже после того, как одна из старух дочиста вымыла ее в ручье, очистив от скверны, и с ног до головы растерла маслом.

Сжавшись в комок, обхватив руками колени, Джули сидела в уголке и дрожала, тряслась всем телом. Рядом, не снимая руки с ее обнаженного бронзово-смуглого плеча, мрачно хмурясь, стоял ее брат, Кен.

– Кто это? Кто за мной приходил? – стуча зубами, пролепетала Джули. – Откуда взялась эта жуткая... отвратительно жуткая тварь? Мне от одного ее вида худо сделалось!

– Как она выглядела? – сурово спросил Кен.

– Как... как человек. Только таких людей не бывает. Не может быть. Железный весь, от макушки до пят, ладони и ступни просто громадные, а лицо совсем бледное – белое, рыхлое, будто мука. В жизни не видела твари противнее. Белесая, железная, чахлая... вроде какого-то корня, выдернутого из земли.

Кен бросил взгляд на старика, сидевшего рядом и с напряженным вниманием слушавшего их разговор.

– Кто это мог быть, мистер Стеббинс? – спросил он. – Кто это мог быть? Вы разбираетесь в таких вещах. Кого она видела?

Мистер Стеббинс неторопливо поднялся на ноги.

– Стало быть, белая кожа? Бледная, рыхлая? Точно тесто? И огромные ладони со ступнями?

– Да, – кивнула Джули. – И... и еще...

– Что?

– Еще эта тварь была слепа. Вместо глаз какие-то штуки... пара черных кругов. Черных, как ночь.

Вновь задрожав, Джули опасливо покосилась в сторону ручья, а мистер Стеббинс напрягся, стиснул зубы и решительно кивнул.

– Знаю! – объявил он. – Я знаю, кто это был.

– Кто же?

Мистер Стеббинс, нахмурившись, забормотал себе под нос:

– Казалось бы, этого не может быть, но описание... описание...

Задумчиво морща лоб, старик устремил взгляд куда-то вдаль.

– Эти твари живут в пещерах, – наконец сказал он. – В пещерах глубоко под землей. В недрах высоких гор. Внизу, под землей, под горами, в громадных коридорах и полостях, самими же ими и вырытых. Твари эти – не люди. С виду похожи, однако не люди. Живущие в

подземельях, они роют из земли металл. День и ночь роют, копят металл, а наверх поднимаются разве что изредка: на солнце не могут смотреть.

– А как они называются? – спросила Джули.

Мистер Стеббинс снова надолго задумался, напрягая память, вспоминая былые годы, некогда читанные древние книги, некогда слышанные предания. Твари, живущие под землей... с виду похожие на людей, однако не люди... роющие подземелья и добывающие из земли металлы. Слепые твари с огромными ладонями и ступнями, с белесой, как тесто, кожей...

– Гоблины, – объявил мистер Стеббинс. – Тварь, с которой тебе довелось столкнуться, называется «гоблин».

Джули, кивнув, еще крепче обхватила колени, во все глаза уставилась на землю у ног.

– Да, – подтвердила она. – Название как раз для нее. Жуткая тварь! Я перепугалась до полусмерти... вскочила – и бежать, бежать! Такая страшная, ужас! – призналась она, однако, подняв взгляд на брата, слегка улыбнулась. – Но ничего. Теперь мне уже лучше, и...

Кен, потеряв широкие смуглые ладони одна о другую, с облегчением перевел дух, удовлетворенно кивнул.

– Вот и прекрасно, – сказал он. – Тогда идем, продолжим работу. Работы у нас – невпророт. Целая куча.

Проект «Земля»

По комнатам большого каркасного дома гулким эхом разносился рокот. От этого рокота – глухого, мерного, словно раскаты грома вдали, – мелко дрожали тарелки на кухне и водосточные желоба вдоль карнизов. Время от времени он стихал, но вскоре неуклонно, неумолимо возобновлялся, тревожа вечернюю тишину, а зарождался здесь же, под крышей большого дома, на верхнем этаже.

В ванной, сгрудившись у кресла возле стены, толкали друг дружку и взволнованно перешептывались трое детишек, подстегиваемые любопытством.

– Он нас точно не увидит? – прошипел Томми.

– Как он нас увидит? Главное, не шумите. Болтайте потише.

Стоявший на кресле лицом к стене Дэйв Грант переступил с ноги на ногу и продолжал наблюдение, не обращая внимания на требования товарищей уступить им место.

– Дай и мне глянуть, – шепнула ему Джоан, пихнув брата острым локотком. – Подвинься, ну!

– Заткнись, – отпихнул ее Дэйв. – Мне теперь видно лучше: он свет включил.

– Я тоже хочу поглядеть, – прошипел Томми, стаскивая Дэйва с кресла. – Не все же тебе одному!

Насупившись, Дэйв мягко спрыгнул на пол.

– Это наш дом вообще-то, – проворчал он.

Осторожно забравшись на кресло, Томми повернулся к стене и прищелкнул глазом к щели. Поначалу он не смог разглядеть ничего: щель оказалась узкой, а свет по ту сторону был тускловат. Но вскоре глаз привык к полумраку, и Томми постепенно начал различать, что там, в комнате за стеной.

В соседней комнате, у старинного, необъятной величины письменного стола, сидел Эдвард Биллингс, на время прекративший печатать, чтобы дать отдых глазам. Вынув из жилетного кармана круглые карманные часы размером чуть ли не с кулак, он не спеша, аккуратно заводил механизм. Без очков его узкое, морщинистое лицо казалось обнаженным, безрадостным, нос сделался очень похожим на клюв какой-то одряхлевшей птицы. Покончив с часами, он водрузил на нос очки, вместе с креслом придвинулся ближе к столу и снова принялся за работу. Пальцы его замелькали, застучали по клавишам громадной пишущей машинки, массивного сооружения из стали и пластика, занимавшего изрядную часть стола. По всему дому вновь эхом разнесся все тот же мерный, зловещий рокот.

В окутанном полумраком кабинете мистера Биллингса царил жуткий беспорядок. Повсюду – и на столе, и на журнальном столике – стопками, кипами громоздились бумаги, газеты, книги, а те, что не поместились, лежали кучами на полу. Стены сплошь покрывали листы чертежей, анатомических схем, географических, астрономических, зодиакальных карт. Под окнами вдоль стен тянулись ряды запыленных склянок и пакетов с химическими реактивами. Вершину книжного шкафа венчало облезлое чучело какой-то серой птицы. На письменном столе, рядом с машинкой, лежало огромное увеличительное стекло, словари – греческий и древнееврейский, коробка с почтовыми марками и костяной нож для разрезания конвертов. Над дверью приплясывала в токах теплого воздуха, поднимавшихся вверх от газового обогревателя, витая ленточка клейкой бумаги от мух.

Возле одной из стен покоились обломки волшебного фонаря. Поверх них лежала черная тряпичная сумка и куча одежды – рубашки, носки, выцветший, истертый едва не до дыр длиннополый сюртук. Рядом высились стопки газет и журналов, крест-накрест перетянутые бурым шпагатом. У стола стоял громадный черный зонтик, упираясь металлическим наконечником во

внушительную лужицу дождевой воды. Неподалеку поблескивала стеклянной крышкой энтомологическая коробка с засушенными бабочками поверх пожелтевшей от времени ваты.

Ну а за письменным столом, сгорбившись, обложившись грудями записей и документов, барабанил по клавишам древней пишущей машинки суровый старик огромного роста.

– Ух ты! – выдохнул Томми.

Эдвард Биллингс трудился над составлением отчета. Отчет лежал на столе, у его локтя – громадная, открытая ближе к концу книжища в кожаном переплете, который кое-где вступился, растрескался по швам. В эту-то книжищу Биллингс и переносил сведения из кучи записей.

От мерного грохота массивной пишущей машинки в ванной дребезжало, тряслось все – и светильник, и пузырьки с тубиками в аптечном шкафчике, и даже пол под ногами детишек.

– По-моему, он – агент коммунистов, – объявила Джоан. – Планы города чертит, чтобы, как из Москвы команду дадут – раз! – и бомбы взорвать, где приказано.

– Черта с два! Много ты понимаешь, – в сердцах оборвал ее Дэйв.

– Ты что, не видишь, сколько там у него карт, карандашей, бумаг? Зачем еще человеку...

– Цыц! – зарычал на нее Дэйв. – А то он услышит. Никакой он не шпион. Стар слишком для шпиона.

– А кто он такой, по-твоему?

– Не знаю. Но не шпион. А ты просто дура и глупости мелешь. Шпионы – они все с бородой, темнота!

– Если не шпион, то, может, преступник? Грабитель? – предположила Джоан.

– Я с ним разговаривал как-то раз, – сообщил Дэйв. – Он вниз спускался и заговорил со мной. И конфетой из кулька угостил.

– Какой конфетой?

– Не знаю. Леденцовой. На вкус – так себе.

– А чем он занимается? – спросил Томми, отвернувшись от щелки.

– В кабинете целыми днями сидит. Печатает.

– И что, не работает?

Дэйв снисходительно усмехнулся.

– Это и есть его работа. Он отчет составляет, а сам – представитель какой-то компании.

Немалая, должно быть, шишка.

– Какой компании?

– Не помню.

– Из дому-то он хоть выходит?

– Выходит. На крышу.

– На крышу?

– У него при квартире веранда есть, туда и выходит. Мы ее починили, а он там цветник разбил. Землю туда таскает снизу, с заднего двора.

– Чш-ш-ш! – предостерегающе зашипел Томми. – К нам повернулся!

Эдвард Биллингс поднялся на ноги, накрыл пишущую машинку черной тканью, отодвинул ее к стене, собрал карандаши и ластики и ссыпал их в выдвинутый ящик стола.

– Сворачивается, – сообщил товарищам Томми. – Закончил работать.

Старик снял очки, спрятал их в футляр, устало промокнул платком лоб, расстегнул ворот рубашки, распустил галстук. Шея его оказалась длинной, худой, из-под желтоватой, сморщенной кожи отчетливо проступали жилы. Стоило ему поднести к губам стакан с водой и сделать пару глотков, адамово яблоко запрыгало, заскакало вверх-вниз.

Некогда голубые глаза старика с годами поблекли, сделались водянистыми, почти утратили цвет, неподвижное ястребиное лицо казалось маской из папье-маше. Какое-то время он смотрел прямо в сторону Томми, а затем, отвернувшись, вышел из кабинета.

– Спать собирается, – прокомментировал Томми.

И правда, в кабинет мистер Биллингс вернулся с полотенцем, перекинутым через локоть. У стола он остановился, повесил полотенце на спинку кресла, обеими руками поднял толстенную книгу с отчетом и понес ее к книжному шкафу. Очевидно, весила книга немало. Не без труда водрузив ее на полку, старик снова вышел из комнаты.

Теперь до отчета было рукой подать. Прикинув к щелке, Томми разглядывал буквы, выгисненные золотом на растрескавшемся кожаном корешке, пока Джоан не потянула его от щели, в нетерпении спихивая с кресла.

Спустившись на пол, Томми отошел в сторону, замороженный и даже слегка напуганный увиденным – громадной книгой с отчетом, титаническим томом, содержащим множество материалов, плодов многодневной кропотливой работы. В неверном свете настольной лампы он без труда разобрал надпись на переплете.

«ПРОЕКТ В: “ЗЕМЛЯ”».

– Идемте, – поторопил Дэйв. – Еще пара минут, и он явится сюда. Как бы нас не застукал.

– А ты его боишься, боишься, боишься! – поддразнила брата Джоан.

– И что? Ты тоже. И мама. И вообще все. И ты небось тоже? – спросил Дэйв, оглянувшись на Томми.

Томми решительно мотнул головой.

– Вот бы узнать, что там, в этой книге, такое, – пробормотал он. – Узнать бы, чем этот старикан занимается...

* * *

Ближе к вечеру снаружи, несмотря на яркое солнце, заметно похолодало. С крыльца черного хода неспешно спустился Эдвард Биллингс с ведерком в руке и свернутыми газетами под мышкой. Ненадолго остановившись, он прикрыл ладонью глаза, огляделся и, путаясь ногами в густой мокрой траве, скрылся из виду на заднем дворе.

Едва он ушел, Томми выскользнул из-за гаража, бесшумно, перемахивая разом через две ступеньки, взлетел на крыльцо, вошел в дом и поспешил вдоль сумрачного коридора к лестнице, ведущей наверх.

Не прошло и минуты, как он остановился у двери в квартиру Эдварда Биллингса, отдышался, прислушался...

Изнутри не доносилось ни звука.

Томми осторожно нажал на дверную ручку. Она повернулась легко, плавно. От толчка дверь распахнулась, навстречу, в коридор, дохнуло теплом, затхлостью, пылью.

Времени у него было всего ничего. Еще немного, и старик с ведерком земли, накопанной на заднем дворе, вернется наверх.

Войдя в кабинет, Томми подошел к книжному шкафу. От волнения сердце в груди стучало куда чаще обычного. Громадная книжица с отчетом преспокойно лежала среди вороха записей и газетных вырезок. Сдвинув с книги бумаги, отложив их в сторонку, Томми поспешно открыл увесистый том где-то посередине. Толстые страницы слегка захрустели на сгибах.

ДАНИЯ

Цифры и факты. Бесконечное множество фактов и цифр – страница за страницей, столбец за столбцом, ряд за рядом... От машинописных строк зарябило в глазах. Почти ничего не поняв в них, Томми раскрыл книгу на новом разделе.

НЬЮ-ЙОРК

Факты насчет Нью-Йорка. Понять смысл заголовков табличных столбцов – и то стоило немалых усилий. Количество жителей. Чем они заняты. Как живут. Сколько зарабатывают. Как проводят свободное время. Убеждения – религиозные, политические, философские, нравственные... Возраст. Состояние здоровья. Уровень умственного развития. Таблицы, кривые, цифры, средние значения, приблизительные оценки...

Приблизительные. Итоговые...

Встряхнув головой, Томми перешел к новому разделу.

КАЛИФОРНИЯ

Население. Благосостояние. Деятельность правительства штата. Порты и гавани. Факты, факты, факты – факты обо всем. Обо всем и повсюду.

Томми наскоро пролистал страницы отчета. Да, верно, говорилось здесь обо всем мире. Обо всех его уголках. Любые, всевозможные сведения о каждом городе, каждом штате, каждой стране...

Охваченный тревогой, Томми захлопнул книжищу, прошелся по кабинету, осмотрел груды газет и записей, стопки вырезок, карты. Старикан, день за днем стучащий по клавишам пишущей машинки... собирающий факты, факты о целом мире. Обо всей Земле. Составляющий отчет о Земле – о Земле, обо всем, что на ней только есть. Обо всех народах. Обо всех человеческих делах и мыслях, поступках, занятиях, свершениях, достижениях, верованиях, предрассудках. Колоссальный отчет, подборка любых, всевозможных сведений обо всем мире!

Взяв со стола большое увеличительное стекло, Томми принялся разглядывать сквозь него столешницу – царапины, волокна дерева, но вскоре отложил лупу, повертел в руках костяной нож для конвертов, вернул его на место, внимательно изучил разбитый волшебный фонарь в углу. И бабочек под стеклом. И облезлое чучело птицы. И склянки с химическими реактивами.

Оглядев кабинет, он направился на веранду. Солнце почти закатилось. Казалось, дневной свет, угасая, мерцает, словно свеча на ветру. Середину веранды занимала дощатая рама наподобие невысокого ящика, окруженная кучами земли и травы. Вдоль перил стояли рядами объемистые глиняные горшки, мешки удобрений, отсыревшие пакеты семян. Опрокинутый распылитель... Грязный совок... Полоски ковра вокруг шаткого кресла... Лейка...

Дощатую раму прикрывала частая проволочная сетка. Склонившись над ней, Томми заглянул внутрь сквозь ячейки. Растения... небольшие растения, высаженные рядками, поросшая мхом земля, еще растения – густые, спутанные, затейливой формы...

А там, в уголке, возвышается кучка сухой травы наподобие кокона.

Жуки? Какие-то насекомые? А может, зверушки?

Отыскав под ногами соломинку, Томми потыкал ею сквозь сетку в кучку сухой травы. Трава зашевелилась. Точно, внутри кто-то есть. А вон и другие коконы – около полдюжины, прячутся тут и там, среди зелени!

Внезапно из потревоженного кокона, в страхе попискивая, метнулся наружу, в траву, какой-то зверек. За первым последовал еще один. Розовые, шустрые... Вскоре среди растений с писком забегал, заметался в панике целый выводок розовых созданий ростом не больше двух дюймов.

Томми в восторге склонился еще ниже, сощурился, приник к самой сетке, стараясь их разглядеть. Шерсти не видно... Да, вправду, зверушки какие-то безволосые, только крохотные – совсем крохотные, вроде кузнечиков. Может, детеныши? Пульс дробно застучал в висках. Детеныши, а может быть, и...

Шаги.

Напрягшись всем телом, Томми оглянулся назад.

К двери, шумно отдуваясь, подошел Эдвард Биллингс. Опустив на пол у порога ведро с землей, он тяжело вздохнул, полез в карман темно-синего пиджака за платком, молча утер взмокший лоб и устался на мальчишку возле дощатой рамы под сеткой.

– Ты кто таков, молодой человек? – помолчав, спросил Биллингс. – Насколько я помню, встречаться нам прежде не доводилось.

Томми мотнул головой:

– Не-а, не доводилось.

– Что ты здесь делаешь?

– Ничего.

– Не будешь ли ты так любезен вынести сюда вон то ведро? Похоже, перестарался я. Не ожидал, что оно окажется настолько тяжелым.

Томми, слегка помешкав, подошел к порогу, поднял ведро, выволок его на веранду и поставил рядом с дощатой рамой.

– Благодарю, – сказал Биллингс, не сводя с мальчика поблескивающих, колючих водянисто-голубых глаз. На узком, морщинистом, суровом лице старика отразилось некое подобие добродушия. – Твоя помощь пришлась очень кстати. Однако на вид ты довольно силен. Сколько тебе? Около одиннадцати?

Томми кивнул и словно бы невзначай, бочком, отодвинулся к перилам веранды. Внизу, этажах в двух или трех, виднелась улица. Вон мистер Мерфи шагает по тротуару, возвращаясь с работы домой. Дальше, у перекрестка, играют мальчишки. Напротив, через улицу, девушка в синем свитере внакидку, поверх узких плеч, поливает газон. Ну что ж, старикана можно не опасаться. Пусть только попробует что-нибудь...

– Что привело тебя сюда? – спросил Биллингс.

Но Томми не ответил ни слова. Некоторое время оба – сгорбленный, огромного роста старик в темном старомодном костюме и веснушчатый мальчуган в красном свитере, синих джинсах, теннисных туфлях и вязаной лыжной шапочке, сдвинутой на затылок, – молча разглядывали друг друга. Наконец Томми покосился в сторону укрытой сеткой дощатой рамы и вновь поднял взгляд на Биллингса.

– Вот это? Тебе захотелось взглянуть на... это?

– Ага. Кто у вас там, внутри? Кто они?

– Они?

– Ну, эти, что там живут. Я таких в жизни не видел. Кто это – зверьки, насекомые?

Биллингс неторопливо подошел к нему, с трудом наклонился и принялся отсоединять угол сетки от рамы.

– Если тебе все это так интересно, лучше не рассказывать – а показать, кто они таковы. С этими словами он отогнул край сетки назад.

Томми придвинулся ближе и в изумлении вытаращил глаза.

– Ну? – выдержав паузу, спросил Биллингс. – Теперь видишь, кто это?

Томми, негромко присвистнув, медленно выпрямился. Щеки его побледнели как полотно.

– Да, я сразу подумал: может, они... только засомневался... а это и вправду маленькие, крохотные человечки! Люди!

– Не совсем, – поправил его мистер Биллингс. – Не совсем люди.

Грустно опустившись в шаткое кресло, он вынул из кармана пиджака потертый кисет и трубку и начал неторопливо набивать чашечку табаком. Томми не сводил глаз с дощатой рамы. «Кокон» оказались хижинами, сооруженными крохотными человечками. Часть их обитателей, собравшись кучкой на открытом месте, задрав головы, глазела на мальчика. Крохотные, двух дюймов ростом, розовые... Голые, потому и розовые!

– Смотри внимательнее, – негромко посоветовал Биллингс. – Приглядишься к головам. Что видишь?

– Ничего. Они такие маленькие...

– Сходи, возьми со стола лупу. Большое увеличительное стекло.

Провожаемый его взглядом, Томми поспешил в кабинет и тут же вернулся с лупой в руках.

– А теперь ответь, что видишь.

Томми осмотрел человечков сквозь лупу. Да, вроде бы люди как люди. Руки, ноги... Около половины – женщины. А головы...

Сощурившись, Томми пригляделся к их головам и тут же в ужасе отшатнулся от рамы.

– Что с тобой? – хмыкнув, проворчал Биллингс.

– У них же... уродство какое-то!

– Уродство? – улыбнулся старик. – Тут, знаешь ли, все зависит от того, кто к чему привык. Да, они кое в чем отличаются от тебя, но это отнюдь не уродство. С ними все в полном порядке. По крайней мере, я всем сердцем надеюсь, что они абсолютно нормальны.

Улыбка его померкла. Посасывая трубку, старик замолчал и о чем-то задумался.

– Вы сами их сделали? – спросил Томми. – Как?

– Я? – переспросил Биллингс, вынув изо рта трубку. – Нет, что ты!

– А тогда откуда они у вас?

– Мне их, скажем так, одолжили на время. Для пробы. Да, в качестве пробной группы. Они ведь существуют совсем недавно. Всего ничего.

– А может, вы... может, вы продать одного согласитесь?

Биллингс расхохотался.

– Нет уж, не соглашусь. Прости, но долг велит мне хранить их при себе.

Томми, кивнув, продолжил осмотр. Под лупой головы человечков можно было разглядеть во всех подробностях. Действительно, от людей они кое-чем отличались. Изюм лба каждого торчали вверх тоненькие, упругие, будто стальная проволока, антенны, выросшие с шишечками на концах, вроде муравьиных усиков. Что ж, пусть они и не люди, но на людей очень, очень похожи. Антенны да невероятно крохотный рост – вот и вся разница.

– Может, они с другой планеты? – спросил Томми. – С Марса или с Венеры?

– Нет.

– Тогда откуда же они взялись?

– Сложный вопрос... сложный. И вдобавок применительно к ним совершенно бессмысленный.

– А отчет ваш – он для чего?

– Отчет?

– Там, в шкафу. Толстая книжища с фактами обо всем на свете. Ваша работа.

– Да уж, работаю я над ним давно...

– Давно? Сколько лет?

Биллингс снисходительно улыбнулся.

– На этот вопрос также невозможно ответить за полной его бессмысленностью, однако времени работа заняла действительно много. Впрочем, теперь она вплотную приблизилась к завершению.

– А что вы с ней дальше будете делать? Когда закончите?

– Представлю вышестоящему начальству. Передам, как говорится, наверх.

– Вышестоящему начальству? А кто они?

– Тебе они неизвестны.

– А живут где? Тут, в нашем городе?

– И да и нет. Этот вопрос тоже попросту не имеет ответа. Возможно, когда-нибудь ты...

– Отчет про нас, – вполголоса проговорил Томми.

Биллингс, повернувшись к нему, впился в мальчишку испытующим взглядом.

– Что?

– Он ведь о нас. Ваш отчет. Толстая книга.

– Откуда ты знаешь?

– Я заглянул в него. И заглавие на обложке видел. Это отчет обо всей Земле, так?

– Да, – кивнув, подтвердил Биллингс. – Это отчет о планете Земля.

– А вы здесь чужой, так ведь? Явились еще откуда-то. Из другой планетной системы.

– Но как же... как ты догадался об этом?!

Томми, в свою очередь, самодовольно, снисходительно улыбнулся.

– Есть способы. Умеючи – ничего сложного.

– И многое ли ты увидел в моем отчете?

– Нет. Так, заглянул мельком. Для чего он? Зачем вы его составляете? Что там, наверху, будут с ним делать?

Над ответом Биллингс надолго задумался.

– А это, – наконец сказал он, махнув рукой в сторону дощатой рамы, – целиком зависит от них. Отчетом распорядятся, смотря как пойдет дело с проектом С.

– С проектом С?

– Да. С третьим проектом. До сих пор подобных ему предпринималось всего два. Ждать пришлось долго. Каждый проект продумывать во всех деталях. Учитывать бесчисленное множество новых факторов, не упуская ни одного, прежде чем принять какое-либо решение.

– А два первых были какими?

– Этим достались антенны. Совершенно новая организация когнитивных способностей. Практически никакой зависимости от врожденных влечений. Большая гибкость мышления, приспособляемость. Некоторое сужение общего эмоционального спектра, однако утраты в энергии либидо с лихвой компенсируются рациональностью и самообладанием. Еще от них следует ожидать большей акцентуации на индивидуальном опыте в противовес традиционному групповому обучению. Менее стереотипного мышления. Более быстрого обретения контроля над ситуацией.

Слова Биллингса почти ничего не объясняли – наоборот, все больше сбивали с толку.

– Какими были два первых проекта? – снова спросил Томми.

– Два первых? Ну, проект А – дело столь давнее, что многое стерлось из памяти начисто. Проект А – это крылья.

– Крылья...

– Да. Крылатые, высококомобильные существа с немалым количеством индивидуалистических черт. По зрелом размышлении мы наделили их избыточной самостоятельностью. И чрезмерной гордыней. Во главу угла они ставили гордость и честь. По сути, были прирожденными воинами, бойцами – и воевали, каждый против всех. Раскололись на множество мелких, разобщенных фракций и...

– А вторые? Какими были они?

Биллингс выбил пепел из трубки о перила веранды и продолжал, обращаясь не столько к мальчишке напротив, сколько к себе самому:

– Крылатая разновидность была нашей первой попыткой работы с высокоразвитыми существами. Проект А... Когда он завершился неудачей, мы собрались на совещание. Результатом его стал проект В. На сей раз в успехе мы не сомневались. Искоренили множество излишних индивидуалистических черт, подменив их ориентацией на группу, пустили в ход стадный метод усвоения знаний и навыков... и понадеялись, что уж теперь-то общее руководство проектом сохранится за нами. Работа над первым проектом наглядно свидетельствовала: успех зависит от строгости надзора.

– Так как же выглядела эта вторая разновидность? – отчаявшись уловить суть рассуждений Биллингса, спросил Томми.

– От крыльев мы, как я уже говорил, отказались, однако общую физиогномию оставили прежней. Какое-то, крайне непродолжительное, время контроль оставался в наших руках, однако вторая разновидность также отклонилась от схемы и, расколовшись на независимые группы, избавилась от нашего руководства. Вне всяких сомнений, ключевую роль в этом сыграло влияние уцелевших особей первоначального вида, разновидности А. Первоначальную разновидность следовало истребить целиком, как только...

– А от этих, вторых, еще хоть кто-то остался?

– От проекта В? Разумеется, – с нешуточным раздражением ответил Биллингс. – Вы и есть проект В, и потому я здесь, среди вас. И как только я завершу отчет, мы сможем приступить к ликвидации вашего вида. Мои рекомендации, несомненно, окажутся идентичными тем, что касались проекта А. Поскольку ваш проект отбил от рук до такой степени, что целесообразность его продолжения с любой точки зрения не...

Но Томми его больше не слушал. Склонившись над дощатой рамой, он во все глаза разглядывал крохотных человечков внутри. Девять крохотных человечков, мужчин и женщин. Девять... и больше таких нет нигде во всем мире!

От возбуждения и восторга Томми пробрала дрожь. План уже зрел в голове, оживал, рвался наружу, однако мальчишка напрягся всем телом, собрался с силами и кое-как удержал на лице гримасу невозмутимости.

– Пойду я, пожалуй, – сказал он и, переступив порог кабинета, направился к двери в коридор.

– Уходишь? – Биллингс поднялся на ноги. – Но ведь...

– Пора мне. Время позднее. Увидимся еще, – отозвался Томми, распахнув дверь, что вела в коридор. – До скорого!

– До встречи, – с некоторым удивлением откликнулся мистер Биллингс. – Искренне надеюсь увидеть тебя вновь, молодой человек.

– Увидите обязательно, – пообещал Томми.

Домой он несся бегом, во всю прыть. Птицей взлетел на крыльцо, ворвался в гостиную...

– Прекрасно. Ты как раз к ужину, – раздался голос матери с кухни.

Томми с разбегу остановился у подножия лестницы.

– Мне снова на улицу нужно!

– Никаких улиц. Сейчас ты...

– Да ненадолго совсем! Оглянуться не успеешь, как назад прибегу.

Поспешив наверх, Томми вошел к себе в спальню и огляделся вокруг.

Ярко-желтые обои. Вымпелы на стенах. Огромный комод, зеркало, щетка и гребень, модели самолетов, портреты известных бейсболистов. Бумажный мешок, набитый крышками от бутылок. Небольшой радиоприемник в растрескавшемся пластмассовом корпусе. Сигарные ящички из тонких дощечек, полные самого разного хлама, всякой всячины, подобранной когда-то во время гуляний по городу...

Схватив один из сигарных ящичков, Томми вывалил его содержимое на постель, ящичек сунул под куртку и вышел из комнаты.

– Куда это ты собрался? – строго спросил отец, опустив вечернюю газету и глядя на сына поверх страниц.

– Я ненадолго. Скоро вернусь.

– Мать же сказала: пора ужинать. Ты, может, не расслышал?

– Я скоро, пап! Дело важное. Правда важное, честное слово!

С этими словами Томми распахнул парадную дверь. Студеный вечерний ветер ударил в лицо, обдал холодом.

– Десять минут, – неохотно сказал Винс Джексон, взглянув на часы. – Не больше. Опоздаешь, останешься без ужина.

– Ладно! Десять минут!

Захлопнув дверь, Томми одним махом прыгнул с крыльца и побежал в темноту.

* * *

В замочной скважине и в щели под дверью кабинета мистера Биллингса мерцал неяркий свет.

Помедлив в нерешительности, Томми собрался с духом, поднял руку и постучал в дверь. Какое-то время изнутри не доносилось ни звука, но вот в кабинете что-то зашуршало, пол заскрипел в такт тяжелым, неторопливым шагам.

Наконец дверь отворилась, и в коридор выглянул мистер Биллингс.

– Хелло, – сказал Томми.

– Ты? Вернулся? – удивился старик, отворив дверь пошире.

Томми поспешно вошел в кабинет.

– Забыл что-либо?

– Нет.

Биллингс закрыл дверь.

– Присаживайся. Хочешь чего-нибудь? Яблоко или, к примеру, молока?

– Нет.

Здорово нервничая, Томми обошел комнату, трогая, щупая, осматривая все, что подвернется под руку: книги, газеты, вороха вырезок. Биллингс, немного понаблюдав за мальчишкой, пожал плечами и со вздохом уселся за стол.

– Пожалуй, я еще потружусь над отчетом. Надеюсь, от завершения он недалек. Вот, видишь? – сказал он, легонько хлопнув ладонью по стопке заметок. – Эти последние, а затем я смогу покинуть вас и представить отчет вкуче с собственными рекомендациями по назначению.

Склонившись над необъятной пишущей машинкой, Биллингс мерно забарабанил по клавишам. От неумолимого грохота старинного механизма вся комната затряслась мелкой дрожью. Отвернувшись, Томми тихонько выскользнул на веранду.

На веранде, выстуженной вечерним холодом, оказалось темно – хоть глаз выколи. Томми остановился, привыкая к темноте. Со временем ему удалось разглядеть и мешки с удобрениями возле перил, и шаткое кресло, и затянутую сеткой дощатую раму посередине, в окружении куч земли и травы.

Томми оглянулся назад. Биллингс по-прежнему горбился над пишущей машинкой, целиком поглощенный отчетом. Темно-синий пиджак он снял, повесил на спинку кресла и работал в одном жилете да рубашке, засучив рукава выше локтя.

Убедившись, что Биллингсу не до него, Томми присел возле рамы на корточки, вытащил из-за пазухи сигарный ящичек, откинул крышку, поставил его рядом и принялся отгибать край сетки, снимая ее с ровного ряда гвоздиков.

Внутри рамы негромко, встревоженно пискнули раз-другой, сухая трава зашуршала, словно под лапками вспугнутой мыши.

Томми, немедленно запустив руку под сетку, осторожно пошарил среди травы и кустиков. Пальцы его тут же сомкнулись на крохотном тельце создания, съжившегося от страха, забившегося в диком ужасе. Отправив добычу в сигарный ящичек, Томми принялся искать следующего человечка.

Не прошло и минуты, как он переловил их всех. Есть! Все девятеро здесь, в сигарном ящичке из тонких дощечек!

Закрыв поплотнее крышку, Томми сунул ящичек под куртку и быстрым шагом вернулся с веранды назад, в кабинет.

Биллингс, оторвавшись от дела, устало, рассеянно взглянул на него. В одной руке он сжимал ручку, в другой стопку бумаг.

– Так о чем ты хотел поговорить? – пробормотал он, поправив очки на носу.

– Нет, ни о чем, – мотнув головой, ответил Томми. – Мне домой пора.

– Как, уже? Но ведь ты только-только пришел!

– Домой пора, – повторил Томми, отворяя дверь в коридор. – Доброй ночи!

Биллингс утомленно провел ладонью по лбу. От усталости морщинистое лицо старика потемнело, осунулось сильнее прежнего.

– Что ж, ладно, мальчик, ступай. Возможно, мы еще успеем увидеться, прежде чем я отправлюсь домой.

С этим он и вернулся к работе, снова неторопливо застучал по клавишам громадной пишущей машинки. Казалось, усталость гнет его книзу, к столу.

Томми, захлопнув за собой дверь, несколькими прыжками одолел лестницу и выбежал на крыльцо. Под курткой слегка ерзал, подрагивал сигарный ящичек. Девять. Все девять. Все девятеро теперь у него. Все до единого принадлежат ему, а больше таких не найти нигде во всем мире. Замысел оправдал себя полностью.

Крепко прижав добычу к груди, он во всю прыть помчался вдоль улицы к своему дому.

В гараже отыскалась старая клетка – когда-то Томми держал там белых крыс. Вычистив клетку, он отнес ее наверх, к себе, застелил пол бумагой, поставил внутрь блюдо с водой, добавил немного песка.

Теперь клетка была готова принять новых жильцов, и Томми вытряхнул внутрь содержимое сигарного ящичка.

Девять крохотных человечков собрались посередине клетки, сбились в небольшую розовую кучку. Захлопнув и накрепко заперев дверцу, Томми водрузил клетку на комод, к комоду придвинул кресло, встал на сиденье коленями и приник к решетке.

Вскоре все девятеро зашевелились, начали робко, нерешительно исследовать клетку.

Осваиваются!

От радости сердце Томми застучало с удвоенной частотой.

Ему удалось перехитрить мистера Биллингса. Теперь человечки его – его собственные и больше ничьи, а мистер Биллингс знать не знает, где он живет. Не знает даже, как его звать.

Проворно, совсем как муравьи, шевеля антеннами, человечки заговорили друг с другом. Один из девяти крох подошел к стенке клетки, ухватился за прутья и выглянул наружу. К смельчаку почти сразу присоединился второй (вернее, вторая – женщина). Голые, все они были гладкими, сплошь розовыми, если не считать волос на головах.

А что они, интересно, едят? Поразмыслив, Томми принес из большого холодильника на кухне немного сыра и котлетного фарша, а еще сунул в клетку блюдо с молоком, раскрошенный хлебный ломтик и несколько листьев латука.

Молоко и хлеб пришлись человечкам по вкусу, однако к мясу они даже не притронулись, а из листьев латука начали сооружать себе хижинки.

Завороженный, Томми едва заставил себя оторваться от клетки. За человечками он наблюдал все утро перед школой, а потом проторчал возле клетки и все время обеда, и весь остаток дня, до самого ужина.

– Что у тебя там, наверху? – спросил за ужином отец.

– Ничего.

– Ты не змею ли опять в дом притащил? – с опаской спросила мама. – Если у тебя, молодой человек, снова змея в спальне...

– Да нет же! – мотнув головой, заверил ее Томми. – Нет у меня там никаких змей!

Ужин он проглотил почти не жуя и вновь помчался наверх.

Пока его не было, крохотные создания закончили строить хижинки из листьев латука. Теперь часть их спряталась внутрь, а остальные бродили по клетке, исследуя каждый ее уголок.

Томми уселся возле комода и снова замер, не сводя с человечков глаз. Надо же, умные... Куда сообразительнее белых крыс, которых он когда-то держал у себя. И чище, кстати: выжили, зачем в клетке песок. Умные... и при этом совершенно ручные.

Выждав еще немного, Томми запер покрепче дверь спальни. Затаив дух, он отпер клетку, широко распахнул боковую дверцу, сунул внутрь руку, поймал одного из человечков, вынул из клетки и осторожно раскрыл ладонь.

Человечек, крепко вцепившись в его палец, бросил взгляд вниз, уставился на Томми и лихорадочно замахал антеннами.

– Не бойся, – подбодрил его Томми.

Крохотный человечек с опаской поднялся на ноги, огляделся, прошел по ладони Томми к запястью и неторопливо, поглядывая по сторонам, вскарабкался наверх, к плечу. На плече он остановился, выпрямился во весь рост и взглянул мальчишке в лицо.

– Да, ты куда меньше меня, – сказал ему Томми.

Вынув из клетки второго человечка, он выпустил обоих на кровать. Долгое время человечки расхаживали по покрывалу, а еще несколько, подойдя к распахнутой дверце, с опаской, поодиночке, выбрались на комод. Один из них, отыскав гребень Томми, осмотрел его, подергал зубья. Вскоре к нему присоединился второй, но, сколько бы крохи ни дергали, ни тянули к себе зубья гребня, добиться чего-либо им все никак не удавалось.

– Чего вы хотите-то? – спросил их Томми.

Спустя какое-то время человечки оставили гребень в покое: внимание их привлек валявшийся на комоднике никель⁴. Один из них ухитрился поднять монету и перевернуть на ребро и, поразмыслив, толкнул никель вперед. Никель, стремительно набирая скорость, покатился к краю комода. Крохотные человечки переполошились, в смятении бросились за ним, но никель со звоном упал на пол.

– Осторожнее! – предостерег их Томми.

Нет, ему вовсе не хотелось, чтоб с человечками хоть что-то стряслось! На новых питомцев у него уже было множество планов. Соорудить для них всякие штуки – тележки для катания, качели, горки вроде тех, что Томми видел в блошином цирке – проще простого. Вдобавок они куда умнее блох и много с чем смогут справиться. Обучить их – и можно за деньги показывать.

Может, Томми даже на гастроли с ними поедет. Может, о нем даже в газетах напишут!

Мысли мелькали в голове одна за другой. С такими человечками чего только не придумаешь! Возможностям нет конца... вот только начинать нужно потихоньку, без спешки, с умом.

На следующий день Томми взял одного из человечков с собой в школу, посадив его в банку из-под варенья, а саму банку спрятал в карман. В крышке банки он проделал несколько дырочек, чтоб человечек не задохнулся.

На перемене Томми показал человечка Дэйву и Джоан Грантам. Оба пришли в восхищение.

– Где раздобыл такого? – выдохнул Дэйв.

– Секрет фирмы.

– Может, продашь?

– Еще чего! Это тебе не крыса.

– Он же голый совсем, – покраснев, заметила Джоан. – Скажи ему: пускай оденется, да поскорее.

---

⁴ Монета достоинством в 5 центов США.

– А ты им одежду сшить сможешь? У меня, кроме этого, еще восемь есть. Четверо мужчин и четыре женщины.

У Джоан загорелись глаза.

– Смогу... если мне одного подарить.

– И не мечтай. Они мои.

– А откуда они взялись? Кто их, таких, вырастил?

– Не твоего ума дело.

* * *

Вначале Джоан сшила маленькие одежды для четырех женщин – крохотные юбки и блузы. Томми сунул одежду в клетку, и озадаченные человечки столпились вокруг кучки обнов, не понимая, что с ними делать.

– Ты лучше покажи им, – посоветовала Джоан.

– Показать? Вот уж фиг тебе!

– Тогда дай я сама их одену.

Вынув из клетки первую же подвернувшуюся под руку женщину, Джоан бережно облачила ее в юбку и блузу и вернула на место.

– А теперь поглядим, что будет дальше.

Человечки сгрудились вокруг одетой женщины, с любопытством щупая ткань одежды, и вскоре принялись делить между собой оставшиеся костюмчики: одним достались юбки, другим блузы.

Томми хохотал до упаду.

– Уж лучше сшей для мужчин штаны. Пускай все ходят одетыми.

Двое человечков, вынутые из клетки, увлеченно забегали вдоль его рук, от плеча до ладони.

– Осторожнее, – предупредила Джоан, – а то потеряешь. Вдруг убегут?

– Не убегут, они ручные. Ученые. Вот я тебе покажу кое-что.

С этим Томми выпустил человечков на пол.

– У нас игра одна есть. Гляди.

– Игра? Какая?

– Они прячутся, а я их ищу.

Человечки бросились врассыпную, на поиски укрытий, и вмиг попрятались кто куда. Томми, опустившись на четвереньки, заглянул под комод, пошарил под покрывалом. Из-под покрывала раздался тоненький писк. Первый нашелся!

– Видала? Им нравится.

Найденных человечков Томми одного за другим относил в клетку. Поиски последнего затянулись надолго: этот влез в ящик комода, забрался в мешочек с разноцветными стеклянными шариками и зарылся в шарики с головой.

– Умные какие, – восхитилась Джоан. – Может, все же подарить мне хоть одного?

– Нет, – отрезал Томми. – Человечки – мои. Я ни за что с ними не расстанусь и никому их не отдам!

* * *

На следующий день, после школы, он снова встретился с Джоан. К этому времени она сшила крохотные штаны и рубашки для мужчин.

– Вот, держи, – сказала она, вручив ему одежды. – Надеюсь, впору придутся.

– Спасибо, – ответил Томми, пряча обновки для человечков в карман.

Отправившись домой вместе, оба срезали путь через пустырь. У края пустующего участка сидели кружком, увлеченные игрой в шарики, Дэйв Грант и еще несколько мальчишек.

– Кто выигрывает? – остановившись рядом, спросил Томми.

– Я, – отозвался Дэйв, не поднимая взгляда.

Томми припал на колено возле него и протянул к нему сложенную горстью ладонь.

– Дай-ка я тоже сыграю. Не жадничай, одолжи свой агатик!

Но Дэйв отрицательно покачал головой.

– Отвали, – буркнул он.

– Одолжи, не жадничай. Всего один удар, – пообещал Томми, пихнув его кулаком в плечо. – А еще... а еще я вот что тебе скажу...

И тут их обоих накрыла тень.

Томми поднял взгляд и вмиг побледнел.

Безмолвно взирая на мальчика, Эдвард Биллингс оперся на зонтик так, что его стальной наконечник глубоко ушел в рыхлую землю. Морщинистое лицо старика сделалось жестким, суровым, глаза будто превратились в пару водянисто-голубых камешков.

Томми медленно поднялся на ноги. Остальные мальчишки разом притихли. Некоторые, подхватив с земли шарики, поспешили отползти подальше.

– Вам чего? – хотел было спросить Томми, однако из пересохшего горла вырвался только невнятный хрип.

Казалось, холодный, пристальный, без капли добродушия взгляд Биллингса пронизывает его насквозь.

– Ты унес их. И должен вернуть. Немедленно, – жестко, бесцветно сказал он, протянув к мальчику руку. – Где они?

– О чем это вы? – подавшись назад, пробормотал Томми. – Какие еще «они»?

– Проект. Проект С. Ты выкрал их у меня из квартиры. И я хочу получить их обратно.

– Ничего я не крал! Что вы такое мелете?

Биллингс повернулся к Дэйву Гранту:

– Ты ведь о нем говорил, не так ли?

– Ага, – кивнув, подтвердил Дэйв. – Я их сам видел. Он их у себя в комнате держит. Никого близко не подпускает.

– Так вот, ты явился ко мне и украл их. Зачем? – спросил Биллингс, угрожающе придвинувшись к Томми. – Зачем ты унес их? На что они тебе?

– Вы оба с ума спятили, – проворчал Томми, однако его голос предательски дрогнул.

Дэйв Грант не ответил ни слова и робко отвел взгляд в сторону.

– Вранье все это! – чуть увереннее объявил Томми.

Биллингс шагнул к нему. Холодные, древние пальцы старика глубоко впились в плечи.

– Верни их мне! Мне они необходимы. Я в ответе за них.

– Пустите! – возмутился Томми, кое-как высвободившись из его рук. – Нет у меня их с собой... то есть...

– Выходит, они действительно у тебя. Дома. В спальне. Неси их сюда. Ступай и принеси. Всех девятерых.

Слегка осмелев, Томми сунул руки в карманы.

– Ну, не знаю, не знаю... а вы что мне дадите взамен?

Биллингс сверкнул глазами и угрожающе вскинул руку.

– Взамен?! Ах ты малолетний...

Мальчишка поспешно отпрыгнул назад.

– Черта с два вы меня заставите их вернуть! Над нами у вас никакой власти нет, – с торжествующей, дерзкой улыбкой заявил он. – Вы сами так говорили, я помню. Нет у вас власти над нами, и все тут!

Лицо Биллингса сделалось тверже гранита.

– Но их-то я заберу. Они ведь принадлежат мне.

– Только попробуйте – я сразу же копов вызову. И отца позову на помощь. Как вам понравится с папкой и копами дело иметь?

Лицо Биллингса налилось жутким свекольным румянцем. Крепко стиснув рукоять зонтика, старик открыл было рот, но тут же закрыл его, не сказав ни слова. Томми тоже умолк. Остальные мальчишки – перепуганные, притихшие – таращились на обоих во все глаза.

Вдруг Биллингс, задумчиво наморщив лоб, окинул взглядом россыпь шариков в небрежно вычерченном на земле кругу. В холодных глазах его блеснули искорки.

– Тогда вот что. Я... я готов сыграть с тобой. На них.

– Что?

– Сыграем в эту игру. С шариками. Выиграешь – можешь оставить их у себя. А если выиграю я, тут же вернешь их мне. Всех до единого.

Томми, призадумавшись, перевел взгляд с мистера Биллингса на круг под ногами.

– То есть если я выиграю, вы даже не попытаетесь их забрать? Оставьте мне... насовсем?

– Именно.

– Ладно, идет, – отступив еще на шаг, согласился он. – Выиграете – получите их обратно, а если выиграю я, они принадлежат мне, и вы распрощаетесь с ними навсегда.

– Неси их сюда сейчас же.

– Хорошо. Пойду принесу.

«И свой агатик прихвачу заодно», – мысленно добавил Томми.

– Я подожду здесь, – проворчал мистер Биллингс, стиснув зонтик в огромных ладонях.

– Я мигом, – заверил его мальчик и помчался домой.

С крыльца он сбежал, перемахивая разом через две ступеньки.

К парадной двери следом за ним подошла мать.

– Снова на улицу? Ну, знаешь, каждый вечер гулять допоздна не годится. Не появишься дома через полчаса, на ужин не получишь ни крошки!

– Ладно, через полчаса буду! – крикнул ей Томми и вихрем понесся вдоль улицы, крепко прижимая к груди сигарный ящичек.

Ящичек подрагивал, ерзал под оттопыренной курткой, но Томми бежал и бежал, жадно хватая ртом воздух.

Мистер Биллингс по-прежнему в безмолвном ожидании стоял на краю пустыря. Солнце почти зашло. Близился вечер. Мальчишкам пришлось разойтись по домам. Стоило Томми пересечь границу незастроенного участка, недобрый студеный ветер всколыхнул сорные травы, принялся яростно трепать его штанины.

– Принес? – сурово спросил мистер Биллингс.

– Конечно. Договорились же.

Остановившись, Томми кое-как перевел дух. Грудь после быстрого бега ходила ходуном. Неторопливо запустив руку под куртку, он вынул из-за пазухи увесистый сигарный ящичек, сдернул перетягивавшую его резинку и самую малость приподнял крышку.

– Вот, глядите.

Мистер Биллингс, часто, хрипло дыша, придвинулся ближе. Томми поспешно захлопнул крышку, снова перетянул ящичек резинкой и опустил его наземь.

– Сначала игра. Они мои... если только вам не удастся отыграть их.

– Хорошо, – сдался Биллингс. – Тогда начнем.

Томми, пошарив в карманах, отыскал агатик, осторожно поднял его к глазам. В меркнувшем свете солнца большой красно-черный шарик замерцал, заиграл белыми и песчано-желтыми кольцами – будто необъятная, фантастической твердости сфера Юпитера в ночном небе.

– Поехали, – объявил он.

Опустившись на колени, он начертил на земле неровный круг и высыпал внутрь шарики из мешочка.

– А у вас-то есть?

– Что?

– Шарики. Бить вы чем собираетесь?

– Одним из твоих.

– Ладно, – согласился Томми, забрав из круга шарик и бросив его старику. – Кто первый бьет? Хотите я?

Биллингс кивнул.

– Прекрасно.

Хитро улыбнувшись, Томми зажмурил глаз, тщательно прицелился. На миг его тело застыло, напряжилось, словно полоска стали. Удар! Шарики глухо застучали, зазвенели, один за другим выкатываясь из круга в густую траву. Неплохо, очень неплохо!

Томми собрал выигрыш и сыпал шарики, выбитые за черту, в полотняный мешочек.

– Теперь моя очередь? – спросил Биллингс.

– Нет. Видите, мой агатик остался в кругу? Значит, я бью еще раз.

Снова присев на корточки, Томми прицелился. Удар!

На этот раз из круга выкатилось всего три шарика, однако его агатик по-прежнему не пересек черты.

– Опять я бью, – с довольной улыбкой пояснил Томми.

Почти половина уже у него... Припав на колено, мальчишка затаил дух, прицелился. В кругу двадцать четыре штуки. Еще четыре, и победа за ним. Всего четыре...

Удар! Два шарика пересекли черту... но следом за ними из круга выкатился, ускакал в траву и его агатик.

Томми подобрал оба шарика и агатик. Теперь у него набралось девятнадцать. В кругу – еще двадцать два.

– О'кей, – нехотя пробормотал он, – теперь ваша очередь бить. Давайте.

Эдвард Биллингс, кряхтя, покачнувшись, припал на колено, неуверенно повертел в руках шарик. Лицо старика посерело в сумерках.

– Вы что, в шарики не играли ни разу в жизни? – догадался Томми. – Не знаете, как битку держат?

– Действительно, – кивнул Биллингс, – понятия не имею.

– Указательный палец вот так согните, крючком. Сюда, на сгиб, кладите шарик, – пояснил Томми, глядя, как шарик, будто живой, выскальзывает из негнущихся старческих пальцев.

Наконец Биллингс, подобрав оброненный шарик, ухватил его как положено.

– Теперь большой палец вот так, внутрь, согните, и ногтем по шарика – раз! Вот так. Давайте покажу.

Согнуть непослушные пальцы старика как требуется и вложить в них шарик удалось не сразу. Наконец Томми выпрямился.

– Давайте, бейте. Посмотрим, что у вас выйдет.

Целился старик долго, долгое время разглядывал шарики в кругу. Рука его заметно дрожала; хриплые, глубокие вздохи разносились во влажном вечернем воздухе далеко-далеко.

Но вот старик искоса взглянул на сигарный ящичек, мирно лежавший неподалеку, в тени, вновь перевел взгляд в круг, шевельнул большим пальцем, и...

Круг озарился яркой, слепящей вспышкой. Томми, невольно вскрикнув, прижал ладони к глазам. Весь мир закружился, закачался, кренясь то вправо, то влево. Не устояв на ногах, Томми рухнул в сырую траву. В висках загудело. Кое-как сев, мальчик протер глаза, помотал головой, сощурился, но разглядеть ничего не смог.

Наконец россыпь искр в воздухе поугасла. Моргнув, Томми огляделся.

Круг оказался пуст. Внутри не осталось ни шарика. Биллингс выиграл все.

Томми оперся о землю. Ладонь обожгло так, что он, вздрогнув, отдернул руку. Рядом, в траве, мерцала огоньком капелька расплавленного, докрасна раскаленного стекла. Повсюду вокруг, в гуще покрытых росой сорняков, сияли, мало-помалу остываая, темнея, капли стекла – осколки тысячи тлеющих, гаснущих звезд.

Эдвард Биллингс, медленно выпрямившись, потер ладонь о ладонь.

– Какое счастье, что все это кончилось, – прокряхтел он. – Староват я уже, чтобы так спину гнуть.

Взгляд старика остановился на сигарном ящичке, лежавшем в траве.

– Ну вот. Теперь они вернутся ко мне, и я смогу продолжить работу.

Подняв и сунув под мышку ящичек, Биллингс подобрал зонтик и заковылял к тротуару у края пустыря.

– Прощай, – приостановившись, сказал он.

Но Томми не ответил ни слова, и Биллингс, крепко прижимая ящичек к боку, поспешил восвояси, домой.

Порядком запыхавшийся, он поднялся к себе, отшвырнул в угол черный зонтик и сел к столу, а сигарный ящичек поставил перед собой. Какое-то время старик, переводя дух, сидел и безмолвно глядел на коричневый с белым ящичек из дерева и картона.

Он победил. Он вернул их назад. Они снова в его руках – и как раз вовремя: дата сдачи отчета практически на носу.

Сбросив пиджак и жилетку, Биллингс засучил рукава. Все его тело была легкая дрожь. Повезло ему. Посчастливилось. Контроль над разнообразностью В предельно ограничен. Можно сказать, эти создания уже вне юрисдикции, в этом-то и заключается корень проблемы. Оба прежних вида – и А, и В – сумели освободиться от надзора. Взбунтовались, отказались повиноваться распоряжениям и, таким образом, вышли за рамки замысла.

Но эти-то, проект С, – вид совсем новый. Теперь все зависит от них. Да, на время они от него ускользнули, однако теперь снова в его руках. Под неусыпным контролем, как и было задумано. Под надзором и руководством.

Освободив ящичек от резинки, Биллингс медленно, осторожно приподнял крышку.

Крохотные создания тут же ринулись на свободу. Быстро. Со всех ног. Одни помчались направо, другие налево – двумя цепочками, склонив головы, устремились прочь. Первый, достигнув края стола, спрыгнул вниз, приземлился на коврик и, не устояв на ногах, покатился кубарем. За ним на пол спрыгнул второй, третий...

Очнувшийся от оцепенения Биллингс лихорадочно взмахнул рукой в попытке поймать беглецов. К этому времени на столе их осталось лишь двое. Одному удалось ускользнуть, а вот второй... Схватив его, Биллингс крепко-накрепко сжал кулак. Заметив это, товарищ изловленного тут же развернулся к нему. В руках он сжимал щепку – тоненькую лучинку, оторванную от стенки сигарного ящичка изнутри.

Бросившись к Биллингсу, человечек с разбегу вонзил острый конец щепки в его палец.

Старик, ахнув от боли, невольно разжал пальцы. Пленник, выпавший из ладони, кувырком покатился по столу, но его товарищ тут же помог ему встать, поволок за собой, к краю столешницы, и оба разом спрыгнули вниз.

Биллингс, нагнувшись, потянулся к ним. Человечки во всю прыть бросились к двери на веранду. Один из них круто свернул к стене, к торчавшей из розетки вилке настольной лампы, и что было сил дернул за шнур. На помощь ему устремился второй. Оба дернули разом. Вилка подалась, выскользнула из розетки, настольная лампа погасла, и комната погрузилась во мрак.

Нащупав стол, Биллингс рывком выдвинул один из ящиков, вывалил содержимое на пол, ощупью отыскал спичечный коробок и чиркнул толстой серной спичкой.

Увы, пока он возился со спичками, человечки успели удрать на веранду.

Биллингс поспешил за ними. На ветру огонек спички угас, и старик зажег новую, прикрыв пламя ладонью.

Тем временем человечки добежали до перил, перебрались через их основание и, цепляясь за стебли плюща, канули вниз, в темноту.

Биллингс бросился следом, к краю веранды, но было поздно: человечков и след простыл. Все девять, спустившись с карниза, скрылись во мраке ночи.

Опрометью бросившись вниз, старик вылетел на заднее крыльцо, спрыгнул на землю и поспешил за угол, к стене, заросшей плющом.

Ни шороха. Ни движения. Мертвая тишина. Подопечных – как не бывало.

Сбежали. Ушли. Разработали план бегства и привели его в действие. Двумя колоннами устремились в противоположные стороны, как только он поднял крышку. Безупречный расчет и безукоризненное исполнение.

С трудом волоча ноги, Биллингс поднялся к себе, распахнул дверь кабинета и, шумно отдуваясь, остановился, не в силах справиться с пережитым потрясением.

Подопечные скрылись. Проект С завершился, не успев даже начаться. Закончился неудачей, как и оба прежних. Точно таким же образом. Бунт, независимость. Выход из-под надзора и из-под контроля. В свое время проект А подал дурной пример проекту В, а от них ту же заразу подцепил проект С.

Биллингс устало уселся за письменный стол. Долгое время сидел он, не двигаясь, в молчаливых раздумьях и постепенно понял: его вины в поражении нет. То же самое происходило и ранее, причем не раз, дважды, а значит, произойдет вновь. Каждый новый проект, заразившийся недовольством предыдущего, передаст его следующему, и этому не будет конца. Сколько проектов ни разработай и ни осуществи, итог выйдет один. Бунт. Бегство. Отклонение от замысла.

Спустя какое-то время Биллингс придвинул к себе громадный том с отчетом, неторопливо открыл книгу там, где остановился, и вынул из переплета весь последний раздел, «Заключение». Сворачивать и списывать в утиль текущий проект ни к чему. Этот проект несколько не хуже любого другого. Каждый из них завершится тем же – точно таким же крахом.

И это ему следовало понять, едва взглянув на подопечных. Как только мальчишка приподнял крышку. Все подопечные оказались одетыми. Одетыми в крохотные костюмчики. Совсем как те, прежние, в давние-давние времена.

Пузыри преткновения

Выбравшись из наземного автомобиля, Натан Халл полной грудью вдохнул утреннюю прохладу и пересек мостовую пешком. Мимо, урча двигателями, катили первые робогрузовики, решетка водосточного люка жадно всасывала накопившийся за ночь мусор. На миг его внимание привлек исчезающий в щели газетный заголовок:

«ПРЯМОЙ ПУТЬ К АЗИАТСКОМУ КОНТИНЕНТУ:
ТИХООКЕАНСКИЙ ТУННЕЛЬ ЗАВЕРШЕН!»

Заложив руки в карманы, Халл отошел от перекрестка и двинулся к дому Фарли.

Мимо обычного магазина «Уорлдкрафт» под столь же обычным крикливым рекламным лозунгом: «Собственный мир для каждого!» вдоль короткой дорожки, окаймленной травой, к наклоненному вперед, нависшему над крыльцом выступу парадного входа... Одолев три ступени из поддельного мрамора, Халл махнул ладонью перед лучом кодового замка, и дверь плавно растаяла в воздухе.

В здании царила мертвая тишина. Отыскав трубу подъемника, ведущую на второй этаж, Халл взглянул вверх. Нет, ничего. Ни звука. Однако из проема трубы веяло теплом и едва уловимыми запахами – знакомыми запахами пищи, людей и прочего. Может, уже разъехались? Нет, быть этого не может: сегодня же только третий день. Должно быть, все где-то рядом – к примеру, поднялись на террасу на крыше.

Поднявшись на второй этаж, Халл снова не обнаружил поблизости ни души, однако откуда-то издали донесся шум – звонкий смех, мужской голос, голос девушки... возможно, Джулии. Хорошо, если так. Если так, значит, она еще не в отключке.

Как правило, торжества по поводу очередного Конкурса начинают перерастать в дебош именно к этому времени, где-то на третий-четвертый день...

Собравшись с духом, Халл выбрал дверь наугад. Дверь послушно растаяла, но в комнате за ней тоже не оказалось ни одного из гостей. Диваны, пустые бокалы, битком набитые пепельницы, порожние ампулы из-под стимуляторов, разбросанная повсюду одежда...

Тут-то в комнату откуда ни возьмись и ввалилась Джулия Марло об руку с Максом Фарли, а следом за ними еще полдюжины человек – возбужденные, покрасневшие, в глазах едва ли не лихорадочный блеск. Войдя в комнату, все они остановились.

– Нат?!

Отстранившись от Фарли, Джулия без оглядки бросилась к Халлу.

– Нат! Неужели уже так поздно?

– Третий день в разгаре, – ответил Халл. – Хелло, Макс.

– Хелло, Халл. Присаживайся, почувствуй себя как дома. Чем тебя угостить?

– Ничем. Нам пора. Джулия...

Фарли, взмахом руки подозвав робанта, подхватил с подноса на его груди пару бокалов.

– Держи, Халл. Хоть один-то бокальчик выпить успеешь.

В дверях появился Барт Лонгстрит об руку со стройной, гибкой блондинкой.

– Халл? Ты уже здесь? Так быстро?

– Третий день. Я заехал за Джулией. Если она еще не передумала уходить.

– Не надо ее забирать! – запротестовала стройная блондинка. Из одежды на ней имелся только халатик-«косоглаз», невидимый, если смотреть искоса, однако матовый, искристый, точно струи фонтана, когда смотришь на него прямо. – Жюри как раз совещается! Там, в общем зале. Побудьте с нами. Настоящее веселье только начинается!

С этими словами она подмигнула Халлу. Глаза ее под распухшими, густо-синими веками остекленели, будто спросонья.

Халл оглянулся на Джулию.

– Если хочешь остаться...

Джулия нервно стиснула его локоть, придвинулась ближе и, продолжая заученно улыбаться, шепнула на ухо:

– Нат, ради всего святого, увези меня отсюда, да поскорее. Пожалуйста! Я больше не выдержу.

В голосе ее слышалась горячая мольба, глаза лихорадочно блестели, напрягшееся, напружинившееся тело тряслось мелкой дрожью.

– О'кей, Джулия, едем. Может, позавтракаем где-нибудь по дороге. Ты когда ела в последний раз?

– Дня два назад... кажется. Не помню, – с запинкой ответила Джулия. – Жюри уже совещается. Господи, Нат, видел бы ты...

– Ну нет, пока судьи не вынесут решения, уезжать не годится, – пророкотал Фарли. – Думаю, они вот-вот закончат. А ты не участвуешь, Халл? Так ничего от себя и не выставил?

– Нет, не выставил.

– Но у тебя же наверняка есть свой...

– Не-а. Нет, как ни жаль, – с легкой иронией в голосе ответил Халл. – Нет у меня своего мира, Макс, и не будет. Видеть их не могу.

– Многое упускаешь, – с глуповатой, блаженной улыбкой, качнувшись на пятках, сказал Макс. – Праздник нынче – просто на славу. Лучшие Конкурсные торжества за многие месяцы. И ведь это все только разминка! Настоящее веселье начнется после объявления победителя.

– Я в курсе, – заверил его Халл, поспешно увлекая Джулию к спусковой трубе. – Пока, Барт, до встречи. Звони, когда выберешься отсюда.

– Пстой! погоди! – внезапно пробормотал Барт, склонив голову набок. – Все! Жюри закончило совещаться. Сейчас объявят, кто выиграл.

Развернувшись, Барт устремился к дверям в общий зал. Остальные, охваченные волнением, последовали за ним.

– Халл, Джулия, вы с нами?

Халл бросил взгляд на девушку.

– Ладно, задержимся на минутку.

Оба нехотя двинулись следом за всеми.

Навстречу им хлынула волна шума. В огромном зале, заполняя его до краев, бурлила, бушевала толпа народу.

– Я выиграла! Выиграла! – вне себя от восторга кричала Лора Беккер.

Вокруг нее к столу с выставленными на конкурс работами, толкаясь, пробивая себе путь локтями, рвались, подхватывали свои работы другие участники. Голоса их звучали все громче и громче, сливались в зловещий, нестройный гул. Робанты безмятежно сдвигали в стороны мебель и светильники, освобождая пространство. Просторный зал стремительно скатывался в откровенное безумие: накал всеобщей истерии рос на глазах.

Пальцы Джулии сомкнулись на локте Халла крепче прежнего.

– Я так и знала. Идем. Идем отсюда, пока не началось.

– Что именно?

– Да ты только послушай их! – В глазах Джулии замерцали искорки страха. – Идем, Нат! С меня хватит. Я этого больше не вынесу.

– Так я ведь тебя заранее предупреждал.

Джулия с блеклой улыбкой схватила поданное робантом пальто, продела руки в рукава и принялась поспешно застегивать пуговицы.

– Предупреждал, уж это точно. Признаю. Предупреждал. А теперь идем отсюда, ради всего святого! – Развернувшись, она устремилась сквозь толпу к спусковой трубе. – Едем

отсюда скорее. Позавтракаем где-нибудь. Ты был полностью прав. Подобные вещи не для нас с тобой.

Тем временем Лора Беккер, пухлая, с виду лет около сорока, поднималась на сцену, к столу жюри. Халл приостановился, глядя, как победительница, женщина необъятной толщины, с невероятным трудом одолевает ступеньку за ступенькой. В немигающем свете множества прожекторов химически откорректированные черты ее лица посерели, обмякли, словно оплывающий свечной воск. Третий день празднования брал свое: усталость явственно проступала на лицах множества стариков, пробиваясь даже сквозь рукотворные маски.

Наконец Лора поднялась на сцену.

– Глядите! – во весь голос выкрикнула она, подняв свое произведение над головой.

Пузырь от «Уорлдкрафт» засверкал в лучах прожекторов, и Халл невольно восхитился его красотой. Если мир, заключенный внутри, не уступает внешней оболочке...

Включенный Лорой пузырь вспыхнул звездой, засиял ярче прежнего. Зал разом стих, все взгляды устремились в сторону экспоната-победителя – мира, взявшего первый приз, одержавшего верх над произведениями прочих участников.

Действительно, Лора потрудилась на славу. Даже Халл не мог этого не признать. Как только она увеличила изображение микроскопической центральной планеты, собравшиеся в один голос ахнули от восторга.

Выдержав паузу, Лора снова увеличила изображение. Центральная планета придвинулась ближе, демонстрируя всем и каждому бледно-зеленые океанские волны, лениво, одна за другой, катящиеся к невысокому берегу. Вскоре в поле зрения появился и огромный город: башни, изящные ленты широких улиц, виадуки из стали и золота. В небесах, согревая город, сияла пара солнц-близнецов. Мириады жителей города спешили куда-то, каждый по своим делам.

– Чудесно, – негромко сказал Барт Лонгстрит, подойдя к Халлу и остановившись рядом. – Впрочем, старая ведьма занимается этим уже шестьдесят лет. Как тут не победить? Она ведь ни одного Конкурса на моей памяти не пропустила.

– Да, превосходно, – признала и Джулия, однако ее похвала прозвучала не слишком убедительно.

– Похоже, вы ко всему этому равнодушны, – заметил Лонгстрит.

– Больше скажу: мне просто плевать!

– Ей уйти отсюда не терпится, – пояснил Халл, увлекая Джулию к спусковой трубе. – До скорого, Барт.

Барт Лонгстрит кивнул.

– Да, понимаю, о чем ты. И во многих отношениях с вами согласен. Не возражаешь, если я...

– Глядите же! – истошно выкрикнула Лора Беккер, покрасневшая как свекла, и увеличила изображение до максимума. Микроскопический город сделался виден во всем своем великолепии. – Видите их? Видите?!

Обитатели города тоже предстали перед собравшимися в мельчайших подробностях. Бессчетные тысячи горожан – кто пешком, кто в машинах – деловито торопились куда-то, потоками текли по ажурным галереям, паутинками соединявшим высотные здания невиданной красоты.

Учащенно, с натугой дыша, Лора подняла пузырь над головой и обвела взглядом зал. Воспаленные глаза ее заблестели, замерцали нездоровым огнем. Ропот возбуждения в зале усилился, достиг высшей точки. Бесчисленные обладатели пузырей «Уорлдкрафт» взволнованно, в нетерпении, подняли собственные произведения на высоту груди.

У Лоры отвисла челюсть, из уголков рта на подбородок, заполняя складки обвисшей кожи, потекли струйки слюны. Скривив губы, конвульсивно всколыхнув дряблой, точно тесто, грудью, победительница подняла пузырь еще выше. Лицо ее исказила отвратительная, дикая

grimаса, жирные бока и живот жутко затряслись, заходили ходуном... и пузырь «Уорлдкрафт», с размаху брошенный ею вниз, под ноги, лопнул, разбившись о помост сцены.

Лопнув, пузырь разлетелся на тысячу кусочков. Осколки стекла, обломки металла и пластика, шестерни, поперечины, трубки и прочие жизненно важные части деликатного механизма, приводящего пузырь в действие, брызнули во все стороны веером.

В зале тотчас же разверзся крошечный ад. Все прочие мировладельцы тоже принялись крушить, ломать, топтать собственные миры, дробя каблуками хитроумную электромеханическую начинку выставленных на Конкурс пузырей. Охваченные исступлением, вырвавшимся на волю по сигналу Лоры Беккер, не помня себя, все вокруг – и мужчины, и женщины – затряслись от страсти, от похоти, достойной Дионисийских оргий, один за другим разрушая, губя миры, старательно сотворенные собственными руками.

– Господи, – выдохнула Джулия, со всех ног ринувшись к выходу, и Лонгстрит с Халлом последовали за ней.

Лица блестят от пота, глаза горят лихорадочным, безумным огнем... Бессмысленно разинутые рты, ничего не значащие выкрики... Разорванная в клочья одежда сброшена на пол... Отчаянный визг поскользнувшейся, упавшей под ноги буйной толпы девушки тонет в поднимающемся шуме. За первой жертвой толпа сминает вторую. Общее исступление туманит головы. Толчея, вопли, стоны... и отовсюду, со всех сторон слышен жуткий, несмолкающий звон бьющегося стекла и скрежет металла, возвещающий гибель новых и новых миров.

Бледная от ужаса, Джулия едва ли не волоком вытащила Халла за порог и, содрогнувшись, прикрыла глаза.

– Я знала... предчувствовала. Три дня все к этому вот и шло. Все... все миры до единого – вдребезги... собственными руками...

Следом за Халлом с Джулией из зала вышел Барт Лонгстрит.

– Идиотизм какой-то, – сказал он, дрожащей рукой поднося к сигарете спичку. – Какой бес в них вселился? И ведь это уже не впервые. На прежних Конкурсах тоже порой ни с того ни с сего начинали ломать, крушить собственные миры. Зачем?! Чего ради?!

Халл подошел к спусковой трубе.

– Поехали с нами, Барт. Позавтракаем... и я расскажу, что сам обо всем этом думаю, а там уж – хочешь верь, хочешь нет.

– Секунду! – Барт Лонгстид выхватил из рук приблизившегося робанта свой «Уорлдкрафт». – Моя конкурсная работа. Не хотелось бы ее потерять.

Спрятав пузырь, он поспешил за Джулией с Халлом.

* * *

– Еще кофе? – спросил Халл, оглядев остальных.

– Не нужно, – пробормотала Джулия, со вздохом откинувшись на спинку кресла. – С меня достаточно.

– А я выпью, пожалуй, – сказал Барт, подтолкнув свою чашку к робокофеварке. Кофеварка, наполнив чашку, вернула ее назад. – Хорошо ты тут устроился, Халл. Уютно.

– Разве ты у меня здесь еще не был?

– Нет. Я ведь уже сколько лет к вам, в Канаду, не наезжал.

– Давай послушаем твои догадки, – негромко напомнила Джулия.

– Да, верно, – спохватился Барт. – Валяй. Я весь внимание.

Халл, сделав паузу, задумчиво взглянул через уставленный тарелками стол в сторону вещицы, мирно лежащей на подоконнике. В сторону работы, выставленной на Конкурс Бартом, заключенной в пузырь от «Уорлдкрафт».

– «Собственный мир для каждого», – с сарказмом процитировал он. – Вот уж лозунг так лозунг...

– Пэкмен его сам придумал, – напомнил Барт. – В молодости. Почти век тому назад.

– Он настолько стар?

– На процедурах держится. В его положении можно себе позволить...

– Ну да, разумеется.

Поднявшись на ноги, Халл подошел к окну и вернулся назад с пузырем в руках.

– Не возражаешь? – спросил он Барта.

– Конечно. Пожалуйста.

Халл щелкнул парой тумблеров на поверхности пузыря, и внутри появилось изображение. Миниатюрная планета, медленно вращающаяся вокруг оси, крохотное, иссиня-белое солнце... Увеличив масштаб, Халл пригляделся к планете.

– А что, неплохо, – признал он.

– Примитив! Поздний Юрский период. Сноровки мне не хватает. До стадии млекопитающих ни один мир еще не сумел довести. Шестнадцатая попытка, а дальше поздней юры – никак, хоть ты тресни.

Планету покрывали густые джунгли, окутанные зловонным маревом гнилостных испарений. Болота, огромные звери, кишачие в зарослях гниющих на корню папоротников, глянцевитые, выющиеся кольцами тела рептилий, поднимающихся из вязких, курящихся паром трясин...

– Выключи, а? – пробормотала Джулия. – Я ими уже сыта по самое горло. На Конкурсе нам не одну сотню продемонстрировали.

Барт, забрав у Халла пузырь, выключил изображение.

– На Конкурсе мне ловить было нечего. Юрских джунглей для выигрыша маловато. Конкуренция там жесткая. Половина участников дорастила миры в пузырях до эоцена, а по крайней мере десятеро и до плиоцена дошли. Даже экспонат Лоры опередил остальные разве что самую малость. Цивилизаций, развившихся до градостроительства, я насчитал около полудюжины, однако ее оказалась почти такой же развитой, как мы.

– Шестьдесят лет опыта, – напомнила Джулия.

– Да, опыта ей не занимать, и усердия тоже. Лора – одна из немногих, для кого все это не забава, а настоящее увлечение. Дело всей жизни.

– Однако в итоге она крушит собственное творение, – задумчиво проговорил Халл. – Разбивает пузырь вдребезги... вместе с миром, над которым трудилась не один год. Терпеливо растила, вела от периода к периоду, дальше и дальше... и вдруг – раз! Превращает в обломки.

– Зачем? Зачем, Нат? – спросила Джулия. – Что побуждает их так поступать? Стараются, растягивают, развивают... и только ради того, чтоб уничтожить все одним махом?

Халл откинулся на спинку кресла.

– Началось все это, – заговорил он, – после того, как мы не нашли жизни ни на одной из других планет. После того, как наши исследовательские экспедиции одна за другой вернулись с пустыми руками. Восемь мертвых, безжизненных шариков, не годящихся даже для лишайников. Песок и камень. Бескрайние пустыни. И так – раз за разом, неудача за неудачей, от Меркурия до самого Плутона.

– Смириться с этим оказалось нелегко, – согласился Барт. – Правда, для нас-то те времена – давнее прошлое.

– Не такое уж давнее. Около века назад. Пэкмен, к примеру, их помнит. Понимаешь, мы так долго ждали полетов на ракетах, путешествий к иным планетам, а в конце концов не нашли там ничего...

– Будто Колумб, обнаруживший, что Терра на самом деле плоская, – вставила Джулия. – Вот край, а за краем – пустота. Бездна.

– Хуже! Колумб искал всего-навсего короткий путь в Китай. В случае неудачи ничто не препятствовало плавать по-прежнему, длинным. А вот мы, исследовав нашу систему и ничего не найдя, столкнулись с нештучной проблемой. Люди надеялись, рассчитывали на новые миры, мечтали о новых землях в небе. О колонизации. О контакте с самыми разными расами. О межпланетной торговле, обмене минералами, продуктами культур... но главное – с замиранием сердца предвкушали первую посадку на планеты, населенные потрясающими, невиданными формами жизни.

– И вместо всего этого...

– Мертвые булыжники. Бросовые пустыни, не годящиеся для поддержания жизни, хоть нашей, хоть какой-либо другой. Представляешь, насколько глубокое разочарование постигло все слои общества?

– И вот тут-то Пэкмен подсунил людям эти пузыри, «Уорлдкрафт», – прибавил Барт. – Собственный мир для каждого! За пределами Терры – ничего интересного. Делать в космосе нечего. Улететь отсюда и переселиться в другой мир возможности нет. А раз нет, стало быть...

– Стало быть, сиди дома и твори себе собственный мир, – с кривой улыбкой подытожил Халл. – Слышали, кстати? Пэкмен недавно детскую версию в продажу пустил. Нечто вроде подготовительного, обучающего комплекта. Чтобы любой ребенок сумел постичь основы миростроительства еще до того, как получит пузырь!

– Но сам посуди, Нат, – заметил Барт Лонгстрит, – вначале пузыри казались идеей стоящей. Терру нам не покинуть, значит, будем строить собственные миры прямо здесь. Творить субатомные миры в замкнутой регулируемой среде. Порождаем жизнь, подсовываем ей препятствия и проблемы, вынуждаем эволюционировать, подниматься к новым и новым вершинам развития. Теоретически ничего дурного в этой идее нет. Времяпровождение, определенно творческое, не просто пассивное наблюдение вроде просиживания штанов перед телевизором. По большому счету миростроительство – высшая, идеальная разновидность искусства. Не зря же оно в скором времени заменило собой все развлечения, все пассивные виды спорта наряду с музыкой и живописью...

– Однако что-то пошло не так.

– Это уже после, – возразил Барт. – Поначалу миростроительство было занятием творческим. Каждый, купив себе пузырь «Уорлдкрафт», творил собственный мир. Развивал жизнь все дальше и дальше. Лепил ее, словно из глины. Управлял ею. Состязался с другими, чтобы проверить, кто сумеет создать самый развитый мир.

– Таким образом, пузыри решили еще одну серьезную проблему, – добавила Джулия. – Проблему досуга. Праздности. Работают за нас роботы, обслуживают нас, заботясь обо всех наших нуждах, робанты, и потому...

– Да, тоже проблема серьезная, – согласился Халл. – Избыток свободного времени, которое нечем занять. Плюс к этому – разочарование оттого, что наша планета оказалась единственной обитаемой планетой на всю систему. Казалось бы, пузыри Пэкмена решили их обе. Однако со временем на свет вылезло еще кое-что. Кое-что изменилось.

Потушив в пепельнице докуренную сигарету, Халл тут же закурил новую.

– Перемены я отметил сразу, – продолжал он. – Начались они десять лет назад, и с тех пор положение неуклонно становится все хуже и хуже.

– Но почему?! – воскликнула Джулия. – Объясни, наконец, почему все до единого бросили строить миры творчески, созидательно и начали их разрушать?

– Ты хоть раз видела, как дети отрывают мухам крылышки?

– Конечно. Но...

– Вот и тут то же самое. Садизм? Нет, не совсем. Скорее своего рода любопытство. Плюс упоение властью. Отчего дети ломают игрушки? Все по тем же причинам. И еще вот о чем нельзя забывать. Пузыри с мирами – всего-навсего субституты, занявшие место чего-то боль-

шего, а именно – обнаружения подлинной жизни на соседних планетах. Замена, откровенно сказать, дьявольски скромная. Неравноценная. Эти миры – все равно что игрушечные лодочки в ванне. Или модели ракет, с которыми ребяташки играют на каждом углу. Суррогаты, замещающие нечто подлинное. Почему люди увлекаются ими? Потому что лишены возможности исследовать настоящие, большие планеты. Потому что в каждом из них скопилась уйма энергии, которую не на что употребить. А сдерживаемая внутри энергия скисает. Перерастает в агрессию. Какое-то время люди возятся, нянчатся со своими мирками, растягивают их, но, наконец, латентная враждебность, ощущение обделенности и...

– Все это можно объяснить куда проще, – спокойно заметил Барт. – Твоя теория слишком усложнена.

– Чем же объяснишь происходящее ты?

– Природной склонностью человека к деструкции. Естественным человеческим желанием сеять смерть и разрушения.

– Нет в человеке ничего подобного, – категорически возразил Халл. – Человек все-таки не муравей. Его побуждения гораздо гибче. Инстинктивной «склонности к деструкции» в человеке не больше, чем инстинктивного желания резать из кости ножи для конвертов. У людей есть энергия, а во что она выльется, зависит от открытых перед каждым возможностей. В этом-то вся и беда. Каждый из нас наделен силами, желанием двигаться вперед, действовать, творить. Однако мы заперты, закупорены здесь, ограничены одной планетой. А потому покупаем пузыри «Уорлдкрафт» и творим себе крохотные мирки сами. Но ведь этих микроскопических миров для нас мало. Удовлетворения от них не больше, чем от игрушечной яхты для человека, всю жизнь мечтавшего выйти под парусом в море.

Барт приумолк, глубоко, надолго задумался.

– Возможно, так оно и есть, – наконец сказал он. – Логика – не подкопаешься. Однако что ты предлагаешь взамен? Если остальные восемь планет мертвы...

– Продолжать поиски. За пределами системы.

– Продолжаем. Ищем.

– А попутно искать другие, не столь искусственные, средства разрядки.

Барт, широко улыбувшись, с любовью погладил пузырь.

– Тебе так кажется только потому, что тебя самого не цепляет. А я лично свой мир искусственным не считаю.

– Но большинство-то считает, – вставила Джулия. – Большинство ими не удовлетворено. Потому мы и ушли с Конкурсных торжеств.

Барт хмыкнул, задумчиво сдвинул брови.

– Согласен, свинством все обернулось. Мерзкое зрелище. Однако пузыри все же лучше, чем ничего. Что ты предлагаешь? Отказаться от пузырей? А чем тогда время занять? Просто сидеть, разговаривать?

– Нат побеседовать любит, – негромко заметила Джулия.

– Как и всякий интеллеktуал, – усмехнулся Барт, стукнув кончиком пальца по рукаву Халла. – Ведь твое место на заседаниях Директората среди Интеллектуалов и Профессионалов? Серая полоса?

– А твое?

– Сам знаешь, синяя полоса. Производственники.

– Верно, – кивнул Халл. – Ты ведь работаешь в «Терран Спейсуэйз». На вас нынче вся надежда.

– Стало быть, ты предлагаешь отказаться от пузырей и попросту сидеть сложа руки. Блестящий выход из положения!

Халл слегка покраснел.

– Отказаться от них, хочешь не хочешь, скоро придется, а чем потом занять время – это уж смотри сам.

– То есть?

Халл повернулся к Лонгстриту. Глаза его засверкали огнем.

– Я подал на рассмотрение Директората законопроект. Законопроект о запрете пузырей «Уорлдкрафт».

Барт в изумлении разинул рот.

– О запрете... чего?!

– На каких основаниях? – оживилась и Джулия.

– Из нравственных соображений, – безмятежно ответил Халл. – И, думаю, мне удастся его пропихнуть.

Зал заседаний Директората гудел от множества голосов, отдающихся эхом под сводами потолка. Просторное помещение кишело множеством теней, силуэтов людей, рассаживающихся по местам, готовясь к началу очередных слушаний.

Председатель Директората, Эддон фон Штерн, стоял рядом с Халлом в сторонке, позади трибуны.

– Давайте-ка уточним еще раз, – сказал фон Штерн, нервно запустив пятерню в поседевшие волосы. – Итак, вы твердо намерены выступить с речью по поводу собственного законопроекта? Отстаивать его лично?

– Именно, – кивнул Халл. – Отчего бы нет?

– Счетно-аналитические машины прекрасно разберут законопроект по косточкам и представят каждому из членов Директората беспристрастный отчет. Красноречие давным-давно вышло из моды. Выступив с громкими эмоциональными призывами, в поражении можно не сомневаться. Члены Директората не станут вас даже...

– Ничего, рискну. Вопрос слишком важен, чтоб отдавать его на откуп машинам.

Халл обвел взглядом зал. Общая суматоха постепенно унималась. Представители самых разных слоев общества со всего света расселись по креслам. Одетые в белое владельцы недвижимости. Финансовые и промышленные магнаты в синем. Красные рубашки лидеров фабричных кооперативов и коллективных сельских хозяйств. Зеленые костюмы представителей и представительниц среднего класса, фракции потребителей. И, наконец, справа, на самом краю, его собственная, серая, полоса: врачи, юристы, ученые, педагоги – Интеллектуалы и Професионалы, работники умственного труда всех мастей.

– Ничего. Рискну, – повторил Халл. – Хочу, чтоб законопроект был принят. Эту проблему давно пора решить.

Фон Штерн, пожав плечами, взглянул на Халла с нескрываемым любопытством.

– Как угодно. Но что вы имеете против «Уорлдкрафт»? Бодаться с таким могущественным синдикатом, знаете ли, затея малоперспективная. Кстати, сам Пэкмен тоже где-то здесь. Странно, что вы...

На спинке робокресла вспыхнула сигнальная лампа, и фон Штерн, оставив Халла, поднялся на трибуну.

– И правда, стоит ли выступать самому? – сказала Джулия, стоящая рядом с Халлом, в тени. – Может, он прав? Пускай законопроект анализируют машины.

Однако Халл молча глядывался в море лиц, пытаясь отыскать Пэкмена. Да, вот и он, владелец «Уорлдкрафт». В безукоризненно белой рубашке Форрест Пэкмен казался древним, иссушенным старостью ангелом. Сидеть он предпочитал среди собственников, считая «Уорлдкрафт» недвижимым имуществом, а не промышленным предприятием. Класс собственников до сих пор был в обществе самым престижным.

Плеча Халла коснулся фон Штерн:

– Пора. Займите кресло и изложите свое предложение.

Халл поднялся на трибуну и уселся в просторное мраморное кресло. На бесчисленном множестве лиц в зале отражалось лишь нарочитое равнодушие.

– Условия предложения, с которым я хочу выступить, вы все прочли, – начал Халл. Голос его загремел из динамиков на столе каждого из членов Директората. – Я предлагаю признать деятельность «Уорлдкрафт Индастриз» общественно опасной, а недвижимые активы компании передать в собственность государства. Основания для этого можно изложить в нескольких фразах:

– Принципы действия и устройство продукции «Уорлдкрафт», управляемых субатомных универсумов, вам известны. Субатомных миров, микроскопических копий нашей пространственной координаты, существует бесконечное множество. Чуть менее ста лет тому назад «Уорлдкрафт» разработала метод, позволяющий с точностью до тридцати десятичных знаков управлять напряжением сил, воздействующих на данные микрокоординатные плоскости, и довольно простое электромеханическое устройство, при помощи которого управлять ими может любой взрослый человек.

– Эти устройства для управления обособленными областями субатомных координат начали производить и продавать неограниченному кругу лиц под лозунгом «Собственный мир для каждого!». Замысел в том, что владелец устройства в буквальном смысле слова становится владельцем целого мира, поскольку устройство обеспечивает полную власть над силами, управляющими субатомным универсумом, во всем аналогичным нашей с вами вселенной.

– Приобретая одно из выпускаемых «Уорлдкрафт» устройств, в обиходе – «пузырь», человек становится, ни много ни мало, владельцем настоящей вселенной и волен делать с ней все, что заблагорассудится. В справочных руководствах, прилагающихся к покупке, объяснено, как управлять миниатюрными мирами, чтобы в них зарождались первые формы жизни, и как затем ускорять их эволюцию, поощрять последовательную замену низших форм высшими, пока в итоге – при условии, что владелец достаточно умел – в его личной собственности не окажется цивилизация, достигшая культурного уровня, сопоставимого с нашим.

– В последние годы продажи этих устройств на наших глазах возросли настолько, что по крайней мере один субатомный мир с собственной цивилизацией есть почти у каждого. А еще эти годы стали свидетелями гибели множества личных вселенных, вместе с планетами и их обитателями разбитых, растоптанных владельцами в пыль.

– Увы, создавать высокоразвитые цивилизации, эволюционирующие с немыслимой быстротой, а затем собственными руками уничтожать их никакими законами не запрещено. Отсюда и мое предложение. Подумайте: эти миниатюрные цивилизации вовсе не иллюзорны. Каждая из них вполне реальна. Каждая существует в действительности. Микроскопические обитатели этих миров...

Собравшиеся в огромном зале нетерпеливо заерзали, закашляли, зароптали, некоторые вообще отключили динамики на столах. Сбившийся с мысли Халл запнулся, похолодел. На лицах внизу, перед ним, не отражалось ничего, кроме скуки и холодного равнодушия. Собравшись с духом, он поспешно продолжил:

– В данный момент их обитатели находятся в полной зависимости от прихотей владельцев устройств. Если кому-то из нас вдруг захочется расправиться с их миром, наслать на них цунами, землетрясения, ураганы, пожары, повысить активность вулканов, уничтожить их без остатка, им нечего нам противопоставить.

– По отношению к этим миниатюрным цивилизациям мы – практически божества, способные мановением руки погубить бессчетные миллионы жизней. Поразить их молнией, сровнять с землей их города, круша крохотные здания, словно муравейники. Разбить весь их мир вдребезги, точно надоевшую игрушку, забаву, жертву любого нашего каприза.

Умолкнув, Халл оцепенел, напрягся всем телом в предчувствии недоброго. Часть членов Директората, не дождавшись завершения его речи, поднялись из-за столов и двинулись к выходу. На губах фон Штерна играла кривая саркастическая улыбка.

– Я, – смущенно продолжил Халл, – хочу добиться запрета на пузыри «Уорлдкрафт». Таков наш нравственный, гуманистический долг перед всеми цивилизациями, что...

С грехом пополам завершив выступление, он поднялся на ноги. Серая полоса Интеллектуалов и Профессионалов откликнулась на его речь жидкими аплодисментами. Одетые в белое собственники безмолвствовали. Производственники в синем тоже. «Красные рубашки» и потребители в зеленых костюмах также хранили гробовое молчание, держались бесстрастно, даже слегка насмешливо.

Холодея от явственного осознания поражения, Халл спустился с трибуны и вернулся назад, в кулуары.

– Мы проиграли, – пробормотал он. – Понять не могу, в чем дело...

Джулия взяла его под руку.

– Возможно, тут требовалась апелляция к другим чувствам. А может, машины еще...

Из сумрака выступил Барт Лонгстрит.

– Без толку, Нат. Не выгорит.

– Вижу, – кивнул Халл.

– Морализаторством «Уорлдкрафт» не одолеть. Это не выход.

Фон Штерн подал сигнал, и члены Директората начали голосовать. Счетные машины зажужжали, пробуждаясь к жизни. Потрясенный, раздавленный, Халл молча глядел в охваченный ропотом зал.

Вдруг впереди, заслонив обзор, возник чей-то силуэт. Раздосадованный, Халл отступил в сторону, чтоб лучше видеть, однако надтреснутый старческий голос остановил его.

– Жаль, мистер Халл, жаль. Удачи на будущее!

Халл оцепенел.

– Пэкмен? – пробормотал он. – Что вам угодно?

Вышедший из сумерек Форрест Пэкмен медленно, ощупью, точно слепой, двигался прямо к нему.

Барт Лонгстрит уставился на старика с нескрываемой неприязнью.

– Пойду, Нат. До скорого, – сказал он и, развернувшись на каблучках, двинулся прочь.

Джулия придержала его за локоть.

– Барт, тебе непременно...

– Да. Важное дело. Скоро вернусь.

С этим Барт Лонгстрит быстрым шагом направился в зал, к креслам фракции производственников, и Халл остался с Пэкменом один на один.

Видеть старика в такой близости ему еще не доводилось, и теперь Халл не без интереса наблюдал, как Пэкмен, опираясь на поручень робанта, ковыляет к нему.

Стар Форрест Пэкмен был очень: сто семь лет – не шутки. Жизнь в его древнем, иссохшем теле держалась лишь благодаря инъекциям гормонов, переливаниям крови и прочим невероятным сложным очистительным и омолаживающим процедурам. Шагая к Халлу, старик не сводил с него выцветших, глубоко запавших глаз, изо всех сил сжимал узловатыми пальцами поручень робанта, дышал с присвистом, с хрипотцой.

– Халл? Не возражаете, если я поболтаю с вами немного, до завершения голосования? Надолго не задержу, – сказал он, подслеповато глядя за спину Халла. – А кто только что ушел? Ничего не разгляжу...

– Барт Лонгстрит из «Спейсуэйз».

– Ах да, помню такого, помню. Спасибо вам, Халл, за весьма интересную речь. Она так живо напомнила мне былые дни. Все эти люди подобных вещей не помнят. Время теперь иное...

Сделав паузу, Пэкмен подождал, пока робант не утрет слюну с его губ и подбородка.

– А вот я прежде живо интересовался риторикой. Кое-кто из старых мастеров слова...

Пропуская старческий лепет мимо ушей, Халл с любопытством разглядывал Пэкмена. Неужели в этом дряхлом, еле живом старике действительно заключена вся мощь «Уорлдкрафт»? С виду и не подумаешь...

– Брайан, – хрипло, негромко шептал Пэкмен. – Уильям Дженнингс Брайан. Я его выступлений, разумеется, сам не слышал, но, по свидетельствам многих, оратором он был величайшим. Нет, ваша речь тоже недурна, но вы кое-чего не понимаете. Я выслушал вас со всем вниманием и скажу так. Достойные идеи у вас имеются, однако в людях вы разбираетесь из рук вон плохо. Кому в действительности интересны подобные...

Осекшись, старик негромко закашлялся, и робант тут же охватил его парой металлических опорных полуколец.

Халл в нетерпении шагнул мимо него, к залу.

– Голосование вот-вот завершится. Я хочу слышать, как. Если у вас ко мне дело, изложите все необходимое обычным порядком, памятной запиской.

Робант Пэкмена сдвинулся в сторону, преградив ему путь.

– На самом деле, Халл, – медленно, с дрожью в голосе продолжал Пэкмен, – подобными призывами не заинтересовать никого. Речь ваша хороша, спору нет, однако вам не хватает идеи. По крайней мере, пока. Но говорите вы очень неплохо. Лучшего выступления я давненько уже не слышал. Все эти юнцы с чисто умытыми рожицами, суetyающиеся, будто конторские рассыльные...

Халл напряг слух: в зале оглашали результаты голосования. Туша бесстрастного робанта заслоняла весь вид, однако сухой, точно зола, шепот Пэкмена не мог заглушить объявления. Фон Штерн, поднявшись, зачитывал итоги подсчетов по фракциям.

– Итак, четыреста «против» при тридцати пяти «за». Предложение отклонено, – резюмировал он, бросив на стол табличные карточки и заглянув в план слушаний. – Далее на повестке дня...

Пэкмен за спиной Халла внезапно осекся, умолк, склонил набок голову, до жути напоминающую обтянутый кожей череп. Глубоко запавшие глаза старика заблестели, на губах замелькала улыбка.

– Отклонено? Вот видите, Халл, за вас отдали голоса даже не все из «серых». Возможно, теперь вы послушаете, что я скажу?

Халл отвернулся от зала. Робант опустил руку.

– Все. Конец делу, – сказал Халл.

– Идем, – позвала его Джулия, в тревоге отодвинувшись подальше от Пэкмена. – Идем отсюда.

– Видите ли, – неумолимо продолжал Пэкмен, – у вас имеется потенциал. Задатки, достойные дальнейшего развития. Я в ваши годы держался таких же взглядов. Думал: если воззвать к нравственному чувству, люди непременно откликнутся. Однако люди вовсе не таковы, а мыслить, если хочешь чего-то достичь, нужно реалистически. Люди...

Но Халл едва слышал его сухой, надтреснутый шепот. Отклонен. Его законопроект отклонен. «Уорлдкрафт», миры в пузырях – все это будет продолжаться своим чередом. Как ни в чем не бывало. Конкурсные торжества, скопища измученных скукой, не знающих, куда девать избытки свободного времени, людей, пьющих, танцующих, сравнивающих созданные миры, пока праздник не перерастет в буйную, варварскую оргию разрушения. Снова и снова. До бесконечности.

– Бодаться с «Уорлдкрафт» никому не по силам, – негромко сказала Джулия. – Слишком она велика. Барт прав: пузыри прочно вошли в нашу жизнь, и если нам нечего предложить взамен, с этим придется смириться...

Из полумрака быстрым шагом вышел Барт Лонгстрит.

– Вы еще здесь? – буркнул он, взглянув на Пэкмена.

– Я проиграл, – сообщил ему Халл. – Голосование...

– Знаю, слышал. Но это уже неважно, – перебил его Лонгстрит, оглябая Пэкмена с его робантом. – Ждите меня здесь, я мигом вернусь. Мне срочно нужно увидеться с фон Штерном. Уловив в голосе Лонгстрита некие новые нотки, Халл вздрогнул, насторожился.

– В чем дело? Что произошло?

– Почему наше поражение уже неважно? – поддержала его Джулия.

Однако Лонгстрит уже поднялся на трибуну. Подойдя к фон Штерну, он подал ему пластинку с сообщением и снова скрылся во мраке.

Фон Штерн взглянул на пластинку...

...и разом умолк, медленно поднялся на ноги, крепко сжимая пластинку в руке.

– Я должен сделать важное объявление, – с дрожью в голосе, едва слышно произнес он. – Мне только что передали депешу с наблюдательной станции «Спейсуэйз» на орбите Проксимы Центавра.

Зал возбужденно, взволнованно загудел.

– Исследовательские корабли в системе Проксимы вошли в контакт с торгово-разведывательным судном, принадлежащим иной, внегалактической, цивилизации. Обмен сообщениями уже состоялся. Корабли «Спейсуэйз» выдвигаются к системе Арктура, ожидая обнаружить там...

Что тут началось! Крики, грохот – сущий бедлам! Все в зале – мужчины, женщины – повскакали с мест, разразившись дикими воплями радости. Фон Штерн прервал чтение, скрестил руки на груди в ожидании тишины. Лицо его посерело, но, как и прежде, оставалось невозмутимым.

Форрест Пэкмен прикрыл глаза, замер, прижав иссохшие руки к груди. Робант поспешил обхватить старика опорными скобами, сомкнув их вокруг дряхлого тела прочным стальным щитом.

– Ну?! – проорал Лонгстрит, протолкавшись к ним.

Мельком взглянув в сторону хрупкого, увядшего старика в металлических объятиях робанта, он перевел взгляд на Халла с Джулией.

– Что скажешь, Халл? Идем отсюда! По-моему, нам есть что отпраздновать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.